

pen
1959

S 1896

МАРТ—АПРЕЛЬ

1-2

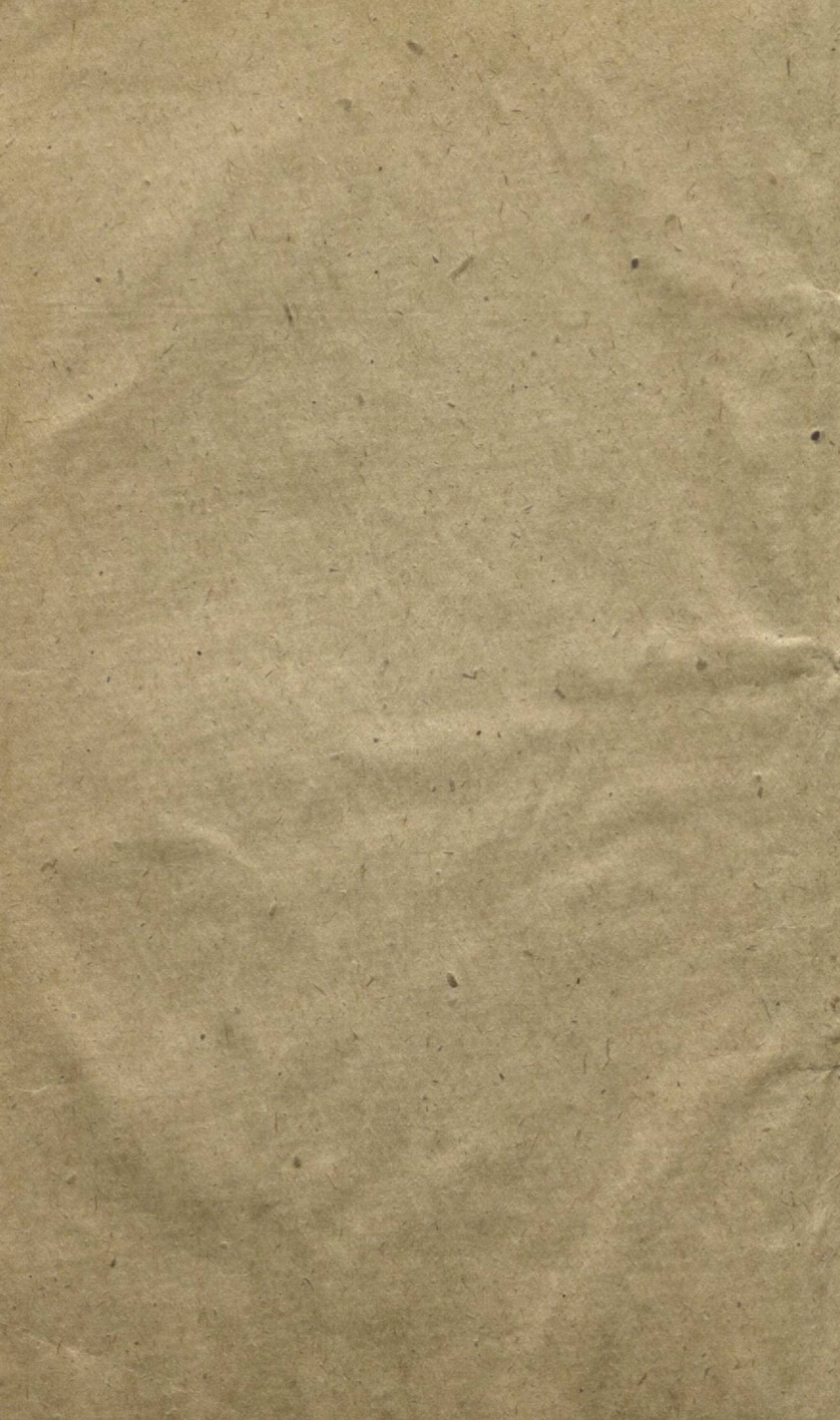
1959

ГУЛИСТОН

10

Гулстон

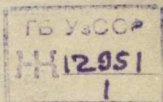
№ 1

МАРТ—АПРЕЛЬ

1959

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

ОГЛАВЛЕНИЕ

IV СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

Приветствие ЦК КП Таджикистана IV съезду писателей	3
Служение народу—главная задача нашей литературы (Речь первого секретаря ЦК КП Таджикистана тов. Ульджабаева Т. У.)	5
Центральному Комитету КПСС	13
Жизнь и литература (Из доклада Мирзо Турсун-заде на IV съезде писателей Таджикистана)	16
Резолюция IV съезда писателей Таджикистана	31
О литературной критике и литературоведении (Изложе- ние содокладов Ш. Хусейн-заде и А. Мирзо- заде)	34
Святой долг писателя (Из речи Р. Джалила)	40
Быть на уровне задач сегодняшнего дня (Из речи А. Шукухи)	43
О поэзии и поэтах (Из речи Г. Мирзоева)	45
По пути социалистического реализма (Из речи У. Ра- шидова)	47
А. БАХОРИ. Вступление в жизнь. Главы из поэмы. Пе- ревод М. Фофановой	49
К. ЛАГУНОВ. Будни. Роман. (Продолжение)	57
ЖОЛА. В Шуштере. Стихотворение. Перевод С. Бану	113

ДЕЛА И ЛЮДИ СЕМИЛЕТКИ

А. ДЕБРИНИН. Сердца горят. Сцены из жизни моло- дых строителей Головной ГЭС	114
В. БАЙДЕРИН. Клочок своей земли. Очерк	122
М. НАЖМИДДИНОВ. Распахнутое время. Из блокно- та журналиста	126

ГОЛОСА ЗАРУБЕЖНЫХ ДРУЗЕЙ

МУХАММАД АЛИ АФРАШТЭ. Странствующие павли- ны. Рассказ. Перевод с иранского В. Клепторина и Дж. Дорри	133
ДИЛАВЕР. Пустой дом. Перевод с арабского Т. Зуль- фикарова	138

Teksh.2003 yil

ИСКУССТВО

- А. НАДЖАФОВ. На подъеме. *О развитии графики в Таджикистане. Статья.* 140

САТИРА И ЮМОР

- А. ДЕХОТИ. Муллоён. — *Рассказ. Перевод Л. Кандинова* 146
 По норме Хайяма. *Рассказ. Перевод Л. Кандинова* 148
В. МОЛДАВЕР. Банный день Остапа Бендера. *Литературная пародия* 152

НАШ КАЛЕНДАРЬ

- Пайрав Сулеймони 155
Шолом-Алейхем 162

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

- По горячему следу 164
Не в ладах с нормами языка 166

ХРОНИКА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

На обложке: Л. Джураева — штукатур Головной ГЭС.

Четвертому съезду советских писателей Таджикистана

Центральный Комитет Коммунистической партии Таджикистана горячо приветствует четвертый съезд писателей республики и желает его участникам плодотворной работы.

Съезд писателей Таджикистана проходит в незабываемые дни, когда весь советский народ с глубоким волнением, с чувством гордости и радости за великую ленинскую партию, за свою могучую Родину, единодушно одобряя исторические решения XXI съезда партии, активно включился в выполнение грандиозной программы коммунистического строительства.

Решения XXI съезда определяют главные задачи партии и народа на целый исторический период, охватывают все стороны нашей жизни. В свете этих решений IV съезд писателей Таджикистана призван всесторонне обсудить важнейшие творческие проблемы, обобщить положительный опыт, вскрыть недостатки и наметить конкретные пути дальнейшего развития таджикской советской литературы.

Мощный расцвет экономики и культуры Советского Союза обеспечил бурное развитие многонациональной литературы народов всей страны, в которой достойное место занимает и таджикская литература. К своему IV съезду писательская организация республики пришла численно выросшей, идейно и организационно окрепшей, тесно сплоченной вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета.

Писатели Таджикистана на всех этапах социалистического строительства были в первых рядах самоотверженных борцов за дело партии, являясь активными участниками общественно-политической жизни республики, страстными пропагандистами и организаторами передовой социалистической культуры.

Таджикская советская литература, продолжая лучшие традиции многовековой таджикской классической литературы, обогатившись передовым опытом литератур великого русского народа и всех народов Советского Союза, достигла высокого мастерства и идейно-художественной зрелости. Наша литература выдвинула из своих рядов многих талантливых мастеров слова, произведения которых давно уже стали достоянием миллионов читателей в Советском Союзе и за рубежом.

Много отрадного в жизни нашей литературы произошло за время, минувшее после III съезда писателей Таджикистана. Особенно заметное оживление произошло в нашей литературе после известного выступления товарища Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа».

Этот партийный документ воодушевил творческих работников, сыграл важнейшую роль в борьбе за партийность литературы, за дальнейшее утверждение метода социалистического реализма, помог писателям глубоко осмыслить современную действительность, нанес решительный удар по ревизионизму в эстетике.

Таджикская литература за это время обогатилась значительными произведениями, героями которых являются наши современники — люди труда — рабочие, колхозники, интеллигенция, активные строители коммунизма. Впервые в таджикской советской литературе получили достойное воплощение образы представителей героического рабочего класса.

Отрадным явлением в жизни нашей литературы за последние годы является заметный творческий рост молодых талантливых таджикских писателей, создающих немало хороших произведений о жизни и людях Советского Таджикистана.

Но партия учит не успокаиваться на достигнутом. Жизнь с каждым днем предъявляет все новые требования к советским писателям. В свете исторических решений XXI съезда КПСС еще большее значение приобретает призыв партии о том, чтобы наши писатели были ближе к жизни народа. Глубже познавать и ярче отражать все великие процессы, происходящие в советском обществе в период развернутого строительства коммунизма, — такова главная задача нашей литературы.

Чтобы создавать произведения, достойные нашей эпохи, зовущие народ на претворение в жизнь грандиозных предначертаний семилетнего плана, надо хорошо знать жизнь, быть вместе с героями будущих книг. Только глубокое знание и понимание жизни помогут художнику слова создать истинно прекрасное произведение.

Долг наших писателей еще активнее бороться за высокий моральный облик советского человека, показывать огромную благотворную силу идей коммунизма дружбы народов, пролетарского интернационализма, отражать в своих произведениях героизм наших дней, трудовые будни советских людей, великие социалистические преобразования.

Нет благороднее и выше задачи, чем задача, стоящая перед нашей литературой, — запечатлеть героический подвиг народа — строителя коммунизма.

Писатели Таджикистана должны и впредь неустанно овладевать марксизмом-ленинизмом, активно бороться за идейную чистоту советской литературы, проявлять непримиримость к ревизионизму всех мастей, ко всяким проявлениям буржуазной идеологии и пережиткам прошлого.

Союз писателей Таджикистана должен внимательно и бережно относиться к воспитанию новых молодых писательских кадров.

Центральный Комитет Коммунистической партии Таджикистана выражает твердую уверенность в том, что писатели республики отдадут все свои силы, умение и знания самоотверженному служению народу и создадут новые высокохудожественные и высокоидейные произведения, достойные эпохи развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране.

Слава Коммунистической партии Советского Союза — божьему и испытанному авангарду советского народа, организатору и вдохновителю побед коммунизма!

Да здравствует марксизм-ленинизм, наше великое и непобедимое знамя!

**Центральный Комитет
Коммунистической Партии
Таджикистана.**

Служение народу — главная задача нашей литературы

*Речь первого секретаря ЦК КП Таджикистана т. Ульджабаева Т. У.
на IV съезде писателей Таджикистана*

Товарищи!

Данный, четвертый съезд писателей Таджикистана, в работе которого принимают участие многочисленные работники литературы и искусства, представители партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, а также наши дорогие и многоуважаемые гости из Москвы и братских республик Советского Союза, проходит в обстановке, когда весь советский народ, единодушно одобряя исторические решения XXI съезда КПСС, активно включился в практическое осуществление великих задач семилетки. Съезд писателей Таджикистана является выдающимся событием в общественно-политической и культурной жизни нашей республики. К его работе приковано внимание всех трудящихся, всей нашей общественности.

В эти дни, более чем когда-либо, наш народ ощущает зримые черты коммунистического общества. Ныне коммунизм для советских людей — это уже не далекая мечта, а конкретная задача сегодняшнего дня.

Наша страна вступила в новый период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества. Главными задачами этого периода являются всестороннее создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи нашей Родины, все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей советского народа.

Это будет решающий этап в мирном соревновании нашей Родины с капиталистическими странами, в практическом осуществлении исторической задачи — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Коммунистическая партия, весь советский народ полны уверенности, что эта задача будет решена успешно. Эту уверенность в нашей победе вселяют монолитная сплоченность народов Советского Союза вокруг родной Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета, небывалый патриотический подъем и непреклонная решимость советских людей отдать все свои силы на борьбу за претворение в жизнь грандиозных планов коммунистического строительства в нашей стране, выдвинутых в настоящее время партией.

Вместе со всем советским народом активно участвует в борьбе за построение нового коммунистического общества и наша литература — многочисленный отряд советских писателей.

Советская многонациональная литература прошла славный путь своего развития, она всегда, на всех этапах коммунистического строительства выступала как активный помощник партии в коммунистическом

воспитании трудящихся. Третий Всесоюзный съезд писателей явится проверкой сил единой многонациональной советской литературы, ее готовности и впредь верно служить делу коммунистического строительства.

После второго съезда прошло не так много времени. Четыре с половиной года — это небольшой срок для литературы. Но наша жизнь насыщена такими великими делами, которые требуют от литераторов больших усилий, чтобы идти в ногу со временем, с жизнью.

В этот период состоялись исторические XX и XXI съезды КПСС, которые явились важнейшими событиями не только в жизни советского народа, но и в истории всего международного коммунистического и рабочего движения. В решениях съездов партии четко определены задачи, стоящие перед работниками литературы и искусства. В этот период опубликованы известные выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», принят ряд постановлений ЦК КПСС по вопросам искусства.

Все это говорит о том, что партия неустанно, повседневно проявляет заботу и внимание литературе и искусству. Партия всегда призвала и призывает творческие силы советской литературы правдиво, ярко и вдохновенно показывать нашу социалистическую действительность.

Данный съезд, который проходит под знаком серьезной, принципиальной, творческой критики и самокритики, взискательного обсуждения опыта нашей литературы, наглядно показывает, что писательская организация республики за отчетный период не только численно выросла, но организационно и идейно окрепла. Таджикская литература идет навстречу третьему Всесоюзному съезду писателей, как один из боеспособных отрядов нашей многонациональной литературы, тесно сплоченный вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета. (*Аллодисменты*).

Успехи наших литераторов за отчетный период очевидны. Об этом достаточно подробно сказано в приветствии ЦК КП Таджикистана, в докладе Мирзо Турсун-заде и в выступлениях делегатов съезда. Говоря о работе наших литераторов, мне хотелось бы подчеркнуть некоторые стороны общего порядка, характеризующие развитие нашей литературы в целом.

Прежде всего, мы с гордостью можем сказать, что наши писатели хорошо понимают политику партии в области литературы и сделали правильные выводы из партийного документа «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Они стали более настойчиво бороться за идейную чистоту своих произведений, за их партийность и народность, за утверждение метода социалистического реализма.

Это проявилось в том единодушии, с каким писатели Таджикистана дали отпор ревизионистским наскокам на нашу советскую литературу, а также отдельным проявлениям упадничества и критикантского очернительства. Это проявилось в новых интересных и значительных книгах, правдиво отображающих многогранную жизнь своего народа. Тематика произведений таджикских писателей стала более современной и заметно расширилась. Все эти явления, безусловно, являются отрадными для всех нас и вдохновляют на дальнейшую борьбу за новые успехи в развитии литературы.

Во-вторых, отрадно отметить, что наша таджикская литература развивается во всех направлениях. Очень важно, что это поступательное движение мы наблюдаем не только в творчестве отдельных писателей и поэтов. Тенденция роста ясно видна в развитии всех жанров, в росте писательского коллектива, в совершенствовании художественного мастерства. Мы можем смело сказать, что наша таджикская литература прочно вступила в зрелую пору своего развития.

В-третьих, говоря о развитии таджикской советской литературы, нельзя не отметить, что ее развитие проходит в тесной взаимосвязи и взаимообогащении с другими национальными литературами народов СССР. Особенно благотворное влияние на развитие нашей литературы оказала и продолжает оказывать литература великого русского народа. Наша литература в результате отеческой заботы и помощи русских писателей уверенно вышла на всесоюзную арену. Лучшие произведения наших писателей и поэтов ныне читают и любят многочисленные читатели всех национальных республик Советского Союза. Наша литература и ее лучшие произведения стали также широко известны и любимы далеко за пределами нашей Родины. Таджикская советская литература являющаяся составной частью многонациональной советской литературы, все больше завоевывает международный авторитет.

Все это характеризует поступательный и интернациональный характер развития нашей литературы. Это, безусловно, большое достижение.

Однако достигнутые успехи в развитии литературы не должны вскружить голову нашим писателям. Сейчас перед литературой стоят особенно ответственные задачи, вытекающие из решений XXI съезда КПСС. В свете этих возросших задач вам, дорогие товарищи писатели, предстоит еще сделать очень многое.

Прежде всего литература призвана передать в художественных образах живое дыхание жизни, показать то новое, что вошло в жизнь народа, что стало характерным для страны, строящей коммунизм.

Народы Советского государства переживают бурное и богатое событиями время. Каждый день приносит нам все новые и новые перемены в жизни, которые глубоко радуют всех нас. Посмотрите хотя бы на Таджикистан. Куда ни кинь свой взгляд, везде увидишь победное шествие новой жизни, шагающей поистине семимильными шагами.

Успевают ли наши писатели за жизнью, идущей вперед такими темпами? К сожалению, надо признать, что при всех немалых успехах, наша литература еще в известной мере отстает от жизни и не удовлетворяет полностью духовных запросов народа. Еще не создано крупных произведений о славных делах таджикских хлопкоробов, получающих самые высокие урожаи хлопка в мире. Нет в таджикской литературе и ярких образов нашей интеллигенции, нашей славной молодежи, передовых советских женщин, которые бы служили для всех нас действительно вдохновляющим примером.

Особенно это относится к нашей прозе. Большинство произведений отражает годы революции, борьбу с басмачеством, первые пятилетки, годы Отечественной войны, а вот книг, рассказывающих о событиях послевоенного периода, у нас все еще мало.

Серьезные претензии в этом отношении следует предъявить к нашей драматургии. У нас нет еще хороших пьес о жизни рабочих, хлопкоробов, животноводов, интеллигенции и других представителей нашего трудового народа, если не считать последней пьесы Ансори «Жизнь и любовь». Надо сказать, в докладе правильно отмечено, что это очень удачная пьеса, в ней хорошо и интересно показана жизнь интеллигенции.

Можно сделать также упрек и в адрес поэзии, особенно в развитии такого жанра, как песня. Таджикский народ любит песню. Она помогает ему и в труде и в отдыхе. Песни всегда тесно связаны с действительностью и в своем историческом пути развития отражают наиболее значительные темы современности.

Возьмите тридцатые и сороковые годы. В это время в нашей республике получили массовое распространение таджикские советские песни о раскрепощении женщин, о Родине, партии, комсомоле, о фабрике,

колхозе, о молодежи. Широкую популярность завоевали песни «Ман фарзанди як дехконам», «Султонови номдор», «Пахта-пахта чон пахта», «20 сола шуд комсомол», «Ери мастчохи», «Заррагул», «Мамлакати мо» и другие. Появление этих чудесных песен было связано, прежде всего, с именем Айни, Лахути, затем Турсун-заде, Амин-заде. Ценность этих песен — в их общественной значимости.

Новые песни появились в годы Отечественной войны. Среди них: патриотические песни композитора З. Шахиди «Бубин», «Иди зафар», маршеобразные боевые песни Ш. Бобокалонова «В бой», «Острый меч», песни Салиева «Родина», «Стальная крепость» и другие. Много замечательных песен создано в послевоенный период. Песни эти сочинялись на замечательные стихи Айни, Лахути, Турсун-заде, Дехоти, Амин-заде, Шукухи и других поэтов.

Однако песня за последние годы у нас стала самым отстающим участком, стала отставать от жизни. В этом отставании повинны не только наши композиторы, но прежде всего поэты. В последние годы Таджикгосиздат не выпустил ни одного сборника таджикских советских песен, а между тем потребность в этом очень велика.

Народ ждет от поэтов и композиторов хороших песен, которые отражали бы чувства советских людей, были бы наполнены радостью творческого созидательного труда, отражали бы нашу светлую и радостную жизнь. Песня должна чутко откликаться на все события жизни.

Надо еще раз подчеркнуть, что каждый писатель, будь то драматург, прозаик, поэт, должен помнить, что народу нужны книги о нашей прекрасной современности. Причем, книги такие, которые бы увлекли, вели за собой, волновали, учили, раскрывали в жизни то, чего сам бы читатель не заметил.

Отражать новую жизнь правдиво и ярко — это прежде всего правдиво и ярко показывать нового человека. Но, решая эту задачу, многие писатели подчас слишком схематично изображают своих героев, обедняя их внутренний духовный мир.

Возьмите, например, тему о наших колхозах. Партия за последние годы проделала огромную работу по укреплению их квалифицированными, хорошо знающими дело кадрами. После укрупнения колхозов у руководства их стали самые опытные, самые лучшие, среди них имеются дважды Герои Социалистического Труда тт. Урунходжаев и Исмаилов, много Героев Социалистического Труда. Не видеть этого — значит допускать большую ошибку. Между тем в произведениях нашей литературы такие кадры председателей колхозов подчас не занимают достойного места и не находят правильного освещения.

Многие положительные герои произведений наших писателей живут узким мирком, интересами своего цеха, завода, колхоза, района. А правильно ли это? Я думаю, что нет. Для современного советского человека эти рамки узки. Вы являетесь инженерами человеческих душ и поэтому вам не следует забывать ту истину, что сегодняшний советский гражданин — это новый человек. Ему в высшей степени присуще чувство ответственности перед историей, перед будущим.

Народ ждет от наших писателей, чтобы они показали во всем величии и многообразии борьбу советского человека за коммунизм, своими произведениями формировали нового человека, воспитывали в советских людях самые лучшие и благородные черты характера. На это писателям не раз указывали наша партия, ленинский Центральный Комитет.

Но наша современность — это не значит только сплошные успехи, сплошные победы. В нашей жизни есть немало и недостатков, много старого, отживающего, которое упорно держится в сознании, привычках и обычаях людей. Эти пережитки проявляются нередко в мелко-

собственнических тенденциях, в попытках нажиться за счет государства, в нарушении трудовой дисциплины, пьянстве, взяточничестве, спекуляции, феодально-байском отношении к женщине, в религиозных предрассудках и т. д.

Надо сказать, что за годы Советской власти проделана огромная работа по коммунистическому воспитанию трудящихся, ликвидация пережитков прошлого. Однако эту борьбу нельзя считать законченной. Старые обычаи и нравы, безнадежно проиграв дело, в то же время не уступают своих позиций без боя. И нам надо быть очень внимательными, чтобы все это видеть и решительно пресекать.

В этой борьбе с пережитками прошлого большую роль призвана сыграть наша советская литература. Она не может обходить эти важные вопросы нашей действительности, иначе она потеряет свою остроту, как сильнейшее идеологическое оружие в коммунистическом воспитании трудящихся. Весь вопрос в том, с каких позиций подходить к разрешению этих проблем. Писатель наверняка не ошибется в разрешении любой острой проблемы, если он к ней подходит с партийных позиций, с благородным желанием помочь своему народу в его движении вперед.

Работники литературы никогда не должны забывать, что они находятся на одном из ответственных участков идеологической борьбы и должны быть всегда готовы дать достойный отпор любым наскокам и выпадам своих идеологических противников. Этот вопрос приобретает особое значение именно сейчас, когда мировая реакция открыла яростные атаки на нашу Родину, на социалистический строй, на нашу идеологию, в том числе и на советскую литературу, и, в частности, на социалистический реализм, как метод художественного изображения действительности, на ее партийность.

Задача заключается в том, чтобы постоянно вести работу по идейной закалке наших кадров, помогать писателям глубоко овладевать марксистско-ленинской теорией. Только постоянная кропотливая и заботливая работа по воспитанию нашей творческой интеллигенции поможет нам предостеречь наши кадры от нежелательных идейных вывихов и ошибок.

Следует особо обратить внимание на работу среди творческой молодежи. Выступления многих делегатов съезда проникнуты серьезной озабоченностью о воспитании литературной смены. Это действительно важный вопрос. Подавляющее число членов нашей писательской организации — это люди в возрасте сорока лет и старше. Между тем творческая работа по подготовке литературной молодежи ведется слабо.

С молодыми литераторами почти не проводятся, например, такие виды работы, как семинары, конференции, индивидуальное шефство и переписка с ведущими писателями и поэтами Таджикистана и других республик Советского Союза. Не практикуются выступления на страницах печати ведущих писателей с анализом творчества молодых. А почему бы с этими вопросами не выступить на страницах республиканских газет, литературных и партийных журналов таким товарищам, как Боки Рахим-заде, который вот уже на двух писательских съездах подряд выступает по вопросу работы с молодыми писательскими кадрами, а также Мирзо Турсун-заде, Сатыму Улуг-зода, Рахим Джалилу Джалолу Икрами и другим.

Многие часто используют эту трибуну только для того, чтобы критиковать молодежь. Но надо не только критиковать, но и повседневно, заботливо учить, воспитывать, готовить достойную смену. Гафара Мирзоева не раз критиковали с этой трибуны, и я первый начал его критиковать. У Гафара Мирзоева есть талант, смелость, находчивость, но ему не хватает знания жизни. А сколько у нас таких молодых писателей и поэтов. У нас большинство молодых писателей не прошло серьезной

жизненной школы. Взять, например того же тов. Мирзоева. Он окончил школу, учился в пединституте, год работал учителем, а теперь поэт. Таков жизненный путь и у многих молодых писателей Ленинобада. Большинство из них после учебы работает в газете «Хақиқати Ленинобод». Может быть, из них кто в будущем действительно станет большим писателем или поэтом. Мирзо Турсунович тоже, видимо, не думал, что он станет большим поэтом, а стал таким, и об этом мы можем громко сказать. (*Аплодисменты*). И Гафар Мирзоев в будущем так же может стать крупным и широко известным поэтом, но для этого надо много работать, глубже изучать жизнь своего народа, который создает все наши богатства.

Многие наши молодые писатели обладают талантом, широким размахом, находчивостью. И если бы эти качества дополнить глубоким знанием жизни, то их творческая работа была бы наверняка более плодотворной. Мы должны помогать нашей писательской молодежи глубже изучать жизнь, ближе знакомиться с передовыми людьми республики. Надо молодых писателей смелее привлекать к общественной деятельности, к работе в комсомоле, профсоюзе. Поэты и писатели должны быть непосредственно на фабриках, заводах, строительных площадках. Ничего зорного не будет, если будущий писатель и сам поработает на производстве. Это поможет ему глубже разобраться в жизни, правильно понять психологию людей труда.

Каждый молодой писатель или поэт, если он хочет быть настоящим хорошим художником слова, должен изучить жизнь своего народа. Почему бы, например, т. Мирзоеву или другому молодому писателю или поэту не поехать в Вахшскую долину или в ваши родные места, т. Мирзоев, — в Кулябскую группу районов? Эти районы теперь соревнуются с Гиссарской долиной за получение высокого урожая хлопка. И надо сказать, что кулябцы добились значительных успехов. Колхозы Гиссарской долины — самой высокоурожайной долины республики — в прошлом году получили урожай хлопка в среднем по 31,8 центнера с гектара, а колхозы Кулябской группы — по 31,5 центнера. Такие трудовые успехи хлопкоробов достойны художественного отображения в нашей литературе.

Подготовка литературной смены — это, товарищи, вопрос жизни нашей писательской организации. И поэтому забота о молодых литераторах должна пронизывать всю работу Союза писателей.

Ряды нашей писательской организации должны пополняться не только за счет интеллигенции, но и за счет талантливой молодежи, занятой в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, прошедшей хорошую школу жизни.

Надо сказать, товарищи, что упрек молодым писателям в необходимости постоянно и глубоко изучать жизнь, относится не только к ним, но и к старшему поколению писателей. Нам, например, тов. Турсунзаде, очень понравились мероприятия Союза писателей, проводимые перед съездом. Всюду — в колхозах, на фабриках, на стройках проходили собрания трудящихся, на которых писатели встречались со своими читателями. А почему такие мероприятия проводятся только перед съездом? (*Смех в зале*). Такую работу надо проводить из месяца в месяц. А для того, чтобы было меньше расходов на проведение подобного рода культурных мероприятий, их можно проводить совместно с работниками культуры. Вы прочитаете стихи, расскажете о своих произведениях, а артисты могут исполнить песни на ваши стихи.

Тов. Турсунзаде: Мы это сделали для того, чтобы нас не критиковали на съезде. (*Смех в зале*).

Тов. Ульджабаев: Критиковать вас и без этого есть за что. А эти хорошие мероприятия надо проводить в дальнейшем систематически, а

не только перед съездом. (*Оживление в зале. Возгласы: Правильно!*).

Товарищи, труд писателя — это особый труд. Он требует не только больших знаний, соответствующих дарований, но и идейной закалки, упорства в работе, глубокого знания жизни своего народа. Писатель должен постоянно чувствовать пульс жизни, видеть перспективы ее развития, быть всегда на передовых позициях всенародной борьбы. А это значит, быть всегда в гуще народа, постоянно изучать жизнь.

В этом отношении очень поучительна жизнь великих людей, творчество которых является для нас большой школой. Обратимся к письмам А. П. Чехова к А. М. Горькому. В этих письмах мы видим стремление помочь друг другу, хотя тот и другой были великие люди. А. П. Чехов писал А. М. Горькому, находившемуся тогда в Нижнем:

«Вам надо больше видеть, больше знать, шире знать. Воображение у вас цепкое, ухватистое... Вы человек молодой, сильный, выносливый, я бы на Вашем месте в Индию укатил, черт знает куда, я бы еще два факультета прошел».

Если подобный совет был необходим даже такому знатоку жизни и мастеру художественного слова, как Горькому, то он тем более необходим нашей молодежи, начинающей только писать, да и многим товарищам, которые уже давно пишут. Чтобы знать жизнь, мало только съездить в колхоз или на фабрику, завод. Надо там пожить, поработать, по-настоящему изучить трудовую деятельность, духовный мир и характер создателей материальных благ.

Писатель должен видеть перспективу жизни своего народа и помогать ему в решении стоящих перед нами задач. Задачи эти огромны. Предстоящая семилетка открывает перед республикой поистине величественные перспективы. Вот некоторые цифры. Они наглядно показывают, какой гигантский скачок вперед сделает экономика республики. Думаю, что в этих цифрах и фактах вы найдете пищу для вдохновения.

На развитие всех отраслей народного хозяйства республики за семь лет будет вложено около 11 миллиардов рублей, это больше, чем было вложено в народное хозяйство за все годы Советской власти в Таджикистане. Валовая продукция промышленности республики увеличится за семилетие в 1,8 раза.

Наряду с дальнейшим развитием существующих отраслей промышленности возникнут новые важные отрасли тяжелой промышленности — химическая, машиностроительная и электротехническая, которые явятся базой для нового бурного развития всего народного хозяйства республики.

Электроэнергии за семилетие будет выработано 10,7 миллиарда киловатт-часов, в то время как за последние 21 год было произведено ее всего 4 миллиарда киловатт-часов.

Хлопчатобумажных тканей будет выпущено за семилетку 478 миллионов метров, против 365 миллионов метров, выпущенных за годы Советской власти.

Выпуск шелковых тканей составит 202 миллиона метров, а за прошедшие 21 год было произведено 150 миллионов метров.

Обуви кожаной за семилетие будет произведено 26,3 миллиона пар, против 15,6 миллиона пар за прошедший такой же срок.

Хлопко-волокна будет произведено 1 миллион 112 тысяч тонн — 65 процентов количества, произведенного за двадцать один год.

Такой же большой рост производства произойдет в сельском хозяйстве.

Мяса за семилетку мы должны произвести 153 тысячи тонн — это

80 процентов количества мяса, произведенного за последние двадцать один год.

Масла растительного за семилетку будет произведено 344 тысячи тонн, а за последние двадцать один год его произведено 272 тысячи тонн.

За семилетку республика должны произвести: молока — 178 тысяч тонн, фруктов — 95 тысяч тонн, консервов — 584 миллиона условных банок и т. д.

Произойдет дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни таджикского народа. Розничный товароборот увеличится на 64 процента. В городах и рабочих поселках будет введено около 4 миллионов квадратных метров жилья, будут построены 70 тысяч домов для колхозников. Это в два и шесть десятых раза больше, чем в предыдущем семилетии. Будет осуществлена газификация городов Сталинабада, Ленинабада и ряда других населенных пунктов. Значительно расширится сеть лечебных, культурно-бытовых и детских учреждений, санаториев, домов отдыха. Дальнейшее развитие получают наука, культура, искусство, народное образование.

Как видите, товарищи, задачи перед нами стоят действительно огромные. Кто будет осуществлять эти задачи? Наши люди, наш рабочий класс, строители, инженерно-технические работники, агрономы, механизаторы, колхозники, интеллигенция. Вдумайтесь в эти цифры и вы увидите широту тех перспектив, которые открываются перед нашей республикой, вы увидите еще более радостный и счастливый завтрашний день в жизни нашего народа, включившегося вместе со всеми людьми в строительство коммунистического общества.

Но это счастливое завтра нам предстоит завоевать напряженным созидательным трудом. В этом благородном всенародном деле будет и ваш вклад, дорогие товарищи писатели и поэты, хотя ваши задачи и не определены конкретными цифрами.

Таджикский народ добился огромных завоеваний в развитии культуры, неизмеримо вырос духовно. В прошлом наш народ в основной своей массе был неграмотным. За годы Советской власти неграмотность ликвидирована, создана своя литература. За это время наша полиграфия выпустила свыше 10 тысяч названий различной литературы тиражом около девяносто двух миллионов экземпляров, из них более 7,5 миллиона художественной литературы.

Вполне понятно, что в ходе коммунистического строительства духовные запросы наших людей будут расти еще более быстрыми темпами, и в удовлетворении этих запросов очень много призваны сделать вы, товарищи писатели.

Товарищи! Мы живем в такое время, когда хочется как можно больше сделать, трудиться еще самоотверженнее на благо народа, зная, что именно труд возвышает человека.

Плодотворная работа нашего съезда показала, что писательская организация республики, тесно сплоченная вокруг Коммунистической партии, хорошо осознает задачи, поставленные перед ней партией и народом.

Разрешите выразить уверенность в том, что писатели Таджикистана в ответ на призыв нашей партии примут все меры к тому, чтобы с честью выполнить эти задачи, создадут высокохудожественные и высокоидейные произведения, достойные нашего богатого событиями времени, своего трудолюбивого и талантливого народа, и тем самым внесут свой достойный вклад в великое дело строительства коммунизма в нашей стране. *(Бурные, продолжительные аплодисменты).*

Центральному комитету КПСС

Мы, писатели Советского Таджикистана, собравшиеся на свой IV съезд, шлем слова сердечного, пламенного привета великой партии коммунистов и ее ленинскому Центральному Комитету.

Наш съезд проходит в знаменательные дни невиданного подъема политической и трудовой активности рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции. Вдохновленные историческими решениями внеочередного XXI съезда КПСС, они приступили к выполнению величественного семилетнего плана коммунистического строительства в нашей стране. Могучи и неисчерпаемы творческие созидательные силы советского народа, впервые в истории человечества поставившего атомную энергию на службу мирным целям, осуществившего запуск трех искусственных спутников Земли и космической ракеты.

Наш путь в коммунистическое завтра светел и прям. Вместе со всеми советскими людьми таджикский народ, озаренный сиянием бессмертных ленинских идей, уверенно идет вперед по начертанному партией пути. Он полон гордости за расцвет своей экономики и культуры, достигнутый под руководством нашей родной Коммунистической партии.

Как неузнаваемо изменился, преобразился наш край, в прошлом нищий, разоренный! На смену кустарным мастерским пришли мощные промышленные предприятия, оснащенные передовой техникой. Там, где некогда ползли выючные тропы, пролегли асфальтированные линии автострад. Таджикистан стал краем колхозного изобилия, краем, где работают тысячи школ и техникумов, вузов и Академия наук. В далеких кишлаках Памира, Дарваза и Каратегина, так же как и в столице Таджикистана, повседневно ощущается страстное биение пульса нашей жизни. Горец—житель этих кишлаков—читает новые книги при ярком свете лампочки Ильича. Он слушает радио, смотрит кинофильмы, учится в вузах страны. Когда-то в прошлом в горные кишлаки вели только опасные пешеходные тропы. Одинокого путника, пробирающегося по оврингу, предостерегала надпись на скале: «Будь осторожен, ты — как слеза на реснице». Таджикский народ в прошлом напоминал этого одинокого путника, пробиравшегося по горному бездорожью на краю гибели.

Жизнь и литература

(Из доклада МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ на IV съезде писателей Таджикистана)

Никита Сергеевич Хрушев в своем выступлении «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» говорит: «Писатели, художники, скульпторы, композиторы, работники кино и театрального искусства, вся наша интеллигенция своим творчеством активно участвуют в созидательной деятельности советского общества, верно служат своему народу».

Советские писатели прошли все легендарные годы двадцатого века как труженики и как солдаты. Первым из великого университета жизни вышел Горький, а вместе с ним принципиально новую, молодую, боевую литературу социалистического реализма создавали матросы революционных кораблей и дальневосточные партизаны, крестьяне смоленских деревень и питерские рабочие, трудовой люд Белоруссии и Украины, горцы кавказских аулов и чабаны казахских степей, насмерть исхлестанные самодержавными плетками просветители-учителя провинций Бухарского эмирата.

Все дело в множественности и многогранности связей писателя с народом, в целенаправленности и полноте жизни писателя, в широте его интересов и жизненного внимания. Писатель Хаким Карим, — воин, офицер, много лет работавший в государственных учреждениях, много переводивший классиков, европейскую литературу, — оставил, как итог своей человеческой жизни, несколько великолепных рассказов, вошедших в основной фонд таджикской советской литературы. Я уже не говорю о жизненных путях много повидавших и много испытавших Айни и Лахути. Вряд ли таджикская литература приобрела бы своих классиков, если бы они не прошли такой мужественный и героический путь.

Яркие произведения — всегда следствие яркой жизни не только народа, но и самого автора. Наши книги — это всегда личные впечатления и переживания, личная судьба, неразрывно связанная с народной.

«Когда человек обогащен личным опытом, ему уже не хватает поэзии, он должен придти в прозу», — говорил Айни. И ему самому стали узки не только рамки поэзии, но и рамки старой прозы, и он естественно пришел к новой манере письма — к реализму. Когда он избрал себе учителем Горького, у него уже был верный наставник и руководитель — сама жизнь.

Я бы сказал, что жизненный опыт всесторонне обогащает качество писателя. Он придает писателю мудрость, мастерство и трудолюбие. И с таким багажом писатель не писать не может. Айни настолько был обогащен жизненным опытом, что он работал до конца своих дней: материал перегонял его и подгонял...

Но какой бы материал не выбрал для своей работы писатель, тема современности, кипучая жизнь, все равно должна быть душой, плотью и кровью его книг.

Как же обстоит дело у нас, в нашей писательской организации?

Я бы сказал, что сейчас у нас дело обстоит не очень блестяще именно по линии связи с жизнью. Писатели старшего поколения — Миршакар, Боји Рахим-заде, Дехоти — мы все живем еще своим прошлым опытом. Кратковременные поездки по районам бывают у нас, правда, и сейчас. Но этого совершенно недостаточно даже для нас, людей уже убеленных сединами.

Хуже обстоит дело с молодыми. Они очень мало, а порой и совсем не знают своих героев, которые сейчас осуществляют грандиозное преобразование земли. В качестве счастливого исключения можно назвать писателя очеркиста Фазлитдина Мухаммадиева, или поэта, про-

В зале заседания съезда писателей.

заика и очеркиста Абдумалика Бахори, которые часто бывают в районах, где есть у этих писателей свои друзья — люди, за судьбой которых они пристально следят. Анализируя произведения Бахори, мы найдем у него еще некоторые недоделки стилистического порядка, неточно найденные характеристики, растянутость повествования. Но глубина изложенного писателем материала, серьезность и жизненность конфликтов, актуальность поднятых вопросов всегда делает поэмы, рассказы и очерки А. Бахори книгами важными и нужными для народа. Таков непосредственный и прямой результат тесного общения писателя с жизнью.

Есть и обратные примеры, когда писатели упорно совершенствуют мастерство, работают над каждым словом, но они засиделись в кабинете, им не хватает знания жизни.

В качестве примера я могу привести повесть «Лето» — очень порадовавшую нас работу талантливого, уже возмужавшего нашего прозаика Толиса. В этой повести, где великолепно собраны золотые кру-

пинки человеческих характеров, где отлично выписаны и маленькие и большие герои — вдруг не оказалось фона для людей. Толис, как ювелир, отточил все образы, у него великолепный язык, мы читали каждую страницу с наслаждением, но нам казалось, что писатель утерял чувство времени. Писатель как бы забыл, что все происходит в годы войны, в повести оказались утраченными острое чувство бытия жизни, ее горя и тягот, ее героики и душевного подъема. Сейчас Толис работает, исправляет свой просчет и скоро читатель получит переработанное, исправленное произведение этого писателя.

За последние годы в творчество некоторых писателей старшего поколения вошла и мелкота, мелкотемье. Джалол Икрами, начиная с «Ситоры», прошел целую цепочку больших и малых произведений, отмеченных печатью таланта, но обреченных на забвение именно в силу отхода автора от главного жизненного направления. А потом — поездка на машине сквозь горы и сквозь удивительные судьбы людей, и — очень удачные путевые очерки Икрами. Мы все для себя отметили, что долгое время не появлялось у Икрами такого интересного произведения — по живости, по точности портретов, по ощущению сильного пульса жизни, ее основной, стремительной струи. Это — результат одной поездки. А что могли бы дать писателю и читателю пять, десять таких поездок! И как бы обогатил и автора и литературу один, но длительный, так сказать, фундаментальный выезд в жизнь!

Вспомним годы, когда задавленный кабалой и гнетом дехканин владел нищенской мерой земли для поддержания своей жизни. Вспомним его бережливость! Когда наступало время жатвы и дехкане убрали урожай со своих полей, на земле все-таки оставались осыпавшиеся зерна — золотые крупинки пшеницы и ячменя. И тогда на каждый лоскуток поля приходил хушачин — собиратель драгоценных зернышек народного урожая.

На ниве нашей счастливой жизни колосится урожай небывалых размеров. И писатель должен быть таким хушачином — собирателем золотых элитных зерен всего самого удивительного, что рождает наша советская жизнь, наша социалистическая эпоха. К слову сказать, писатели старшего поколения не боялись и не стыдились в тридцатые и сороковые годы ходить пешком по дорогам своей родной страны и в этих своих путешествиях были счастливыми собирателями жемчужин народного опыта. Наша молодежь, выросшая в век техники, предпочитает ездить на машинах и подчас ездить слишком быстро. Для примера возьмем два произведения талантливого поэта — поэмы... «Асрор» и «Венец счастья» Гафара Мирзоева. «Асрор» — автобиографическая поэма. Мальчик-сирота рос мнительным, немного недоверчивым, немного ожесточенным. У него доброе, чуткое, и потому особо ранимое сердце. Образ создан, мы ему верим. Но вот «Венец счастья» — поэма иного характера, требующая от автора знания не только самого себя и своего окружения, не только собственной психологии и судьбы, — но окружения неизмеримо более широкого — всей жизни, всей судьбы республики, всей и старой и новой истории таджикского народа. Но оттого, что поэт мало выезжал «в народ», он не уловил пульс сегодняшнего Таджикистана, и по силе воздействия я не могу сравнить эту поэму с поэмой «Асрор».

Неустанно требуя от нас близости к жизни, горячего дыхания современности, высокого революционного накала наших книг, партия требует от нас также яркости, точности, впечатлемости каждого образа, требует неуклонного роста нашего мастерства, повседневной упорной борьбы за качество.

Но эта борьба за качество должна быть неразрывно связана с непосредственным участием писателя в жизни народа, ибо только жизнь придает подлинную боеспособность человеческим мыслям и делам.

Как пример, я приведу работу немолодого по возрасту, но молодого по литературному стажу писателя Хабибулло Назарова над документально-литературоведческо-исследовательской повестью «В поисках Карима Девона». Восстановление по народной памяти образа и творческого наследия подлинно народного поэта—одно это уже есть подвиг писателя Назарова. Но он не только собрал ценный материал, но по этому материалу написал увлекательную повесть, исполненную романтики и драматизма. В этой повести мы найдем подлинный Таджикистан прошлых лет и сегодняшнего расцвета. А через образы живых людей, через всю логику автора, через всю документальную достоверность рассказа красной нитью пройдет идея, что народ—носитель и хранитель поэзии. Герои его повести—люди, принявшие эстафету великолепных стихов Девона. Это люди, живущие рядом с нами. А кто эти люди? Они создавали советскую власть, они были первыми колхозниками, первыми секретарями комсомольских ячеек, они—живая биография народа. Легендарный Юлдаш-командир, старей садовод Саттаров, житель бывшего Джуррака певец Гулям Кодыр, библиотекарь Варзобской ГЭС, работники Центрального комитета партии Таджикистана, учителя, хлопкоробы—вся республика, весь таджикский народ, сделавший свое сердце хранилищем слов самобытного, бесстрашного народного поэта.

* * *

За годы Советской власти великолепное искусство нашего народа и произведения наших писателей стали достоянием не только народов нашей страны, они сегодня вошли в библиотеки миллионных читателей за рубежом.

Благодаря революции, мы не только обрели настоящее и будущее, мы обрели и свое прошлое, историческое духовное достояние, которого нас хотело лишиться. В свое время таджики внесли солидный вклад в общечеловеческую культуру. Наши великие предки—Рудаки, Фирдоуси, Джами, Омар Хайям, Камол Худжанди, Носир Хисрав,—создавая произведения для своего родного народа, в то же самое время стали дороги и близки всем народам.

Произведения наших классиков не только по своей художественной силе стали достоянием всех народов. Дело в том, что они не были ограничены тематически, они не носили узко национального характера. Эти произведения воплотили в национальном материале мысли и чувства самого широкого общечеловеческого плана и воспевали интернациональные образы. Вспомните многоплановую поэму «Семь планет» азербайджанского классика Низами, «Семь престолов» таджикского классика Джами, вспомните трогательную и одновременно героическую судьбу китайского принца Фархада и его возлюбленной армянской принцессы Ширин в поэме узбекского классика Навои.

В произведениях Саади, Фирдоуси, Низами мы тоже встретим представителей различных народов. И не случайно даже лирик Гафиз, неотлучно живя в Ширазе, с гордостью говорил, что его стихи долетают до Индии, до Бенгалии, что его везде читают с любовью. Настоящее искусство не должно оставаться достоянием одного народа. Оно переходит границы одной страны, одной нации. Весь мир знает драмы Шекспира. В сердце великих художников прошлого лежали сердца других народов, весь мир входил в их душу, они мыслили общечеловеческими категориями, книги их понятны всему миру.

Понятие интернационализма и национальной принадлежности особенно важно, когда мы говорим о нашей многонациональной культуре социалистической эпохи. Дружба между нациями—вот та атмосфера, в которой мы создаем свои духовные богатства, в том числе

многонациональную культуру. Наши народы едины, и рожденное Октябрем многонациональное искусство едино в своих принципах, при всем многообразии национальных форм, красок, оттенков.

Расширение значения национального и интернационального характера каждой литературы нашей родины особенно зримо ощущается в последние годы. В нашей таджикской литературе за последние годы большое количество произведений переведено на многие языки мира. В свою очередь таджикский читатель получил на родном языке сотни лучших произведений современных и классических писателей народов нашей страны и прогрессивных писателей стран востока и запада.

Как видите, мы сейчас несем обязательство не только перед читателем своего народа, но и перед многомиллионной читательской аудиторией всего Союза и массой читателей за рубежом. Никогда еще таджикская литература не имела такого резонанса. И мы должны учитывать это при создании своих книг.

Однако из того, что мы должны писать для всех, не следует, что мы сторонники эклектики, что мы будем нивелировать литературу, лишать ее пола и особых примет. Наоборот, надо усилить национальный характер нашей литературы, чтобы ярче были национальные образы, ярче, сочнее был язык.

В этом свете, если взять лучшие произведения нашей таджикской литературы, нам станет понятнее, почему книги Айни стали дороги не только нашему читателю, но и миллионам за рубежом. Потому что Айни не только реалист вообще, он сугубо индивидуален как писатель своего народа, он создал такие образы, такие характеры, которые в любое время остаются сугубо таджикскими. При всей общности основных качеств стяжателя-ростовщика—образа широко известного в мировой литературе,—этих пивяков на теле народа—Кори Ишкамба абсолютно не похож, скажем, на Гобсека или Иудушку Головлева.

Другой вопрос—тематическое расширение нашей литературы вторжение в нашу литературу жизни других народов. Борьба за мир, борьба угнетенных народов за национальную самостоятельность, против колонизаторов,—все это вошло в наши книги. И это тоже одна из притягательных сил нашей литературы.

Такое явление мы видим не только в поэзии, но и в публицистике. Все больше писателей поднимаются по трапам кораблей, садятся в самолеты, в международные поезда — и в своих путевых заметках, стихах, поэмах начинают рассказывать о других странах и народах. Это, конечно, в основном достижение нашей литературы последних лет, и достижение еще, так сказать, не достигнутое полностью.

Учитывая это немаловажное обстоятельство, я позволю себе задать вопрос—почему некоторые писатели ограничивают себя описанием только своей республики? Почему они не заглянут к соседям? Ведь в освещении жизни национальных республик ощущается заметный пробел во всей советской литературе. Партия в известном выступлении Н. С. Хрущева адресует нам прямой упрек, говоря, что «...в этом отношении наши работники литературы и искусства в большом долгу перед народом. Хочется посоветовать литераторам и художникам, чтобы они попристальнее взгляделись и поглубже вникли в жизнь всех национальностей нашей страны».

Этот призыв партии больше всего относится к нам, писателям национальных республик, потому что, например, в русской советской литературе мы найдем объемистый материал, посвященный жизни братских народов.

Вспомните хотя бы повести «Кара-Бугаз» и «Колхида» Паустовского, увлекательный роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», повесть Михаила Лоскутова «Тринадцатый караван». Вспом-

ним поездку большой группы писателей в 30-е годы в Туркмению. Ведь она дала огромный эффект: цикл «Большевикам пустыни и весны» Луговского, стихи и очерки Николая Тихонова, очерки Павленко—неоценимый вклад в советскую литературу и живое свидетельство очевидцев. Перечень таких книг можно довести до наших дней. «Последний из Удэге» А. Фадеева стал национальной книгой северных народов. Писатель П. Лукницкий почти всю свою творческую жизнь посвятил теме таджикской республики. Писатель Константин Симонов второй год переехал на жительство в Голодную степь, чтобы писать произведение о делах и людях Узбекистана. С таким же успехом и таджикские писатели могут обмениваться своими книгами с узбекским народом. Тем более, что нас связывают многие века тесных взаимоотношений. Наши хлопкоробы, наши ученые связаны общей работой, общими проблемами—деловым контактом. И встречи писателей должны быть не только в дни юбилеев,—а рабочие, деловые, повседневные. Нам пора ввести такую практику в наши национальные литературы. И как русский писатель пишет о Таджикистане, так таджикский писатель должен писать о Сибири, Урале, Украине. Есть и другая сторона этого вопроса. Мы даем нашим таджикским читателям переводные книги о всех республиках, пора дать им оригинальный роман и рассказ обо всем, что его интересует за пределами родного края. Интересен взгляд самого писателя—таджика или узбека на, скажем, Заполярье Рытхзу или Белоруссию Петруся Бровки.

С первых лет революции в нашей стране сложилась и все растет и развивается взаимосвязь и взаимообогащение литератур, взаимосвязь и взаимовлияние традиций. Айни создавал свой «Марш свободы» уже как отклик на дыхание русской и мировой революционной поэзии, ведь не случайно и не даром его «Марш» звучит на мотив «Марсельезы».

И все эти годы мы обогащали и развивали свою литературу, впитывая лучшие традиции других народов, в свою очередь щедро делиясь с ними собственным историческим достоянием и новыми достижениями в этой области.

Как реальный результат взаимосвязи и взаимовлияния литератур старых жанров, не только расширение тематики и увеличение писателями в нашей литературе не только возникновение и обогащение технической, писательских приемов мастерства, но расширение чисто языковых возможностей, обогащение ритмики поэтической речи, освобождение словарного фонда от запретов канонического литературного языка.

Как результат благородного обмена традициями, мы в нашей литературе сумели показать убежденность человека труда. Но вот увлеченность человека труда нам пока еще показать не удалось. А ведь это удивительное качество труженика и творца. Вы взгляните на человека, углубленного в любимую им работу. Ведь каждая жилка в нем поет, и все поет вокруг него, и даже пространство, его окружающее, наполняется особым каким-то мягким, поющим светом.

Я вспоминаю одного из первых трактористов Гиссарской долины. Пятна мазута на замасленном халате он носил, как носит теперь свои ордена. Запах бензина и железа он вдыхал жадно и нетерпеливо, как раньше дышал свежим ветром ледников. Сильные руки чабана оглаживали подрагивающий корпус машины, а потом ложились на руль новым, непривычным и, видимо, чем-то волнующим его движением, потому что в лице появлялось выражение одержимости. И даже когда хлестал дождь, то капли как будто не касались его, либо коснувшись, тут же испарялись, ибо он был горячий от тяжелого труда и от непрерывно kloкотавшего счастья. Я не знаю кому из нас посчастли-

вится больше всего, но мы должны написать этот ни с чем не сравнимый, удивительный портрет Вдохновения.

И еще есть у нас, писателей, одна обязанность, исполнить которую призывает нас голос крови, слезы матерей. Мы должны оставить детям, внукам и правнукам светлую память о погибших героях, историю их подвига, их живую мысль и живое чувство. Есть очерки о подвигах этих героев, но нет книг, из которых он бы выходил к своим друзьям веселым или грустным, ловким или нескладным, скромным или отчаянным, влюбленным юношей или озорным мальчишкой—но таджиком, со всеми устоями тысячелетнего национального уклада и вихрем новой замечательной жизни, даже сотой долей которой он не успел насладиться...

Имя ему Мирзо Резо, имя ему Туйчи Эрджигитов, имя ему Тешабой Одилов, у него десятки и сотни имен,—так обнимите его за плечи и скажите, как любимому сыну: «Пойдем. Я верну тебя людям!» Бесмертие в жизни должно быть бессмертием в литературе.

И если мы уж раскрываем дом нашего сердца и двери наших книг могучей и легкой поступи героизма, если не просто приподнятость настроения, а особый, редкостный душевный подъем станет хозяином наших книг,—ибо героями в них придут люди большого темперамента, больших страстей, большой воли и большой судьбы,—то, конечно, и язык наших книг обретет новую окраску и выразительность.

Мы в последнее время как-то отвыкли говорить о высоком накале в поэзии. Я имею в виду не цветистость, а эмоциональную насыщенность. Многие наши стихи слишком ровные, написаны спокойным тоном, не соответствующим их взволнованному жизненному материалу. Следует не только помнить, но и исполнять завет наших предков:

Тот кто прибавляет слово к слову,

Тот убавляет каплю крови своего сердца.

Это правило мы часто забываем. А между тем произведение поэзии должно быть выплавлено на большом огне чувства. Таким святым пожаром любви к народу пылает «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля. В минуту смертельной опасности для жизни огромный внутренний огонь писателя, его ненависть к врагу, его любовь к родине, его жажда жизни,—все это создало такой накал слов, что каждое стихотворение обжигает тебя.

Поэт в своей жизни готов на любой высокий подвиг, он готов на подвиг и в литературе. Ибо создать хорошее произведение на большом накале—это требует действительно подвижнического труда.

Но так же как необходимы нашей литературе высокий накал романтики, влекущая сила фантазии, окрыленность, так же необходимо нашей литературе и заземление, то есть исследование сугубо научное, строго документальное собрание и анализ фактов, деталей правдивой, реальной жизни нашего народа, нашей республики.

* * *

За последнее время значительно окрепла наша молодая драматургия. Появились пьесы «Диль дили зайнаб» А. Мороз и Ш. Киямова, «Саодат» Рабиева и Саидмурадова о новой жизни колхоза, инсценировка «Дохунда» Икрами по роману Айни, «Трагедия Усманова» Миршакара—об архитекторе, «Добрая слава» Рабиева—о трагедии культа личности, комедия «Говорящий чинар» Боки Рахим-заде и Саидмурадова, пьеса-легенда «Сказание Гафиза» Ф. Ташмухамедова. Новые произведения оперной драматургии «Дильбар», «Пулат и Гульру», «Бахтиер и Нисо».

После декады литературы и искусства были поставлены пьесы

«Тухфон» Гани Абдулло и Ш. Киямова— о героинке гражданской войны, водевиль «Туй»—Самада Гани, сразу две пьесы Ф. Ансори—музыкальная драма «Любовь и жизнь» и комедия «Экзамен» и, наконец, пьеса для детей талантливого автора Ф. Ташмухамедова «Ущелье голубой реки». Этот далеко не полный перечень показывает, что даже по тематике наша драматургия стала более разнообразной.

Но несмотря на некоторое оживление, несмотря на то, что мастерство многих драматургов заметно выросло— всё равно многогранная наша жизнь, пафос действительности еще далеко не отражены в национальной драматургии. И в стороне осталось самое главное, определяющее—труд. Наши драматурги не обратили внимания на то, что главная должна быть тема труда. Социалистический труд—самое облагораживающее в человеке. Отношение людей к социалистическому труду—этим определяются все взаимоотношения персонажей, в этом, по сути, лежит завязка и развязка сюжета. Если внимательно рассмотреть репертуар наших театров, мы увидим ряд поверхностных, по сути дела, водевильных пьес без глубокого анализа, без показа характеров. Драматурги перестали идти по линии психологического углубления героев. Они берут плакатную схему и доказывают ее. Когда начинаешь об этом серьезно разговор, со стороны некоторых авторов встречаешь возражения довольно странные: мол, таджикский народ темпераментный, серьезная драма ему тяжела, ему надо «что полегче», повеселей.

Мы не против веселого жанра, но зачем же лишать зрителя глубоких драм. И вообще, если наш единственный академический театр, которому заслуженно дали это имя, пойдет по линии развлекательства, то он утратит свое творческое лицо—перестанет быть театром драмы.

Теорию «развлекательства», теорию «темперамента» опровергают сами жизненные факты.

Отношение к труду человека коммунистического общества, романтика, героинка—какой необъятный горизонт открывает это перед писателем! Но человек в наших пьесах настолько «заземлен» бытовизмом, что он ползает, а не ходит. Восстановите конституционное право советского человека, строителя нового общества, дайте ему возможность выпрямиться в полный рост.

В противопоставление отрицательным персонажам надо вывести на сцене театров полнокровного героя наших дней,—человека широко шагающего по жизни, мыслящего от имени всего человечества, чтобы он свой участок работы видел не на фоне соседнего двора, а на фоне всего земного шара и мирового пролетарского движения.

Средствами музыкального жанра, средствами водевиля нам не дать образ героя наших дней, глубину его мыслей, его характер творца. Поэтому мы еще и еще раз говорим, что наша драматургия всерьез обязана обратиться к созданию героических драм,—широких полотен, рисующих великую битву народа за коммунизм.

Мы можем легко опровергнуть мнение тех критиков, которые говорят, что наш народ по складу характера очень жизнерадостный, темпераментный и поэтому ему нужны только легкие комедийные и музыкальные пьесы. Но разве народы Закавказья — грузины, азербайджанцы, армяне,—менее темпераментны, чем таджики, или они мало музыкальны? Или взять узбекский народ—многие его культурные традиции похожи на наши и разве они менее темпераментны? Однако эти народы до революции или в первые годы Советской власти породили таких титанов как Мирзо Фатали Ахундов, Джабар Джабарлы, Хамза Хаким-заде, драмы которых и сейчас с успехом ставят наши академические театры, а наш народ смотрит с интересом. Таким критикам мы отвечаем народной пословицей: «Дело не в Маше, а в каше»—то есть, дело не в крупе, а в том, как она приготовлена. Дело, видимо, опять упирается в умение.

Но вот обратимся к нашей совсем юной кинодраматургии. Она возникла совсем недавно, но первые фильмы таджикской студии уже обошли экраны многих стран востока и запада. Веселая, полнокровная комедия «Я встретил девушку», фильмы — «Высокая должность» или «Огонек в горах» — смотрятся с интересом и имеют многомиллионного зрителя. Разве это только потому, что кино — самый массовый вид искусства. Мне кажется, что и потому, что в нашей кинодраматургии подняты самые актуальные, самые животрепещущие темы.

Вот хотя бы фильм «Высокая должность». Пусть художественная линия труда еще не завершена, но она очень остро зазвучала, переключается с задачами, поставленными партией сегодня. Пренебрежительное отношение молодой специалистки — врача к старым врачам глубоко, но несправедливо, оно не может не затронуть зрителя. Это очень волнует. И мы видим, как жизнь поправляет эту девушку, как она понимает, что только практика даст ей истинные знания, а вместе с ними придет к ней уважение народа. На примере нашей юной кинодраматургии, этого жанра чуть не ясельного возраста, мы еще раз видим, что душа всего творчества — современность, и в ней залог успеха каждого отдельного произведения и всего нашего искусства.

В связи с перестройкой народного образования новые проблемы встанут перед литературой для юношества. Коммунистическое воспитание — это прежде всего трудовое воспитание. Об этом должны помнить все писатели, поэты, драматурги, пишущие для юношества. Высокий Труд, эпоха невиданных преобразований, эпоха завоевания космоса, наши дети, которые будут строить коммунизм и лететь в этот космос... **Чтобы писать обо всем этом, мы, писатели, сами должны быть высококультурными и высокообразованными.**

Литература должна придти на помощь каждой семье, каждой школе. Но пока в книгах для детей мы еще не видим выполнения этих задач. Наши писатели не выходят из заповедника птиц и зверей, а в книгах о школах писатели не могут избавиться от шаблона — Ахмад получил двойку, а Карим ему помогает... Вот в этом круге тем вращается пока наша детская литература.

Мы за развитие всех жанров и за высокое качество всего, что развивается. Литература должна быть неиссякаема как горный источник с его вечно свежей кипучей водой. А неиссякаемость литературного источника решают кадры, талантливое пополнение литераторов. Это значит, что надо непрерывно подготавливать из числа молодежи кадры нашей литературы.

* * *

Воспитание молодежи — наше кровное дело. Сама молодежь как бы талантлива она ни была, без помощи старших, без учебы у классиков, без идейного воспитания вырасти не может, как нельзя вырастить прекрасный сад без вмешательства опытного садовника. Такой сад превращается в дикий лес, а плоды становятся кислыми и мельчают.

Потому хорошо сказано в нашей таджикской пословице — «никто сам по себе не стал кем-то и никакой кусок железа сам по себе не стал острым мечом».

В этом отношении Союз писателей, призванный непосредственно заботиться о своем хозяйстве, кое-что делает. Путем проведения ежегодных курс-конференций (правда, последние два года у нас эти конференции не проводились). Путем консультаций, работы над рукописями, путем встреч на литературных вечерах.

Что касается привлечения молодых сил в Союз писателей, то можно привести такие цифры — за период между III и IV съездами писателей, т. е. с 1954 по 1959 год принято 20 человек: шесть поэтов, пять

прозаиков, один драматург, три критика, три фольклориста, два переводчика.

Конечно, в количественном отношении это не плохо для такой небольшой писательской организации, как таджикская. Сравнительно это неплохо, но если внимательно разобраться в цифрах возрастного состава, то картина будет несколько иная.

от 50 и выше лет	17 человек
от 40 до 50 лет	26 »
от 30 до 40 лет	19 »
до 30 лет	2 и то 28 лет.

У нас очень молодых в Союзе нет. Но может быть это объясняется тем, что у них не было жизненного опыта, и не пришло к ним мастерство, потому они не смогли создать ничего запоминающегося серьёзного и не были приняты в Союз.

Надо дать широкую дорогу молодежи в литературу, но нельзя проявлять и поспешность с приемом их в Союз. Заботясь об их же будущности, надо терпеливо подождать, пока они не проявят свой писательский талант, пока хорошими произведениями не завоеуют себе читателей.

Среди наших молодых часто проявляются нескромные тенденции, мы с чувством горечи отмечаем нескромные поступки наших молодых товарищей. Они часто стараются дать в печать еще серые произведения, или же одно и то же произведение печатают в нескольких журналах и газетах. Это они делают ради гонорара. Здесь я нарочно приведу в пример тех наших молодых писателей, которые сделали уже солидный вклад в литературу, как например Гафар Мирзоев, Файзулло Ансори, Бахори, Хабибулло Назаров.

Вот, например, в связи со съездом я стал перелистывать, перечитывать еще раз все газеты и журналы нашей республики. И я вижу, что журнал «Шарки Сурх» еще не закончил печатать полностью поэму Гафара Мирзоева «Венец счастья», а журнал «Таджикистан» уже печатает главы, альманах «Литературный Таджикистан» печатает главы, открываю журнал «Женщина Таджикистана», и там большой кусок «Венца счастья»—и узнаю, что в то же самое время типография выпускает «Венец счастья» отдельным тиражом. Не чрезмерная ли это активность?

Или возьмем Ф. Ансори. Его поэма «Гулшан» проходит обсуждение в Союзе писателей, Ансори хочет слышать мнение старших товарищей. Но поздно он собрался слушать это мнение—два года назад поэма была напечатана в газетах, а под редакцией «чуткого учителя» Сухайли уже была сдана в набор и в момент обсуждения находилось в типографии...

Другой молодой по творчеству писатель Хабибулло Назаров уже несколько лет пишет посредственные публицистические, сатирические и лирические стихи. В 1956 году Союз писателей Таджикистана и издательство, жалея этого поэта, выпустили его первый сборник. Спустя два года, в 1958 году поэт преподнес издательству новый свой сборник, подписанный к печати все тем же редактором Сухайли. Но каким-то чудом сборник попал в Союз писателей для повторного рассмотрения. Когда мы перелистывали этот сборник, мы увидели, что туда включены низкокачественные, так называемые, лирические стихи, которые поэт перетянул из первого сборника. Очевидно, поэт думал, что его стихи являются такими жемчужинами, которые должны вечно оставаться в сокровищнице литературы, поэзии. Но это ошибка. Эти стихи—просто в худшем смысле повторение, эпигонство.

Счастье, что у нас в республике много изданий—газет, журналов. Это наша гордость. Но в этом и наша, оказывается, беда. Потому что молодой писатель несет свое произведение в один журнал, там бра-

кую, он несет в другой, третий и, наконец, добивается опубликования. Вот почему у нас появляется много плохих произведений. Полбеды, если эти плохие произведения остаются незамеченными. Но года через полтора—два такой молодой автор серых, невыразительных, случайно напечатанных стихов, требует от нас и от издательства увековечения—издания их отдельной книжкой. И попробуйте теперь отразить его атаку! Тут нужна ударная сила всего Союза писателей, одного консультанта уже не хватает!

Однажды писатели выступали в Московском районе. Один из них в докладе сделал критические замечания в адрес романа «Признаю себя виновным» Икрами. Поднялся читатель и выступил в защиту Икрами:—Писатель не виноват,—сказал он,—что у него отрицательные герои ярче, чем положительные. Это так и есть в жизни. Наш положительный герой—скромный человек, незаметный, писатель его сразу разглядеть не может. А отрицательный герой нахальный, он ярко себя проявляет и лезет в глаза писателю.

Некоторые молодые действуют у нас по принципу такого отрицательного героя.

Другой вопрос. Некоторые наши молодые подходят некритически к своим учителям в поэзии: к Турсун-заде, к Миршакару, к Боки Рахим-заде, к Дехоти. Конечно, у поэтов старшего поколения есть большой опыт, и в обращении с материалом, и в знании языка. Но нельзя этот опыт слепо переносить в свои стихи. Нельзя относиться к своим учителям некритически, надо брать то, что полезно народу, что идет на пользу литературе, то есть всегда стоять на принципиальной точке зрения и во взгляде на все частные явления литературы.

К тому же наши учителя, к сожалению, часто берут на свое попечение таких учеников, за которых им самим приходится работать. За них пишут, из плохих стихов составляют сборники, подписывают титульный лист и сплавляют в типографию, в набор, явный мусор, явный брак. Из уважения к редактору издательство берет такую книгу и вот мы сообщаем наносим огромный вред нашей литературе и нашему народу. Потому что мы не только засоряем нашу литературу, но и портим вкус народа, дезориентируем народ в его отношении к литературе.

А что получается с такими «учениками»? Они гибнут потому, что мастерства у них не хватает, а таланта либо не было вообще, либо выходя под гнетом шаблона.

Давайте договоримся, что будем выбирать себе в учителя, во-первых, великую, яркую жизнь нашего народа, и во-вторых,—весь коллектив писателей. Воспитание молодежи—дело ответственное. И пора за нее отвечать всему коллективу. Это не дело отдельных мастеров-доработчиков.

Рассмотрим вопрос о поощрении молодых писателей. Пора в нашем издательстве пересмотреть тарифы, расценки на оплату гонорара. Если молодой—то хорошее или плохое произведение он принес—ему все равно платят семь рублей за строку. А если старый писатель, то даже за очень плохую вещь он получит по 14, даже 20 рублей. Мне кажется, что это в корне неправильно. Надо смотреть не на то—кто принес, а на то—что приносят. Мерилом надо выбрать качество произведений, а это тоже будет дополнительным стимулом в борьбе за мастерство.

У нас часто бывает, что мы, старшие писатели, не сразу замечаем молодых. Зато когда замечаем, не надо молчать, надо сразу одобрить, потому что оценка творчества помогает и этому молодому автору и другим. Когда мы стали знакомиться с продукцией Таджикгосиздата, мне попали две книжки стихов Убайдулло Раджабова «Сладкие мечты» и «Рассказы бабушки», интересные рассказы Шарифи, детские «Рассказы об Ойше» Елены Петровой, рассказы Владимира Жуковского. Эти

молодые писатели достигли достаточной степени зрелости и вполне достойны того, чтобы вопрос об их принятии был рассмотрен нашей писательской организацией.

Но есть молодежь другой категории. Президиум Союза писателей поручил мне, как докладчику, определить на съезде понятие литературной молодости. Конечно, это трудная задача, и я не знаю, как здесь исчислять: по возрасту, по литературному стажу, по количеству книг, или по мастерству автора. Все-таки, по-моему, литературная молодежь—это первым делом молодые люди, уже зарекомендовавшие себя с первых произведений, как литераторы, как имеющие призвание к писательской профессии.

У нас говорят «хороший год определяется с весны», то есть, первое произведение молодого автора уже определяет его будущность как писателя. Хотя это первое произведение обладает недостатками, но уже по нему можно судить о достоинствах нового писателя. Конечно, такая группа молодежи—молодая во всех отношениях—есть в нашей литературе. Но есть категория и вечно молодых, у которых в скором времени органы социального обеспечения уже будут разбирать заявления о назначении пенсии, а в литературе они ничего особенного еще не создали.

Любая река, какой бы могучей и полноводной она ни была, без ежегодного пополнения мелеет и засыхает. Так же — без постоянного притока—нет полноводья и движения в литературе. Мы должны постоянно заботиться о пополнении, выращивании молодежи. Это священная задача, поставленная перед нами партией и народом.

Надо воспитывать литературную молодежь в духе патриотизма, в духе преданности нашей партии, нашему народу. Молодежь должна быть достойным певцом коммунистического общества, должна воспевать труд строителей коммунистического общества. Поэтому разрешите мне сказать несколько слов об идейности литературы, о мировоззрении и о партийном подходе литератора к своему делу.

* * *

Коммунистическая партия отвела литературе важное место в воспитании народа. На всех этапах развития литературы партия поддерживала ее своими историческими решениями, а литература на всех этапах социалистического строительства верно служила делу народа.

Сейчас наш народ вооружился историческими материалами внеочередного XXI съезда КПСС, съезда строителей коммунизма. Контрольные цифры семилетки—это что-то невиданно-грандиозное, величавое. В каждой из этих цифр видно неуклонное движение нашего народа по пути к коммунизму.

Советский народ бесспорно выполнит семилетний план. Но для этого нужно не только напряжение сил и ума народа—нужна еще духовная пища. Эту пищу должны дать мы, работники идеологического фронта.

Буржуазный мир всячески пытается ослабить решимость нашего народа, волю нашего народа к выполнению стоящих перед ним великих задач. Наша социалистическая идеология, идеология ленинской партии, особенно за последние годы испытывала ожесточенные атаки со стороны буржуазных идеологов.

Характерно, что наши враги не только выступают вообще против марксизма-ленинизма, вообще против метода социалистического реализма в литературе. Они пускают свой яд в тумане ревизионизма, в попытке клеветы. Эти господа с запада, из так называемого свободного мира, кричат о том, будто мы, советские писатели, говорим «не свои слова», будто нас лишили права «говорить правду».

Мы, таджикские писатели, как все писатели советской страны,

решительно и гневно отвергаем грязные измышления клеветников-ревизионистов.

Мы верны идеологии коммунистической партии и никогда не отойдем от ленинской линии партии. Мы знаем, что талант таджикских писателей расцвел именно в годы Советской власти. Никогда наши писатели не пользовались такими правами и такой любовью народа, как в годы Советской власти, никогда они не имели такого массового и благородного читателя. Никогда таджикская литература не была поднята на такую вершину правдивости и народности, как сейчас.

Мы помним горькое прошлое нашего народа, мы знаем судьбу писателя на феодальном Востоке. Если перечислить биографии великих мыслителей прошлого, то это будет бесконечный перечень ужасов. Рудаки—величайший поэт, основоположник таджикской поэзии—был изгнан из дворца, лишен средств к существованию и ослеплен над горящей жаровней. Поэт 14 века Камол Ходженский под натиском клеветы вынужден был бежать со своей родины в Иран, долго скитался, был заточен в тюрьму Тухтаишхана и умер в изгнании. Далее поэт 16 века Хилоли был зверски убит в Герате фанатиками духовенства. Таковы судьбы многих поэтов древности. А те, кого пощадила рука палача, умерли в нищете, от болезней и голода.

Ну, а теперь?

Я помню ужасную картину: в 1949 году, в Пакистане, мы, члены советской делегации, ездили за город Лахор. В дороге мы увидели лежащего в пыли, в грязи, в лохмотьях дрожащего человека, а рядом с ним—гробницу, недостроенную и наполовину. Мы спросили: кто это? Нам сказали, что это знаменитый художник и архитектор, который своими руками и подавниями строит гробницу любимому поэту. Он пятнадцать лет нищенствовал, а сейчас лежит в лихорадке, и никто не вызовет к нему врача и, надо полагать, он увидит свой конец раньше, чем конец своего труда.

Всему миру известна судьба популярного пакистанского писателя Файза Ахмад Файза. По ложному обвинению он был арестован и брошен в тюрьму, где томился пять лет. Выйдя из заточения, он прибыл к нам, в Ташкент, вместе с другими писателями стран Азии и Африки. Этого оказалось достаточно, чтобы по возвращении на родину быть снова брошенным в тюрьму.

Может быть именно это у господ ревизионистов называется свободой? Или свободой является то, что американские власти делали с любимым певцом всего мира Полем Робсоном, долгое время не выпуская его, как птицу из клетки, не давая ему возможности петь?

Только Октябрьская социалистическая революция дала народу, в том числе и писателям, подлинную свободу, подняла занавес от лица правды и показала нам солнце правды. Только Коммунистическая партия, вооруженная ленинским учением, осветила нам путь к светлому будущему, путь к коммунизму. Всем своим ростом, процветанием своего таланта, повседневным процветанием жизни народа, социалистическим обновлением своего родного края—всем этим мы обязаны Коммунистической партии.

Наши слова о преданности партии звучат как высокая клятва. Каждый миг вдохновения, каждое наше дыхание, все наши помыслы, принадлежат ей, партии, мы—ее солдаты.

Потому сейчас необходимо поднять не только художественное качество наших произведений, но и их идейность.

Наша здоровая писательская организация боролась и будет бороться со всякого рода «теориями» и «влиятием» в нашей среде, воспитывая писателей в духе высокой идейности, партийности, гражданской страстности.

В нашей жизни есть еще одна опасность—оторванность от коллектива. Мещанство, индивидуализм — это пережитки прошлого и они еще живучи в сознании людей. А если писатель ограничивает свой мир стенами своей комнаты, слушает только сказки бабушки, то атмосфера жизни такого писателя будет удушлива, и он может превратиться в отщепенца общества. Подобная печальная судьба, как известно, постигла Бориса Пастернака с его «Доктором Живаго».

Я уже говорил о том, что расширяются наши культурные связи со многими народами, особенно с народами Востока, язык и культура которого близки с нашим языком и с нашей культурой. Эти связи надо сближать и углублять. Но нельзя ни на минуту забывать разность наших позиций, и нельзя сдавать идейные позиции своего творчества. Наши враги будут пытаться увести нашу литературу, особенно поэзию от боевых тем современности. Иногда некоторые товарищи радуются, когда их лирические пустозвонные стихи получают известность в Афганистане, Иране и других странах. Конечно, в буржуазных странах боятся наших идейных стихов и ухватываются за иное. Но нельзя приспособлять нашу советскую литературу к неразвитому идейно и художественно вкусу закабаленных стран соседнего Востока.

Идейность литературы—это для нас самое главное, самое основное, самое первостепенное. А критика—самый надежный и верный помощник писателя в его творческом пути.

Имеем ли мы сейчас такую критику?

В своем выступлении «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» Никита Сергеевич Хрущев призывает писателей быть ближе к жизни. Писатели с благодарностью приняли этот призыв. А как же этот призыв дошел до наших критиков? Считают ли наши критики себя в этом призыве, или вне этого призыва? Наши писатели, хоть и редко, но бывают в колхозах, на заводах, на предприятных участвуют в жизни, а критики? Многие из них из круга своего кабинета, своей кафедры, своей комнаты не выходят. А как же они будут судить произведения наших писателей, с какой меркой, если сами они жизни не знают, в глаза ее, что называется, не видывали.

В свое время Белинский и Добролюбов стояли не только во главе развития прогрессивной, демократической литературы России, они стояли и во главе развития прогрессивной мысли России.

Ей-богу, мы не требуем, чтобы у нас в среде писателей родился непременно Лев Толстой, мы требуем просто талантливых идейно зрелых художников. И в критике мы не требуем Белинских, а требуем идейно закаленных, художественно образованных и знающих жизнь критиков. Где же они? Они молчат и отсиживаются вдали от литературы. Образуется огромная дистанция между появлением произведения и появлением рецензии на него. А рецензии эти зачастую бывают безликие и безосновательные. Иногда это—хвалебные оды на серые, плохие книги, выпущенные Таджикгосиздатом. Иногда же наши критики проявляют беспринципность, двурушничество, трусость, как было с романом Улуг-зода «Обновленная земля». Нельзя вводить в заблуждение читателя и писателя.

В дальнейшем, чтобы лучше развивать литературу, мы обязаны поднять высокую принципиальную критику. Вокруг каждого произведения нашего писателя мы должны создать общественное мнение, каждое произведение должны сделать общественным явлением. Как радуется всех новый дом на наших прекрасных улицах и площадях, так должно привлекать внимание народа каждое новое здание нашей литературы.

При этом критики обязаны не только давать оценку уже появившимся книгам, их долг—побуждать писателей к творческому подъему,

наталкивать на новые мысли и новые темы. Конечно, надо создать такое положение, чтобы наши критики, рецензенты не обходили мнение читателей и целого коллектива республики.

* * *

За эти годы отряд советских таджикских литераторов вырос, окреп и закалился, ему по плечу выполнение огромных задач, которые встанут перед советской литературой в предстоящем семилетии. Объединяя свои усилия, писатели Таджикистана должны все время быть на высокой волне чувства и долга, чтобы их работа была достойна вдохновенного движения бригад коммунистического труда.

Коммунизм шагает по нашей земле. Он зажигает огонь новых домен и топки новых кораблей, он поднимает в небо вышки новых сооружений и ракетопланы будущего, он приближает к нам вселенную и счастливый миг свершения многовековой мечты человечества.

План семилетки похож на карту нашей родины. В нем широта и раздолье необозримых российских просторов, его высота сродни высочайшим горным пикам нашего Памира, он могуч, как таежные сибирские леса и полон цветения, как великолепные сады и хлопковые поля нашей родины, а неисчислимы природные богатства, которые раскрываются за каждым тезисом, каждой строкой—вызывают в памяти полные несметных сокровищ казахстанские земли. Рачительный и деятельный хозяин всего этого—советский человек—уже увлеченно работает над претворением в жизнь партийного, всенародного семилетнего плана страны.

Как могучий атомный ледокол плывет наша держава по океану жизни, уверенно разрезая волны эпохи, дробя застывшие оковы торогов, пролагая дорогу и расчищая путь армаде других кораблей, идущих по нашему следу.

Саади говорит: «река состоит из капель, а амбар из зерен». Наш труд, труд литераторов, подобен зерну или капле в весеннем потоке народного движения. Мы хотим, чтобы эти капли были прозрачными, как горные озера, и в этой своей чистоте отразили всю глубину замечательных народных помыслов и великих свершений.

Веками наши караванчики вели караваны, ориентируясь темной ночью на Кутнамо—неяркую полярную звезду небосклона. Часто караваны блуждали в пути, и как эти караваны, блуждал наш многоотрадаальный народ в беспросветной темноте, в пустынной степи жизни, во мраке бесправия, угнетения и произвола.

Но уже почти столетия ведёт наш народ к заветной мечте и цели Коммунистическая партия Советского Союза,—не колеблясь, не ошибаясь, вперед по верному пути человеческого счастья, по пути процветания нашей великой родины. Она ведёт нас к лучезарным вершинам коммунизма, и горячий блеск этих ярких вершин уже ложится отсветом на вдохновенные дела строителей будущего, живым огнем зажигает сердца народа.

Резолюция IV съезда писателей Таджикистана

По докладу М. Турсун-заде „Жизнь и литература“ и содокладам А. Мирзоева „Некоторые вопросы литературного наследия и его изучение“ и Ш. Хусейн-заде „Вопросы литературной критики в Таджикской советской литературе“

IV съезд писателей Таджикистана с оптимичным воодушевлением отмечает, что Коммунистическая партия, руководствуясь указаниями В. И. Ленина о том, что литература и искусство являются составной частью всенародной борьбы за коммунизм, всегда придавала и придает первостепенное значение деятельности писателей, художников, скульпторов, композиторов, всех деятелей советской культуры, расцвету нашей многонациональной советской социалистической культуры.

Это ленинское указание с новой силой прозвучало с трибуны XXI съезда КПСС в докладе первого секретаря ЦК КПСС Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева, который подчеркнул, что литература и искусство сильны своей связью с жизнью народа, его борьбой за дело коммунизма.

В развитии и обогащении духовной культуры социалистического общества особо важную роль играют литература и искусство, которые активно способствуют формированию человека коммунистического общества.

Нет благороднее и выше задачи, чем задача, стоящая перед литературой и искусством, запечатлеть героический подвиг народа—строителя коммунизма.

Выполнению этой задачи в основном было посвящено творчество писателей республики за отчетный период.

Руководствуясь в своей практической работе известным партийным документом «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» писатели стремятся полней отображать богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывать великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества советских людей.

Таджикская литература является неотъемлемой частью многонациональной советской литературы. За отчетный период многие произведения таджикских писателей нашли путь к сердцу народа и получили признание всесоюзного читателя. Они переведены на десятки языков народов СССР, стран Народной демократии и других государств Востока и Запада. Это свидетельствует о том, как вырос международный авторитет таджикской литературы. В дни чествования великого классика таджикской литературы Абу Абдулло Рудаки писатели и деятели культуры разных стран и континентов, приезжавшие на юбилей, продемонстрировали не только свое уважение к нашему классическому наследию, но и знание нашей современной литературы.

Особенно заметных успехов достигли таджикские писатели после III съезда писателей за последние 4—5 лет. Писательская организация

выросла за счет молодых прозаиков, поэтов, драматургов. За отчетный период в Союз писателей принято около 20 молодых, наиболее одаренных писателей, что составляет почти треть всей писательской организации.

Выросла и улучшила свою работу русская секция Союза писателей Таджикистана.

За истекшие 4 года в таджикской литературе почти во всех жанрах появились новые произведения, живо откликающиеся на вопросы современности. Дальнейшее развитие получили такие жанры, как рассказ и очерк. Известный сдвиг намечился в драматургии, кинодраматургии и детской литературе.

Вместе с тем IV съезд писателей Таджикистана обращает внимание писательской общественности на наличие существенных недостатков в развитии таджикской советской литературы, особенно в прозе, драматургии, детской литературе и литературной критике. Наши писатели все еще в большом долгу перед народом, они недостаточно изучают жизнь и, как следствие этого, мало создают ярких произведений о рабочем классе, колхозном крестьянстве, трудовой интеллигенции. Отрыв отдельных писателей от действительности, так называемый «кабинетный» стиль работы и краткосрочные наезды в «жизнь», приводят к появлению сереньких произведений с надуманными конфликтами.

Съезд отмечает, что еще не преодолено серьезное отставание таджикского литературоведения, литературной критики, которая не успевает откликаться на основные процессы, происходящие в таджикской советской литературе.

В литературной критике за последнее время появилось шараханье из стороны в сторону, когда одному и тому же произведению даются противоположные оценки. К сожалению отдельные печатные органы представляют свои страницы тенденциозным выступлениям случайных в литературной критике людей, что наносит серьезный ущерб развитию таджикской литературы. Некоторые рецензенты превратились по существу в равнодушных регистраторов событий. Съезд обращает внимание на то, что отдельные писатели вместо творческого освоения лучших традиций классического наследия, увлекаются слепым подражательством, что приводит в конечном счете к формализму в литературе.

Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы предусматривают невиданный рост экономики и культуры советского Таджикистана. В связи с этим каждому писателю надо так строить свои творческие планы, чтобы быть в гуще созидательных работ родного народа и запечатлеть их в своих произведениях. Это отнюдь не исключает, а наоборот предполагает широкий интерес таджикских писателей к жизни других братских народов нашей страны и всемерному расширению интернациональной тематики. Советская литература высоко подняла знамя борьбы за мир, страстно разоблачает поджигателей новой войны. Съезд выражает уверенность, что писатели Таджикистана внесут свой новый вклад в это благородное и священное дело.

В центре внимания писателя всегда должен быть наш современник—строитель коммунистического общества. Его самоотверженное служение Родине, партии, проявляющееся в новом, коммунистическом отношении к труду—вот неисчерпаемый источник творческого вдохновения. Писатель должен смело вторгаться в жизнь, правдиво отображать судьбу своего народа, по воле Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета, превращающего родную страну в край технического прогресса и изобилия.

Одной из важных задач литературы является задача воспитания подрастающего поколения. Молодежь — наше будущее, и литература призвана растить ее безгранично преданной коммунистическим идеалам, прививать любовь к труду, формировать хорошие эстетические вкусы.

Это приобретает особое значение сейчас, когда повсеместно началась перестройка системы народного образования и укрепления связи школы с жизнью.

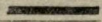
За последние годы несколько улучшилась работа с начинающими авторами. Съезд поручает новому правлению СП повседневно выявлять и заботливо расгить талантливую литературную молодежь—животворный источник, откуда мы питаем нашу писательскую среду.

Отмечая некоторое улучшение в работе журнала «Шарки Сурх» и альманаха «Гулистон» («Литературный Таджикистан»), съезд считает главной задачей этих органов—повысить требовательность к идейно-художественному уровню публикуемых произведений.

Правлению Союза писателей сосредоточить внимание на обобщение литературных процессов, больше проводить творческих обсуждений, сделать так, чтобы вопросы писательского мастерства постоянно были предметом обсуждения литературной общественности.

В свете исторических решений XXI съезда КПСС еще большее значение для писателя приобретает призыв партии—ближе к жизни народа!

Съезд писателей Таджикистана выражает уверенность, что вдохновленные величественной программой развернутого строительства коммунизма, начертанной XXI съездом КПСС, литераторы нашей республики во всех жанрах создадут о наших современниках новые высокоидейные и высокохудожественные произведения, достойные нашей великой советской эпохи, великого народа-созидателя, творца коммунистического общества.

О литературной критике и о литературоведении

Большое внимание на съезде было уделено вопросам литературной критики, призванной способствовать дальнейшему развитию литературы. Этому вопросу был посвящен доклад кандидата филологических наук тов. Ш. Хусейн-заде.

Остановившаяся на успехах таджикской литературной критики, докладчик подчеркнул, что за последние годы возросло количество статей, посвященных анализу и исследованию литературного процесса и творчества отдельных писателей. Так монографии и критические работы т. т. Х. Мирзо-заде, М. Шукурова, Н. Нурджанова, С. Табарова, Р. Ходи-заде, В. Асрори, Ю. Бабаева, Н. Масуми, А. Маниязова и других товарищей, работающих в области истории литературы и литературной критики, а также статьи и выступления наших ведущих писателей, открывают широкий путь к изучению и исследованию истории таджикской советской литературы.

За это же время было защищено несколько кандидатских диссертаций на темы таджикской советской литературы.

Научными сотрудниками Института языка и литературы им. Рудаки был издан двухтомник «Очерков по истории таджикской советской литературы». Издание этого труда, впервые подводящего итоги творческой деятельности таджикских писателей и истории литературного процесса в республике, заслуженно считается важным событием в культурной жизни нашей республики.

Все эти произведения, безусловно, послужат основой для создания научной истории таджикской литературы.

Правда, следует признать, говорит далее докладчик, что в истории таджикской советской литературы много еще нерешенных вопросов, а некоторые вопросы решены односторонне с позиций догматизма или вульгарного социологизма. Это отрицательно отзываясь на изучении истории советской литературы и мешает созданию обобщающих итоговых работ. К сожалению, до сих пор нет у нас работ по истории таджикского литературоведения и литературной критики, не получили должного освещения вопросы борьбы за марксистскую эстетику, проблемы изучения романтизма и социалистического реализма в литературе двадцатых годов, история борьбы таджикской литературы за развитие социалистического реализма и т. д.

Коротко остановившись на вопросах периодизации таджикской советской литературы и на вопросах возникновения и оформления социалистического реализма и определения этапов его развития в

таджикской советской литературе, Ш. Хусейн-заде говорит, что сейчас нам особенно важны работы исследовательского характера, посвященные проблемам положительного героя в таджикской литературе, национальным особенностям литературы, истории литературных жанров, очень нужны работы, посвященные стилю, языку и вообще мастерству писателей. Ждет серьезного изучения и всестороннего исследования история таджикской драматургии. До сих пор критика не изучила и не оценила с партийной принципиальностью творчество многих писателей и поэтов, работавших в нашей литературе в двадцатых-тридцатых годах, имена которых в течение многих лет замалчивались.

Большое место в своем докладе Хусейн-заде уделил вопросам критики и современности. Одной из важнейших задач литературной критики,—говорит он,—является показ связей современной литературы с современной жизнью, сопоставление действительности реальной и художественной. Отсюда важнейшее требование к критике—самому хорошо знать жизнь. Если критик не знает жизни, далек от современности, то как может он понять и правильно оценить литературный процесс, являющийся художественным отображением этой жизни. Суждение критика о литературе в то же время является и особой формой выражения его суждения о жизни. Критикой нельзя заниматься от случая к случаю. Критик должен внимательно и последовательно следить за процессом развития литературы. К сожалению, это не стало еще твердым правилом нашей критики. У нас обычно ждут, когда в свет выйдет то или иное произведение, чтобы хорошо расхвалить, а плохое взять в кнуты. Так появились в нашей критике новые «жанры», вроде «жанра славословия» и «жанра разносов». Это делает критику ограниченной. Критик не может удовлетворяться лишь голым восхвалением или таким же мало доказательным разносом. В. Г. Белинский справедливо называл таких критиков «мошкаркой» в литературе. Ограниченность критика превращает его в рецензента. И хотя рецензия играет большую роль в пропаганде литературы, и представляет собой активную форму критики, тем не менее трактуя лишь о новых, вышедших из печати произведениях, она может говорить только об отдельных, частных явлениях, в то время, как критика должна заниматься судьбой литературы в целом.

Работа критика сложная и трудная. Еще Белинский писал: «Тот, кто считает работу критика легкой, глубоко ошибается. Дарование критика считается редким талантом... Путь его труден и опасен. Критик должен отвечать многим условиям: он должен обладать способностью глубоко чувствовать, должен горячо любить искусство, должен отдаваться исследованию со всей страстностью, должен быть объективным и не поддаваться никаким влияниям». К сожалению, наши критики далеко не всегда отвечают этим требованиям.

До сих пор в нашей критике не поставлены еще достаточно серьезно вопросы анализа художественного мастерства. Если мы посмотрим на анализ художественных произведений в статьях, рецензиях и докладах, то увидим, что этот анализ недалеко ушел от общих и поверхностных социологических рассуждений. Большинство статей и рецензий просто излагает содержание произведения, затем, упомянув написанные раньше произведения писателя, критик выражает автору пожелание дальнейших успехов. Такого рода статьи большей частью состоят из двух разделов: первый раздел до «но», а второй—после «но». В первом разделе изложены положительные стороны произведения, а во втором его недостатки. В таких статьях, как правило, нет ни эстетического анализа, ни анализа мастерства.

Роль литературной критики велика. Критика—это часть литературы, а социологические рассуждения искусством не являются. Задача

каждого литературоведа и критика заключается в научном анализе, в исследовании каждого литературного факта, каждого литературного события. Он должен перевести произведение писателя с художественного языка на язык науки. Ведь содержание художественного произведения может быть одинаковым с содержанием научного труда. И материал и целевая направленность и в том и в другом случае могут быть идентичны. И лишь форма мышления, форма познания будут в них разные. Художественное произведение оказывает воздействие на разум и чувства людей своими художественными образами, своим языком. А критик должен раскрыть, разъяснить эти художественные особенности, проанализировать стиль, язык, образы, композицию и другие средства художественной выразительности, созданные творцом произведения.

Ш. Хусейн-заде говорит далее о том, что новые произведения своевременно не изучаются, не анализируются, научные и теоретические вопросы не поднимаются. Опытные критики, такие как Х. Мирзо-заде, С. Табаров, Н. Масуми, Ю. Бабаев и другие мало пишут, а если пишут, то их статьи встречаются молчанием. Молодые критики, такие как М. Муллоджанов, А. Маниязов, М. Наджмеддинов, Х. Атаханова, А. Сайфуллаев, С. Салихов, Я. Исаев и другие редко пишут обобщающие итоговые работы по вопросам художественного мастерства и другим проблемным вопросам литературы.

Надо признать, что самоотстранение некоторых наших критиков от литературной жизни, несвоевременное реагирование на литературные события, недостаточно глубокое изучение успехов и недостатков нашей литературы, несмелость при выдвижении актуальных и принципиальных вопросов, все это является серьезным упущением. Некоторые писатели и издательства не придают критике должного значения. Смелость и принципиальность критика не всегда находит поддержку.

Требую от критика глубокого анализа художественных произведений, проблемных статей, и т. д., нужно, прежде всего, создать для него нормальные условия работы. Ведь не секрет, что ни отдельные работы критиков, ни их творческие отчеты до сих пор ни разу не обсуждались в Союзе писателей на президиуме. Книги критических статей не издаются. Критические статьи, появившиеся на страницах периодической печати, исчезают бесследно и никогда не переиздаются.

Еще одной серьезной причиной отставания нашей критики Ш. Хусейн-заде считает то, что большинство литературных критиков работает научными сотрудниками Академии Наук или преподавателями высших учебных заведений. Для укрепления литературной критики недостаточно опираться только на научных сотрудников, надо растить свои кадры литературных критиков, которые должны, в первую очередь, воспитываться в писательской среде, вокруг газет и литературных журналов.

Товарищ Н. С. Хрущев, привлекая внимание писателей и художников к важнейшим задачам современности, подчеркивает, что литература и искусство всегда должны быть связаны с жизнью народа, должны правильно отображать богатство и разнообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывать гигантскую преобразующую силу советского народа, благородство его целей и стремлений и его высокие нравственные качества.

Высокая общественная задача литературы и искусства заключается в том, чтобы поднимать народ на новые успехи в деле построения коммунизма.

XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза поставил перед писателями и работниками искусства важные задачи укрепления связи с жизнью народа,—отражения в своем творчестве героич-

ческой борьбы советских людей. Поэтому нужно смело изучать жизнь, на каждом шагу, нужно ощущать биение сердца народа—созидателя коммунистического общества, слышать пульс нашего времени, нужно каждую свою работу проверять и сопоставлять с этой жизнью.

Почетной задачей нашей литературной критики,—говорит в заключение Ш. Хусейн-заде,—является борьба за партийность и народность литературы, за сплочение народа вокруг высоких целей Коммунистической партии.

В своем обстоятельном докладе, посвященном вопросам литературного наследия и его изучения, доктор филологических наук А. Мирзоев рассказал о том, что до Великой Октябрьской революции таджикский народ был лишен прав на свое литературное наследие.

Хотя основы тысячелетней литературы были заложены на исконной родине таджиков—Мавераннахре историческими предшественниками таджиков, да и в дальнейшем развитии этой литературы они играли большую роль, буржуазное востоковедение рассматривало ее не как таджикскую литературу, а как персидскую, принадлежащую народам современного Ирана.

Остановившись кратко на истории развития таджикской литературы, начиная с X века, А. Мирзоев приходит к выводу, что, исходя из исторических фактов, литературу X—XV вв. следует называть персидско-таджикской литературой. Это название говорит о том, что литература этого периода, которая до недавнего времени называлась персидской, является в то же время таджикской литературой. Другими словами утверждается, что таджики внесли в это литературное наследие большой вклад. В то же время этот термин не отрицает и права других народов, принимавших участие в складывании этой литературы.

Переходя к вопросу изучения классического наследия в дореволюционный период, А. Мирзоев рассказал, что если литература X—XV вв., которая до некоторой степени являлась общей для всех персоязычных народов, привлекала к себе внимание европейских ориенталистов еще в начале прошлого столетия, то литература XVI—XIX вв., созданная таджиками Мавераннахра, не стала предметом изучения ни на Западе, ни в России.

Основной причиной такого положения было распространение мнения, что творчество Абдурахмана Джами является завершением классического периода, а вся последующая литература,—лишь голое подражание и повторение того, что уже было создано предшествовавшими поэтическими поколениями.

Необходимые условия для широкого изучения и марксистского освещения таджикской литературы XVI—XIX вв., а также литературы предшествующего периода и установление прав на литературное наследие были созданы лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Историю изучения нашей классической литературы можно разбить на два этапа: 1. С 1925 года по 1940 год, и 2. С 1940 года по настоящее время.

Первый этап характеризуется, в основном, развертыванием предварительных, поисково-исследовательских работ. На втором этапе перед нашими литературоведами стала задача—подробно изучить литературное наследие и написать историю таджикской литературы.

Проведенные исследования показали глубокую ошибочность распространенного в прежнее время мнения о литературной жизни этого периода. Таджикская литература XVI—XIX вв., в основном, не имеет на себе печати подражания литературе предшествующих ве-

ков, и обладает рядом интересных, только ей присущих особенностей.

С точки зрения выраженных в ней социальных идей литературу XVI—XIX вв. можно разделить на две части: первая—литература феодального двора, вторая—литература антифеодальных социальных слоев. Если первая, как и феодальная литература предшествующего периода, была направлена на защиту интересов двора, поддерживала и воспевала феодальный режим, то вторая, следуя передовым традициям предшествующих литературных поколений, была направлена против феодального режима, в защиту трудовых слоев населения.

Причем, одной из своеобразных особенностей этой литературы, мы говорим здесь только о литературе антифеодальных социальных слоев, является то, что в ней, сравнительно с литературой предшествующих веков, находит гораздо большее отражение идеология антифеодальных сил города—средних и низших слоев, особенно ремесленников. Это значительно изменяет тематику поэзии. Так, изображение жизни ремесленников и различных сторон ремесленного производства становится содержанием поэм и даже содержанием лирических газелей.

Большое внимание уделяется в литературе XVI—XIX вв. этическо-воспитательным проблемам, причем, преимущественное внимание, в этот период, уделяется этическим проблемам, наиболее тесно связанным с повседневной действительностью.

В ходе исторического развития антифеодальных этических воззрений, в результате непосредственного воздействия русской культуры и влияния факторов социального, политического и экономического порядка в литературе второй половины XIX в. появляется просветительское течение.

Почти все жанры, бытовавшие в литературе предшествующего периода, находят в это время свое продолжение. Но и в самых традиционных жанровых формах пробивает себе путь новое.

Таковы основные результаты исследований, проведенных таджикским советским литературоведением в области изучения литературы XVI—XIX вв.

Но наряду с большими достижениями, в таджикском советском литературоведении имеются и серьезные недостатки.

Так, результаты проведенных исследований не могут удовлетворить все возрастающие потребности таджикской советской общественности. До сих пор из-за недостатка научных кадров не исследованы особенности таджикской литературы отдельных периодов. А до тех пор, пока они не будут изучены, мы не сможем приступить к написанию обстоятельной истории литературы периода XVI—XIX вв.

До сих пор не обеспечены учебниками и хрестоматиями высшие учебные заведения. Мало издаются массовыми тиражами памятники литературного наследства.

В последнее время среди некоторых писателей и молодых литературоведов появилось неверное мнение, что так как наша дореволюционная литература является классической, то значит все без исключения поэты того периода являются классиками. Это совершенно неверно.

Надо сказать, что наши дореволюционные литературоведы предъявляли к своим поэтам серьезные требования. Автор одной из поэтических антологий сформулировал эти требования следующим образом:

1. Стихи поэта должны быть общепонятны и признаны народом.

2. Изобразительные средства должны быть жизненными и в то же время находиться на высоком уровне поэтического мастерства.

3. Содержание стихов должно быть оригинальным, новым.

4. Наряду с использованием лучших образцов поэзии предшествующего периода поэт должен внести в поэзию нечто новое, и это новаторство должно быть одобрено читателями.

Те же, чье творчество не отвечает этим требованиям, не считались поэтами.

А ведь поэту-классику мы предъявляем еще большие требования.

Классиком может считаться только тот поэт, в чьем творчестве нашли свое отражение прогрессивные тенденции эпохи, кто, наряду с продолжением лучших традиций своих предшественников, сумел создать нечто новое, свое, как в форме, так и в содержании поэзии. Причем, это новаторство признано его современниками и поэт своим творчеством оказал влияние на дальнейшее развитие литературы.

Наша Родина вступила в важнейший период своей истории—в период развернутого построения коммунистического общества в нашей стране. Советский народ с огромным воодушевлением и гордостью встретил решения XXI съезда Коммунистической партии, приступил к досрочному выполнению семилетнего плана. Эти исторические события обязывают таджикских литературоведов улучшить работу в области марксистского анализа и разработки своего богатейшего литературного наследия.

Наша ближайшая задача состоит, прежде всего, в устранении этих недостатков,—говорит далее тов. А. Мирзоев. В частности, необходимо в ближайшее время приступить к составлению истории литературы XII—XV и XVI—XIX вв., мобилизовав для этого основные силы таджикского советского литературоведения. Следует иметь в виду, что пока мы не выполним этой работы, мы не сможем даже обеспечить учебниками высшие учебные заведения республики.

Кроме того, одной из ближайших задач, стоящих перед нами, является научно-критическое издание наиболее ценных памятников.

Выполнение этих задач должно послужить одним из основных средств воспитания молодых кадров. Не следует упускать из виду, что перед нами стоит задача изучения и марксистского освещения тысячелетнего литературного наследия, и если мы не используем все возможности для подготовки соответствующих научных кадров, эта проблема в ближайшем будущем не сможет быть осуществлена.

Для плодотворной работы советского таджикского литературоведения созданы все условия. Нет сомнения, что в предстоящем семилетии наши литературоведы под руководством Центрального Комитета нашей партии и при ежедневной поддержке нашего правительства, с честью выполнят стоящие перед ними задачи.

Святой долг писателя

(Из речи Рахим Джалила)

Писатели Таджикистана собрались на свой IV съезд в те дни, когда советские люди, горячо одоббив решения исторического XXI съезда КПСС, не менее горячо приступили к их осуществлению.

Материалы партийного съезда, который войдет в историю как съезд строителей коммунизма, доклад и заключительная речь на съезде Никиты Сергеевича Хрущева, обогатившие сокровищницу марксистско-ленинских идей, стали подлинным руководством к действию советских людей в борьбе за построение коммунистического общества и упрочение мира во всем мире. Величественные цифры семилетнего плана являются неиссякаемым источником вдохновения для всех советских писателей. Они требуют от нас создания высококачественных и высокохудожественных произведений, достойных нашего народа. Это святой долг писателя.

В дни подготовки к съезду на страницах газет велась дискуссия об искусстве или, говоря иными словами,—о значении вопросов художественного мастерства в усилении идейного звучания создаваемых нами книг.

Я не отношусь к тем писателям-эрудитам, которые чувствуют себя вправе наставлять других. Наоборот, я сам нуждаюсь в учебе и в хороших наставниках. Однако многолетняя работа на литературном поприще, общение с людьми, только что взявшими в руки перо, постоянная связь с читателями,—все это дает мне возможность сказать несколько слов о писательском труде.

В докладе М. Турсун-заде и в выступлениях ряда товарищей уже подчеркивалось, что существенно-важным условием дальнейшего творческого роста является учеба у наших классиков, у писателей русской классической и современной литературы и мастеров художественного слова братских народов Советского Союза. Мы должны учиться у них добиваться чистоты, ясности и эмоциональности воздействия языка, жизненной достоверности описываемых событий, рельефности изображаемых образов и глубокому проникновению в психологию своих героев. Но даже владея всем этим, писатель, на мой взгляд, не сможет найти путь к сердцу читателя, если забудет ещё об одном мудром и, в конечном счете, самом главном своем учителе. Этим учителем является жизнь.

Быть в гуще народной жизни, войти в самую её сердцевину, жадно наблюдать, изучать и сопоставлять встречающиеся факты и явления, внимательно вслушиваться в народную речь—все это является для каждого писателя важнейшим фактором дальнейшего совершенствования его мастерства. Внимание читателей, как известно, привлекли

те книги, которые были написаны в результате тесной связи с жизнью народа, в результате поездок по городам и кишлакам, конечно, поездок долгих, а не тех кратковременных, в один—два дня выездов в «народ, за вдохновением», совершаемых порой нашими писателями на легковых автомашинах...

Скажу, кстати, что, работая над романом «Бессмертные люди», я прожил в местах, где разворачиваются его события, много месяцев и все, описанное мною, совершалось на самом деле. Когда я задумал свой новый роман об угольщиках, Шураб—угольный бассейн нашей республики—стал для меня домом. Я долго жил в городе шахтеров, а затем, в процессе непосредственной работы над романом, часто навещал к своим героям. Нет у писателя лучшего помощника, чем народ. С благодарностью вспоминаю я сегодня шахтеров Шураба, людей, отдавших своему делу всю жизнь и удивлявших меня всем тем, что им довелось пережить, восхитивших своей мудростью и сдержанностью, своим удивительно богатым, ярким, красочным и образным языком. И сейчас, приступая к работе над второй частью романа «Шураб» («Шахтеры»), я мечтаю вновь пожить среди его героев.

На съезде много говорилось о роли писателя в деле коммунистического воспитания трудящихся. Мне тоже хочется сказать несколько слов об этом.

Мы знаем как велика роль советской литературы в борьбе с феодально-байскими пережитками в искоренении тех вредных обычаев, которые достались нам в наследство от проклятого прошлого. Но, к сожалению, в последнее время таджикские писатели не уделяют должного внимания этой теме.

Кроме того, мне кажется, мы забываем и такой важный участок идеологической работы, как пропаганда принципов коммунистической морали. Например, песни, звучащие на свадьбах, насыщены религиозными мотивами, но кого из нас это по-настоящему взволновало?

В борьбе против пережитков старины громадная роль принадлежит сатире и юмору—острому фельетону, едкой шутке, рассказам и стихам, одноактным и многоактным комедиям. С выходом в свет журнала «Хорпуштак» сатира и юмор в таджикской советской литературе заметно шагнули вперед. Возросла активность писателей, работающих в этом жанре. В ряде республиканских, областных и районных газет и журналов организованы уголки сатиры—многочисленные «Ось», «Иглы», «Ежи» и т. д., что, несомненно, способствует развитию сатирического жанра.

Однако интересных материалов, подобно, скажем, карикатуре на лектора, совершающего намаз в тот момент, когда дочь сообщает ему, что его приглашают на лекцию, или карикатуре на муллу с острой, запоминающейся текстовкой: «Единственный грамотей кишлака до революции и единственный безграмотный после неё»,—таких материалов, к сожалению, встречается ещё мало. Далее мне кажется, что в республике следует организовать издательство художественной литературы. Назрела необходимость открыть в Ленинабаде областное отделение Таджикского государственного издательства. Литература наша растет, она набирается сил не по дням, а по часам, и решение этих вопросов представляется немаловажным фактором в деле ее дальнейшего развития.

У нас сейчас большой отряд молодых литераторов, и Союз писателей улучшил работу с ними. Между двумя нашими съездами в Сталинабаде и Ленинабаде были проведены курс-конференции начинающих, в которых приняли участие видные литераторы, выступившие с подробным, всесторонним и глубоким анализом произведений молодых авторов. Вопросы воспитания литературной молодежи рассматри-

вались на Пленуме правления Союза писателей Таджикистана, а в целом ряде газет и журналов, как, например, в журналах «Шарқи сурх», «Литературный Таджикистан» («Гулистон»), в комсомольской периодической печати, в областной газете «Хақиқати Ленинобод» («Ленинабадская правда»), молодым было предоставлено немало страниц.

Все это очень отраднo. И все-таки надо признать, что в деле воспитания нашей смены у нас еще есть существенные недостатки. Взять хотя бы тот извилистый и тернистый путь, который проходит рукопись молодого автора. Речь, разумеется, идет не о тех авторах, которые торопливо испекут пять—шесть стихотворений или столько же рассказов, и, не испробовав их на вкус, недосалив, недодарив, тут же тащат в издательство. Речь идет о хороших рукописях, одобренных Союзом писателей. Часто такие рукописи годами лежат в издательстве, забракованные неквалифицированными рецензентами.

Другим недостатком в воспитании молодых писателей является невнимание, если можно так выразиться, к их образу жизни. Мы сами недостаточно изучаем действительность и не учим этому молодежь. Начинаящий писатель обычно сидит на одном месте, во-время, дисциплинированно приходит и уходит со службы. Выпала свободная минутка, он берет карандаш и начинает сочинять. А ведь не поедет он по собственной инициативе в колхоз или на предприятие, в школу или институт.

Горький в своих странствованиях по России хорошо познал жизнь и душу народа и поэтому столь впечатляюща его автобиографическая трилогия. Лишь прожив такую же большую жизнь среди простых людей устод Садриддин Айни смог доставить нам столько радости своими «Воспоминаниями», известными русскому читателю под названием «Бухара». Я хорошо помню, что умудренный колоссальным жизненным опытом, С. Айни не упускал ни одной возможности знакомиться с новыми людьми, с их жизнью, трудом, бытом, мечтами.

Или возьмите А. Лахути. Он прямо-таки молодец при встречах с людьми. Однажды, будучи в Ленинабаде, Лахути посетил колхоз «Коминтерн». Встреча с колхозниками была исключительно теплой. Когда начали прощаться, к Лахути подошла женщина по имени Урунхола—одна из первых, сбросивших в тех местах паранджу (она жива и сейчас),—и, протянув ему своего внука, сказала:

— Муаллим, подержите его на руках, чтобы он стал таким же уважаемым и почетным человеком, как вы.

Лахути исполнил её просьбу, и тогда Урунхола вновь сказала:

— Муаллим, а теперь спросите его, где наш дедушка?

Лахути спросил. Ребенок показал на портрет Ленина. Возвращаясь поздним вечером в город, поэт повторял родившиеся только что строки:

В месте любом спроси:

— Кто наш вождь?—

И даже ребенок, что грудь сосет,

Который и слов не знает,

Палец к портрету Ленина протянет.

(Поэтический перевод).

Через некоторое время Лахути написал известное стихотворение «Весть» («Хабар»), в котором встречаются эти проникновенные строки.

А разве неубедителен пример М. Турсун-заде, побывавшего в Индии и других странах Азии, а затем написавшего страстный, чудесный по эмоциональной насыщенности цикл стихотворений «Индийская баллада» и поэму «Голос Азии»?!

Быть в гуще народной жизни, ездить, встречаться с людьми, пристально всматриваться в их труд и быт, прислушиваться к их речи— все это необходимо писателю.

На встречах Ленинабадских читателей с местными писателями нам справедливо указывали на то, что в художественной литературе до сих пор не нашли всестороннего отражения те огромные преобразования, которые произошли на древних берегах Сыр-Дарьи за годы Советской власти, Кайрак-Кумская ГЭС «Дружба народов», новый город Ходжент, Таджикское море и тысячи гектаров вновь освоенных земель, цветущие массивы Дальверзина, Самгара— всё это ждет своего певца—художника!

Мало, товарищи, мы пишем о нашем рабочем классе. Справедливо обидя коллектива тружеников Ленинабадского шелкокомбината— одного из первенцев индустрии нашей республики, сыгравшего такую важную роль в становлении таджикского рабочего класса и в раскрепощении женщины-таджички.

Не рассказали мы в художественных произведениях о нынешних дворцах и клубах, о культуре колхозных кишлаков.

А ведь если каждый из нас напишет о новых преобразованиях на нашей земле хотя бы один очерк или один рассказ, или одно стихотворение и если все это собрать в сборник,—то получится увлекательная, нужная книга. С новым семилетним планом такая задача встала на повестку дня. И мы должны претворить её в жизнь.

Быть на уровне задач сегодняшнего дня

(Из речи А. Шукхи)

Съезд писателей Таджикистана собрался в дни, когда весь мир говорит о нашем грандиозном семилетнем плане. Опромный корабль социализма смело плывет вперед по бурному морю жизни. Капитан этого корабля—наша дорогая Коммунистическая партия, компасом ему служит бессмертное учение марксизма-ленинизма. Корабль социализма отважно прошел сквозь страшные бури и опасные пучины, он сейчас с двойной скоростью направляется к берегам своей конечной цели—коммунизму.

XXI съезд КПСС поставил большие задачи перед всем советским народом, перед социалистическим обществом, в том числе и перед работниками литературы и искусства. Нет сомнения, что эти задачи будут выполнены. Но победы, удачи и успехи не падают с неба, подобно дождю или снегу, за них нужно бороться. Каждый советский гражданин, будь то писатель, рабочий или инженер, должен точно знать свои обязанности.

IV съезд таджикских писателей подытожит путь, пройденный таджикской советской литературой после третьего съезда и определит наши задачи на будущее. Успехи таджикской советской литературы огромны, о них можно и нужно говорить. Однако наиболее важно разрешить здесь наши творческие проблемы, выявить наши недостатки и определить задачи литературы на современном этапе.

Не вызывает сомнений, что литература должна служить народу, отражать жизнь производителей материальных благ, воспитывать в сердцах миллионов людей любовь и преданность Коммунистической партии и социалистической Родине.

Само слово литература—широкое понятие, включающее в себя прозу, поэзию, драматургию, сатиру и т. п. Мы должны двигать вперед все литературные жанры. Каждый литературный жанр имеет свою специфику. Но в художественной литературе обязательно должны быть

тесно спаяны друг с другом глубокое содержание и художественность слова.

Литература—зеркало жизни. Прежде всего это относится к прозе. Объем прозаического произведения позволяет осветить в нем крупные события в жизни народа, исторические эпохи. Поэзия может охватить лишь отдельные жизненные эпизоды. Возможности лирических стихов еще меньше. Вместе с тем удивительная особенность лирических стихов заключается в том, что, если они действительно жизненны и написаны с большим мастерством, то они волнуют сердца сотен и тысяч людей. Я хочу тем самым сказать, что у каждого жанра есть свои возможности, и они не могут подменять друг друга. Все жанры литературы нужны читателю.

Я хотел бы остановиться на вопросах поэзии, точнее на вопросах связи тысячелетних поэтических традиций и сегодняшних новаторских приемов. У нас богатое литературное наследие, которое необходимо неустанно изучать. Но изучать не означает подражать.

Поэтической школой для поэта должна служить сама жизнь. Поэт должен писать для народа, для широких читательских масс. Стихотворение, которое не находит пути к сердцу читателя или слушателя, — не стихотворение. В сегодняшней таджикской литературе много захватывающих, волнующих стихов, например, стихи А. Лахути, М. Турсунзаде и др. Вместе с тем в нашей литературе есть стихи, которые никто не читает, их жизнь коротка, они быстро забываются.

Современная таджикская поэзия своими высокими идеями, благородными задачами заслужила высокую оценку и уважение общественности. Однако нужно прямо сказать, что в нашей поэзии, особенно в творчестве молодежи имеется существенный недостаток—это отсутствие в стихах органической и логической связи между отдельными поэтическими выражениями. Мы, молодые поэты, к сожалению, не всегда следуем советам наших учителей—каждому слову—свое место. Стихи—продукт мысли поэта, отголосок его сердца. Народная пословица гласит «Всякому овощу свое время».—Дехканин никогда не срывает неспелых овощей и фруктов. Мы же, молодые поэты, часто предлагаем читателю сырую, неспелую продукцию. Когда вы читаете произведения некоторых товарищей, то создается впечатление, что они не зачеркивают в своих стихах ни одной строки—печатают все, что выходит из-под их пера. В результате—ненужные строки, лишние слова, нелогичные выражения—снижают художественность, ценность стиха. Крестьянин, засеявший поле хлопком, несколько раз прореживает всходы, пропалывает и лишь потом собирает урожай. И поэт—земледелец слова. И он должен прореживать стихотворные строки, полоть их, вникать в каждое слово, взвешивать каждое предложение, каждую строку.

Одним из основных недостатков стихов молодых поэтов является отсутствие связи слов. Так, например, Ф. Ансори пишет:

«Благодаря тебе мы одержали победу во всех областях
Это песня, которую мы начали твоим именем»

Если бы поэт сказал:

«Мы, благодаря тебе, одержали победу на всех фронтах.
И разгромили врага,

было бы логичнее, поскольку «победа» одерживается обычно в результате разгрома врага. Или, например:

«Родина, я страстно целую твою гармонию звуков,
Я страстно целую твою весну и пестрый сад».

Читатель удивлен, как можно целовать гармонию звуков?

Такого рода неправильные выражения встречаются и в стихах Гафара Мирзо. Тов. Мирзоев намеренно или по незнанию пренебрегает свойствами таджикского стиха. Он беззастенчиво нарушает размеры, рифму. Его стихам свойственны нелогичность, непонятные, грубые, режущие слух выражения. Например, в одной из его поэмы мы читаем:

«Когда-то здесь был наш детдом,
Здесь прошли дни моего утреннего ветерка».

Но ведь утренний ветерок не имеет дней. Он пишет вместо «пойраха» — «пойрах» и т. п.

Аналогичные примеры можно найти в стихах Бахори, Сидки, Бобо Ходжи, и в том числе и моих.

Все это свидетельствует о том, что мы мало обращаем внимания на соответствие формы и содержания, плохо изучаем литературное наследие.

В заключение я хочу остановиться на переводе таджикских стихов на русский язык.

Говорят «Поэтический перевод — обратная сторона красивой ска-терти», а иногда бывает так, что перевод получается лучше оригинала. В чем же скрыта тайна? Хороший стих сам по себе величественное здание, которое поэт строит как искусный архитектор. Поскольку многие из наших переводчиков не знают таджикского языка, то кто-то переводит для них подстрочник, разрушая тем самым все здание стиха. Например, размер дома такой-то, стены украшены таким-то орнаментом, пол в нем из дерева, потолок такого-то цвета. Поэт-переводчик берет эти детали и строит из них новое здание. Возможно он построит что-нибудь хорошее из материалов прежнего здания. И вот получается так, что слабые в художественном отношении стихи в переводе получаются хорошими. В связи с этим некоторые молодые поэты пришли к выводу, что качество стиха выясняется только после их перевода на русский язык. Верно то, что хорошее содержание, интересная мысль переходит и в перевод. Но ведь поэт должен поэтическим языком изложить свою мысль. Мне кажется, надо при переводе обращать больше внимания на степень художественности оригинала, на его форму и другие поэтические особенности. Пусть таджикский поэт и писатель сначала предложит свой труд своему народу, получит его одобрение, а затем уже представит его для перевода на другие языки, как, например, делает товарищ Турсун-заде.

Партия и советское правительство постоянно проявляют заботу о нас, поэтах и прозаиках, и вместе с тем ставят перед нами большие задачи. Мы должны служить своему народу. Произведения, которые мы пишем, должны волновать сердца людей, помогать их самоотверженному труду. Лозунгом наших писателей должны стать слова: «Как можно больше хороших высокохудожественных и высокоидейных произведений».

О поэзии и поэтах

(Из выступления Гафара Мирзоева)

Товарищи, я с чувством большого удовлетворения прослушал замечательный доклад председателя нашего Союза Мирзо Турсун-заде. Доклад М. Турсун-заде о таджикской литературе между двумя съездами это живой, интересный разговор о наших достижениях и недостатках, о наших успехах и ошибках. Я лично бесконечно благодарен тов. Турсун-заде за такой большой, душевный разговор.

В докладе были очень интересные мысли о традиции и новаторстве таджикской поэзии. Мне, практику, не занимающемуся вопросами тео-

рии поэзии, возможно, не следовало бы вмешиваться в эти вопросы, но у меня есть некоторые соображения, которыми я хотел бы с вами поделиться.

За последние четыре года в нашей поэзии появилось много хорошего. Главное — появились образы наших современников, простых советских людей — со своим характером, своей индивидуальностью, в реальной действительности. Теперь Хасан не вообще Хасан, а Хасан-арбакеш, с добрым сердцем, но смешной гордостью, которая пришла в противоречие с поступью новой жизни. Есть у нас и еще несколько таких выпуклых образов. Но ведь в нашей поэзии героев гораздо больше. И, к сожалению, большинство из них по-прежнему не имеют ни лица, ни характера. Читая некоторые произведения, видишь как толкаются бегают, кричат, что-то делают его герои, но не видишь того, кто все это делает. Автор называет, например, своего героя Акбаром, но ему можно дать любое имя любой национальности и у героя при этом ничего не изменится.

В таджикской поэзии за промежуток между съездами поэма стала ведущим жанром, и все же она составляет наименьшую часть всех тех строк, что пишутся и издаются у нас. А ведь в поэме есть конкретный герой, есть действие, определенный сюжет, который, хочешь или не хочешь, будет иметь начало и конец. И поэтому поэт, пишущий поэму или сюжетное стихотворение, должен сказать что-то конкретное.

Вы не поймите меня, будто я хочу оправдать плохо пишущего поэта только потому, что он пишет сюжетную поэму.

Я говорю о другом. В нашей поэзии есть огромное число строк, которые относятся к так называемым бессюжетным стихам. Вы с ними встретитесь в каждую минуту, в любой газете, в любом журнале. Среди этих стихов вы себя чувствуете, как в осеннем, ветренном, пыльном листопаде. Вы можете подумать, что в нашей поэзии действительно происходит что-то вроде листопада. Это стихи обо всем на свете и ни о чем, и в то же время большинство из них спекулирует дорогими для нас именами Родины, народа, партии, любви, труда, мира и т. д.

Читая их, удивляешься, как можно заниматься бездушным, холодным пустословием, приправленным ложным пафосом, когда речь идет о партии, о народе, о Родине. Удивляешься, как может поэт обойтись без своего личного слова, самого дорого, самого земного слова, чтобы выразить свою любовь, свою благодарность, свое отношение к партии, народу, Родине.

Когда В. Маяковский писал о партии, он искал и находил именно те слова, которые нужны были ему, чтобы выразить его точное представление о партии. Но себя он при этом не называл новатором. Он считал это своей поэтической обязанностью.

Я в шутку думаю, что критики придумали слово новаторство для того, чтобы хорошие стихи называть новаторскими, а плохие и средненькие стихи просто стихами, чтобы не обидеть их авторов.

В связи с ростом таджикского рабочего класса, который в настоящее время составляет уже большую часть населения нашей республики, партия и время обязывают нас создавать произведения о рабочем классе. Поэтов, которые пишут стихи о рабочем классе, становится все больше и больше. И это, конечно, хорошо. Но плохо то, что некоторые товарищи, спекулируя актуальной темой, пишут все такие же слабые, надуманные, холодные стихи. Тов. Турсун-заде в своем докладе упомянул таджикскую поговорку, что не будет сладко во рту от частого произношения слова «халва». Это полностью можно отнести к стихам о рабочем классе. Упомянем подшипников, гаек, рессор и т. д. не создашь образа человека, образа рабочего со своим характером, со своей психологией. И надо искать тот двигатель, который заставляет его совершать те или иные поступки.

К сожалению, стихов о человеке в труде у нас почти нет, а так как нам очень нужны стихи, воспевающие труд рабочего, то и приходится очень слабые стихи о рабочем классе называть новаторскими.

В своем докладе товарищ Мирзо Турсун-заде коснулся вопроса о том, что стихи некоторых наших поэтов не поддаются переводу на русский язык. Это значит, что русские поэты, на которых не жаловались ни Шекспир, ни Гете, ни Гейне, ни Фирдоуси, которым удалось превосходно донести до русского читателя стихи Лахути и Турсун-заде—вдруг оказались неспособными перевести стихи какого-то рядового таджикского поэта. Не может этого быть, товарищ Турсун-заде. Таджикская пословица гласит: попадает в ковш то, что есть в котле. Так что причину нужно искать в котле.

У нас в народе есть обычай. Если человек в затруднении, он снимает тюбетейку и, положив ее перед собой, начинает думать над решением того или иного вопроса, над выходом из затруднения. Так вот, если мы, поэты, тоже снимем свои тюбетейки, положим их перед собой и задумаемся над жизнью и творчеством, то убедимся, что писать нам стало гораздо труднее, чем нашим предкам.

Много в нашей классической поэзии хороших произведений, но не меньше никому ненужного подражательства, дешевой игры слов, слащаво-нежной салонной риторики. Почему же так ограничен был круг тем нашей классической поэзии? Наверно, потому, что так ограничен был круг всей жизни.

А мы, советские таджикские поэты, вынырнули из средневековья прямо в XX век, век революций и величайших свершений. Мы вышли на простор, где все ново. Всему этому новому надо найти свое название, свой ритм, свою рифму. Тем стало бесконечно много.

Те поэты, которые поняли и приняли требования эпохи, стали искать названия, ритмы и рифмы всему этому новому. Но те, кто не хотели или не сумели идти по этому пути, продолжают писать по-старому.

Товарищи, не будем рабами красивых шаблонов и штампов, даже если они исходят от великих поэтов, не будем думать о том, продолжем ли мы традиции нашей поэзии или кладем начало чему-то новому, а будем просто писать хорошие, глубокие стихи, с неожиданными образами, поворотами, рифмами, сравнениями.

Наше замечательное время требует от поэтов стихов высокого накала, большой художественной силы, и у них есть все возможности такие стихи написать.

По пути социалистического реализма

(Из речи Уткур Рашидова)

Товарищи! Разрешите приветствовать Вас, представителей замечательной таджикской советской литературы и ваш съезд, от имени узбекских писателей и передать вам братский привет узбекских писателей.

Мы прибыли на ваш съезд с большой радостью. Известно, что узбекская и таджикская литературы с древнейших времен являются братскими и развивались в творческом сотрудничестве в едином стремлении, в едином созвучии. Узбекский народ с большой любовью читает Носира Хисроу, Абулькасыма Фирдоуси, Абульхасана Рудаки, Муслихиддина Саади, так же как таджикский народ с большой любовью читает Навои, Бобура, Мукими и других узбекских классиков.

Эти узы между нашими литературами еще более укрепились в советскую эпоху. Не случайно основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни мы считаем также и основоположником узбекской советской литературы.

Мы, узбекские писатели, всегда с большим интересом и любовью относимся к развитию таджикской советской литературы и гордимся ее успехами.

Узбекский народ любит и читает на родном языке произведения Мирзо Турсун-заде, Мирсаида Миршакара, Сатыма Улуг-зода, Абдусалома Дехоти, Джалола Икрами, Фатеха Ниязи и других ваших писателей.

Нас радует атмосфера искреннего творческого сотрудничества и глубокой дружбы, которая царит в среде таджикских писателей. И на этот раз ваш съезд проходит в духе плодотворного творческого сотрудничества. Эта замечательная традиция является одним из важнейших залогов дальнейшего развития литературы. Большое впечатление произвел на нас доклад Мирзо Турсун-заде, дающий глубокую и всестороннюю характеристику современной таджикской советской литературы.

Настоящий съезд проходит в обстановке творческой активности и готовности писателей выполнить задачи, поставленные перед нашей литературой XXI съездом Коммунистической партии Советского Союза.

Мы глубоко уверены, что таджикская советская литература и в дальнейшем будет развиваться по пути, указанному партией, станет одной из ведущих литератур в составе нашей единой многонациональной советской литературы.

С. М. Мухоморова

Словно здесь оркестр прошел, играя.
И рассыпал ноты со страниц.
Далеко плывут слова и звуки
В нежном летнем шелесте листвы...
Маленькие дружеские руки,
За какой штурвал возьметесь вы?
А пока—впервые каждый видел
То, что сердцем сказано давно:
— На меня, Назим, не будь в обиде...
— Напиши мне, милая Барно...

* * *

Вскипают в сердце волны слов,
Пылает вдохновение.
Я славлю будущих творцов—
Младое поколение.
Их юность славлю и задор,
Любовь, мечты заветные,
И—прямо к счастью с давних пор—
Пути-дороги светлые.
Лежат в грядущее пути
Широкие, надежные.
Но надо каждому найти
Свои права дорожные.
Чтоб шаг шагнуть—не пыль спугнуть,
Не солнце застить кепкою,
А день прожить—как дом сложить,
С основой вечно крепкою!
Идем, читатель мой, скорей,
Пойми души волнение:
Выходят из одних дверей
И Верность, и Сомнение...

* * *

В воздухе и сладость, и прохлада.
Ночь светла,
А жизнь еще светлей.
Девушка словам Назима рада,
Отчего не радоваться ей!
Смуглой красоте пышноволосой
Все к лицу—и скромность, и наряд.
И уже не раз на эти косы
Сватов засылали, говорят.
Но Барно разумная такая:
— Ничего.—смеется,—подождут...
Медалистка,
даже золотая,
Завтра уезжает в институт.
И летит мечта быстрее звука,
И смеяться девушке легко—
Перед нею мудрая Наука
Распахнула двери широко.
А Назим совсем в иные дали,
В жаркий цех мечту свою зовет,
Где из сплава мужества и стали
Человека делает завод.
Где формуют стойкость и отвагу,

Где в цехах у каждого станка
Присягает пламенному флагу
Трудовая верная рука.
Это он твердит своей подруге
И упорно просит—Напиши,..
Но скользит в каком-то странном круге
Разговор взволнованной души.
— Стать простым рабочим? Непонятно!
Сам себя ты хочешь обязать
Каждый день смывать с ладоней пятна,
Ни минуты отдыха не зная.
— Ну и что ж,—Назим ей возражает,—
Ремесло постигну как никто,
В подготовке—сила урожая!
А Барно в ответ опять:
— Не то..
Не развить способности!..
Неловко,
Ты пойми—условились уже
Разве я
Рабочую спецовку
Столько лет лелеяла в душе?..
И уже с отчаяньем безмерным
Шепчут губы из последних сил:
— Лучше бы пошел на инженера,
Ты ж о б р а з о в а н ь е получил!

* * *

«О сердце, почему грустишь,
Смотри—луны улыбчив лик,
Смотри—кругом какая тишь,
Как мир прекрасен и велик.
Смотри — он весь перед тобой,
Как птица он певуч и прост,
И связан он с твоей судьбой
От черных недр до светлых звезд.
О сердце, где ты в нем идешь,
В каком бою, в каком строю,
И что за песню ты поешь,
И что несешь в родном краю?..»
Рука покоится в руке.
Шаги небыстрые легки.
Уже в рассветном ветерке
Зарделись розы лепестки.
И словно взяв у этих роз
Их нежный цвет,—
Прозрачно ал,
Рассвет все ширился и рос,
И небом землю заливал.

* * *

Идет Назим, идет Барно...
А воздух дышит сладостью,
И сердце каждое полно
Волнением и радостью.
И не унять сиянья глаз,
И не унять страдания...

И бьют часы последний час
Прощального свидания.
Но будь благословен в тиши
Тот час, что всем достанется:
Чем он больше для души,
Тем все длиннее тянется.—
Чтоб все сказать и все понять...
Но не успеть, как правило...
И только милую обнять
Сиянье глаз заставило.

II

С рассветом

литого железа ворота
Вздохнули спросонок, стяхнули покой...
И вмиг

от рабочего водоворота
Стал радостным, праздничным двор заводской.
Вот стрелка на «восемь» встает часовая.
Гудок—и послушна движенью руки,
Спешит электричества сила живая
И жизнь по цехам обретают станки.
Их голос звучит непривычно и дико
Для тех, кто впервые сюда попадет.
От грохота,
скрежета,

стука

и крика

Тоска новичка с непривычки берет.
В лесу олененок с дороги собьется—
И встанет, растерян: все то и не то.
Вот так и Назиму сейчас остается
Откручивать

пуговицу

на пальто...

Стоит он, глотая слюну от волненья,—
Ни назад, ни вперед, посредине пути.
Тихонько рассматривает помещенье,
Пытается дядю Матвея найти.
Пред ним колесо за серебряной сеткой
Вздыхает,

и грусть он почувствовать смог...

Вдруг гарью запахло и острой и едкой,
И взвизгнул совсем по-щенячьему станок.
На звук этот, очень простой и домашний,
Пришел озабоченный дядя Матвей.
«— Заело?»—спросил как про жнейку на пашне.
У девушки с черным разлетом бровей.
Она засмеялась в ответ шаловливо
И, что-то подправив, опять над станком
Склонилась, как клонится горная ива
Над быстро бегущим в камнях ручейком.
А дядя Матвей, уважаемый всеми,
К Назиму шагает:
— А ну, дорогой,
Не будем впустую растрчивать время,

Идем, познакомлю с огнем и водой.
Вначале с заводом, с людьми заводскими:
Вникай, примечай, со станками дружи.
Хлеб-соль с нами ешь,
И рабочее имя,
Рабочую марку
Высоко держи.
Я двадцать годков на металл перемерил.
Немало в полеты птенцов выпускал
И знаю, что тот лишь надежен металл,
Который огнем свое сердце проверил.
Запомни,
 рабочим быть—почесть и слава!
Будь тверд и настойчив во время пути.
А ну, не вертись ты и влево и вправо,
Ты прямо по жизни старайся пройти!
Гляди—здесь металл и слуга и владыка,
Здесь все для него, ибо он—для всего:
Для кухон истроек в хозяйстве великом
Рабочие люди готовят его.
Вот это литейный, для сердца утеха.
Не то здесь приметно,
 что свет и уют,
А то, что рабочие этого цеха—
Скажи—из брони сапоги отольют!..
Так дядя Матвей говорил, не смолкая,
Так слушал Назим,
И вставала пред ним
Дорога—
 прямая,
 большая,—
 такая,
Которую должен осилить Назим!

III

Резец шипит, скрежещет,
Грызет, сверлит деталь...
Невиданные вещи
Назиму дарит сталь.
И цвет ее и запах
Теперь ему знаком.
Она в станочных лапах
Все время «с огоньком».
И словно свет рождает...
Хотя, луская в бой,
Ей сердце охлаждают
Холодной водой.
Бывает сталь горячей?
Рабочий скажет—Да!
Но это не мешает
В работе никогда:
Она не равнодушна
И в такт движенью рук
Во всем труду послушна,
Как твой напарник—друг.

Лишь ты работай ловко,
Завоевав в труде
Рабочую сноровку,
Уверенность в себе.
Тогда придет свершенье...
Назиму не легко:
От первых достижений
До цели—далеко.
Назим не унывает,
Но сам себе не рад—
Уж очень донимают
Насмешки Анзурат.
Соседка по работе,
Не токарь—молодец.
А новичка за месяц
Измучила вконец.
— Вы заняты, простите,
Что беспокою Вас,
Но Вы деталь сверлите
Уже четвертый раз.
Калибровые штучки,
Похожие, увы...
А бабушку со внучкой
Не спутаете Вы?...»
Колочая девчонка—
Рабочий корешок.
Мила, как голубь звонкий,
Опасна, как ожог.
А все ж—товарищ верный:
Шпыняя, как игла.
Уж сотню раз наверно,
Назиму помогла.
А где ж Барно-москвичка?..
Чем дышит? Как живет?
И в сердце
 переключка
Двух голосов идет...

IV

Несет письмо стальная птица
В столицу родины—Москву.
Она торопится, стремится,
Пронзая тучи синеву...
Меж тем работа у Назима
Затормозилась—встал станок.
И вот уж час неутомимо
Причину ищет паренек.
Сам починить станок замыслил!
И, не щадя в работе сил,
Все грязные места почистил,
И ось покрепче укрепил.
Увы, к чему старанье это:
Стоит станок, молчит станок...
О если б он сейчас совета
У Анзурат спросить бы мог!
Но нет спасенья от напасти—

Больна соседка, как на зло.
Тут слесарь подошел, на счастье,
И всю беду как унесло...
Смеется слесарь:
«— Что, заело?
А ну, гляди...»
Гляди скорей—
Вновь принялся станок за дело
С рабочей песенкой своей.
И вот уже Назим в награду
Снимает новую деталь:
Спасибо слесарю Мураду,—
Жива, тепла, послушна сталь!
«Запомни,

в мастерстве рабочем
Будь верен точному рулю:
Расчет в работе нужен точный,
Как нужен компас кораблю».
Так—от души, во всем, без счета—
Назиму помогли друзья.
И закипела в нем работа,
Которой не кипеть нельзя.

* * *

«Если встретишь горлинку—
Сердцу покажи.
Если встретишь горлинку—
Сердцу прикажи:
— Не стучи, не бейся ты
Раненым крылом,
А любви добейся ты,
Улетай вдвоем...
У любви—у лебедя
Ранено крыло.
Но весной повеяло,
Былью поросло.
И водой проточною
Залиты следы...
Здравствуй, счастье прочное,
Майские сады!»
Это пела горлинка
В клубе заводском.
Мой читатель,
С горлинкой
Ты уже знаком.
Не с франтихой каменной
С пышною косой,—
С настоящей, пламенной,
С чистою душой.
Счастье в ней безбрежное,
Так и бьется в грудь...
Белоручке—неженке
Счастье не вернуть.
Скоро свадьба сладится—
Я поведать рад—
У Назима—токаря
С милой Анзурат.

Места нет Сомнению
В их большой любви,
Октября горение—
Свет у них в крови:
В каждом сердце искреннем,
Вечно горяча,
Отразилась чистая
Искра Ильича...
Добрый путь содружеству
Пламени с огнем:
Верности и Мужеству
Вечно быть вдвоем!

* * *

Для жизни солнце—лучший зодчий.
Как к солнцу тянутся ростки,
Так силой гвардии рабочей
Свершенья плана высоки.

Плоды работы—честь и слава
Твоей души, родной народ.
Труда свободная держава
Легенду жизни создает.

И ты вошел в свой мир высокий,
Твой цех, Назим, в твоей груди.
Зарей огня окрасив щеки,
Ты встретил счастье на пути.

Земля веками с небосвода
Вбирает солнца яркий свет.
Навеки слит с огнем завода,
Ты будешь счастлив много лет.

Железо мягче воска станет
В твоих руках,
и никогда
Твой сад весенний не увянет—
Прекрасна будущность труда!

*Перевела
Мариянна Фобанова.*

К. Магун

БУДНИ

РОМАН

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ¹

Солнце! Бесчисленно много раз встречается оно в поэтических и прозаических описаниях природы. Поэты сравнивают с ним взгляд и улыбку любимой, ее доброту и нежность. Люди поют о солнце, славя его тепло и свет, дающие жизнь всему живому на земле. Теплом своих лучей солнце оплодотворяет землю и она щедро плодоносит. Вскормленные живыми соками земли, взлелеянные горячей солнечной лаской, набираются могучих жизненных сил упругие хлебные колосья, раскрываются белоснежные бутоны хлопка, наливаются дивным соком виноградные гроздья.

Но жители юга знают, что солнце бывает не только добрым и ласковым. Безжалостно сушит оно весенние цветы и травы на склонах гор и в безводных степях. На тысячи километров раскинулись выжженные солнцем степи и полупустыни, где ничего не растет кроме верблюжьей колючки да саксаула. Мертвые, раскаленные пески пустынь пышат огненным зноем, от которого режет глаза и захватывает дыхание.

Много веков люди не смели противоборствовать солнцу, отступали под натиском пустыни. Засыпанные песком, превращались в прах красивейшие города. Цветущие долины и оазисы становились добычей солнца и все живое вымирало в них. Исчезали дороги, пропадали селения, высыхали реки. Желтое знойное безмолвие пустыни воцарялось там, где некогда буйно цвела жизнь.

Советские люди решили переделать мир на благо человека, они бросили вызов всем силам природы и — солнцу.

В долгой и жестокой борьбе отвоевывали они мертвую землю, чтобы оживить ее, заставить работать на себя. В центре Вахшской долины и дальше на юг, вплоть до прибрежной полосы Пянджа, еще совсем недавно была полупустыня. Большевики дали этим землям воду, которая принесла с собой жизнь. По горячим пескам Кара-Кумов протянулись голубые ленты каналов. На месте раскаленных песков появились моря. Солнце было побеждено. Но оно по-прежнему безжалостно использовало каждый промах, каждую ошибку человека в борьбе с природой, уничтожая плоды его труда.

Запоздает хлопкороб с поливом плантаций и враз поблекнут и увянут листья хлопчатника, а вместе с ними осыплется на землю добрая половина выращенного урожая.

¹ Продолжение. Начало см. в альманахе «Гудистон» № 1, 1959 г.

Не хватит воды садоводу, чтобы вовремя полить деревья и сникнут они под жгучими лучами солнца, грустно шурша голыми обеспложенными ветвями.

Задержатся хлеборобы с жатвой ячменя или пшеницы и горячий ветер опустошит их золотые колосья, лягут мертвыми на землю почерневшие стебли.

Запоздают люди с сенокосом и — выгорят сочные альпийские луга. Голодная зима унесет тысячи голов скота.

А сколько рек и озер высушит за лето жаркое южное солнце. Источник жизни становится источником смерти. Вот она живая диалектика.

Такие или похожие на них мысли проморгались в голове Турсуна Шарипова. Он стоял над арыком и глядел сквозь прищуренные веки на спящие, скачущие по воде солнечные блики. Вдоль арыка росла густая зеленая травка. Чем дальше от воды, тем реже, ниже и суше становилась она, а в двух метрах от воды трава исчезала совсем.

Прикрыв от солнца ладонью глаза, Турсун посмотрел вдоль побеленной зноем дороги.

На голове у Турсуна была тибетейка. Шелковая тенниска и тонкие полотнянные брюки плохо защищали от палящих лучей солнца. Июнь только начался, но было уже знойно и душно. С каждым шагом, отделявшим Турсуна от тенистых улиц города, жара становилась все сильнее.

Шарипов договорился приехать сегодня в колхоз имени Ленина. Секретарь комсомольской организации Мусо Юсупов обещал выслать за ним колхозную автомашину. Турсун, ожидая ее, просидел почти полдня в райкоме, не стал больше ждать и направился в колхоз пешком, надеясь сесть в дороге на попутную машину. Выйдя за город, он пожалел о своем решении: до правления колхоза — не меньше десяти километров. Турсун остановился у придорожного арыка, и, глядя на сверкающую поверхность воды, задумался. Очнулся он от звучного гудка «Победы». Он оглянулся. Дверца машины распахнулась и голос Таировой крикнул:

— Салом, товарищ Шарипов, далеко ли вы?

— Салом, Лютфи. Хочу добраться до колхоза Ленина.

— Тогда садитесь, нам по пути.

Турсун сел на заднее сиденье рядом с Лютфи, пожал ей руку, задал обычные при встрече вопросы о здоровье и настроении. Машина поехала дальше. Мимо поплыли ровные квадраты хлопковых полей, обсаженные тузовыми деревьями. Ветви с них были обрублены на корм шелкопрядам и деревья отталкивали своей наготой.

Ехали медленно. Дорогу асфальтировали и все время приходилось объезжать большие кучи гравия.

Минуты две оба молчали. Потом Шарипов покосился на сидевшую рядом Лютфи и весело спросил:

— А вы куда путь держите?

— В колхоз Жданова. Там случилось несчастье: бык помял колхозного пастуха, — и за мной прислали машину.

Снова наступило молчание. Турсун исподтишка разглядывал Таирову. Много раз он встречался с ней, и каждая встреча, как бы кратковременна и случайна она ни была, радовала его. Ему приятно было видеть Лютфи, слышать ее голос, чувствовать на себе ее взгляд. Встречи с ней преображали его, давали ему энергию и веселый задор. В эти минуты ему хотелось сказать что-нибудь необыкновенное, свершить смелый и мужественный поступок.

Сегодняшняя встреча особенно взбудоражила Турсуна. Никогда еще не видел он Лютфи так близко. Эта близость безмерно волнова-

ла. Он смотрел на нее и молчал. Где-то в глубине сознания слабо вспыхнула мысль: «Неприлично так пристально рассматривать девушку. Она может обидеться. Ну и пусть, — с какой-то бесшабашной веселостью отмахнулся Турсун. — Пусть сердится, мне все равно. Я же к ней в попутчики не просился, сама пригласила. Сама...» Турсун продолжал смотреть на Лютфи. Он впервые увидел крохотную родинку на ее правом виске. Эта родинка умилила его. Захотелось прикоснуться к ней губами. Желание было так велико, что Турсуну пришлось на секунду зажмуриться, чтобы отделаться от него:

Откуда-то издалека, словно приглушенный расстоянием, донесся голос Лютфи.

— Что с вами, товарищ секретарь райкома? Почему вы молчите? Может быть, вы лишились дара речи, или вас укачало?

— Весьма возможно, — ответил Турсун, глядя на нежные губы Лютфи. Ему неудержимо захотелось их поцеловать. Он вынул папирсы и спросил:

— Можно закурить?

— Пожалуйста.

Турсун закурил, выпуская дым в раскрытое окно. Лютфи, прищурив глаза, скользнула взглядом по лицу Турсуна. Он почувствовал этот взгляд и, круто повернувшись, встретился с ней глазами. Только одно мгновение смотрели они друг другу в глаза. Но и за это время Турсун успел увидеть в больших черных глазах Лютфи растерянность и испуг. Она быстро отвела взгляд, повернулась к нему спиной и стала смотреть в окно. Теперь он видел только пышные, слегка вьющиеся волосы, собранные на затылке в большой красивый узел. Сквозь тонкую белую ткань блузки просвечивала матовая кожа плеч. Турсун подался вперед и, неожиданно для себя, положил на ее плечо дрожащую руку. Лютфи вздрогнула, сжалась.

— Простите, — прошептал он и отдернул руку, — я... — он хотел сказать «нечаянно», но что-то помешало ему и он повторил: — Простите...

Какая-то сумятица мыслей и чувств нахлынула вдруг на Шарипова. Его завертело, закружило в голубом водовороте. Легкая тонкая тенниска стала тесной. Он растегнул пуговку воротника, приблизил разгоряченное лицо к раскрытому окну. Но это не помогло: ветерок был теплый и слабый. Вот если бы встать сейчас под настоящий ветрище, да еще с ливнем, чтоб пролились на голову и плечи каскады холодной воды, чтоб ударил в грудь тугой ветер...

Турсун выкинул окурки и тут же закурил вторую папиросу. Лютфи, искося следившая за ним, покачала головой.

В полукилометре от центральной усадьбы колхоза имени Ленина у края дороги стоял грузовой автомобиль. Его капот был поднят, и он походил на какое-то странное животное с разинутой пастью. Водитель «Победы» остановил машину, подошел к шоферу грузовика, копавшегося в моторе. Они перекинулись несколькими фразами. Водитель вернулся, вынул из багажника «Победы» инструменты и снова ушел к грузовику.

— Непредвиденная неприятность, — сказала Лютфи.

— Почему неприятность? Я очень рад этой неприятности, — сказал Турсун, сияя глазами.

— Вы рады этой задержке?

— Да. Если бы мы тут простояли часа два, я был бы просто счастлив.

Им овладело радостное, приподнятое настроение. Ему хотелось говорить и говорить, высказать все, что чувствовал сейчас.

— Вы знаете, есть такая русская пословица «Не было бы счастья да несчастье помогло». Я ее только вот сейчас понял. Для других

остановка в пути — это несчастье, но для меня счастье. Я сижу рядом с вами, смотрю на вас, слушаю вас. Разве это не настоящее счастье? Мне кажется, что...

Лютфи побледнела. Ей не хотелось, чтобы он продолжал этот разговор, и она перебила его:

— Скажите, если бы мы не нагнали вас, вы пошли бы в колхоз пешком?

— Конечно, — весело ответил он. — Пока в распоряжении райкома комсомола нет ни вертолетов, ни мотороллеров, — вот и приходится ходить пешком.

— Жаль. По-моему, райком комсомола должен иметь хотя бы мотоцикл. А то просто неудобно получается, — в голосе Лютфи слышалась ирония. — Председатель колхоза едет на машине, заведующий райзо — тоже на машине, директор хлопкозавода — опять же на машине, а секретарь райкома — пешком. Так вашей зарплаты и на сапоги не хватит.

— Не хватит на сапоги — босиком ходить будем, — Шарипов засмеялся.

— Да, — задумчиво сказала Лютфи. — Это верно. Вы бы и босиком пошли.

— Пошел, — подтвердил он. — Только бы не зря идти.

— А вам приходилось ходить напрасно?

— Приходилось, — Турсун несколько секунд молчал, потом широко улыбнулся и продолжал: — Как-то мне пришлось быть в колхозе имени Эрджигитова. Комсорг там парень боевой и толковый, но любит приврать. Поговорили мы с ним о разных делах комсомольских, а в конце я его спросил:

— В животноводстве у вас много молодежи работает?

— Сорок четыре человека, — не моргнув глазом, ответил он.

Эта цифра мне показалась сомнительной, но я виду не подал и снова спросил:

— А доярки молодые есть?

— Есть, — ответил он. — Двенадцать доярок.

— Кто же из них лучшая?

— Комсомолка Мукарам Ахунова. Она надоила в прошлом году по три с половиной тысячи литров молока от каждой коровы.

— Ну что ж, — сказал я. — Идем к Ахуновой. Посмотрим ферму, с доярками побеседуем и с Мукарам поговорим. Нам нужно развернуть соревнование молодых доярок на звание «Лучшая доярка района». Вот ваша Мукарам пусть начнет это соревнование.

Комсорг стал меня отговаривать.

— Что вы, товарищ Шарипов. Разве мы туда доберемся. Мукарам работает на самой отдаленной ферме. Попутные машины туда не ходят. Лошадей сейчас не достанем: райса нет, а пешком целый день протопаешь, — по колено грязи.

— Нам к грязи не привыкать, — ответил я. — Пошли.

Поупирался он еще немного и согласился. Мы не шли, а плыли по грязи. Полдня потратили на одиннадцать километров. Чтобы не так утомляла дорога, я его все время о Мукарам расспрашивал. Комсорг рассказал, что ей восемнадцать лет, на ферму пришла три года назад после окончания семилетки.

Усталые и злые пришли мы на ферму. Послали учетчика за заведующим. Зашли в комнату для доярок, присели к печурке, отдыхаем и греемся. Пришел заведующий. Он подтвердил, что Мукарам Ахунова — лучшая доярка колхоза и по моей просьбе послал за ней того же учетчика.

Минут через десять в комнату вошла старая женщина, поздоровалась и отошла в уголок. Я глянул на нее мельком и продолжал

разговор с заведующим, а тот оглянулся на женщину и необычно громко сказал:

— Проходи сюда, Мукарам, поближе! С тобой хочет секретарь райкома поговорить! — Потом повернулся ко мне и объяснил: — Вы с ней говорите погромче. Она немножко глухая...

Я растерялся, смотрю то на заведующего фермой, то на старую женщину.

— Это та самая Мукарам Ахунова, с которой вы хотели побеседовать, — объяснил заведующий.

Я посмотрел на комсорга и шопотом его спросил:

— Эта?

— Не знаю, — тоже шопотом ответил он. — Я ее ни разу не видел. Слышал на правлении, что есть у нас лучшая доярка Мукарам Ахунова, а видеть ее — не видел...

Лютфи и Турсун долго смеялись.

Вернулся шофер, и они поехали дальше. Через несколько минут машина остановилась перед правлением колхоза, Лютфи протянула Турсуну руку. Он сжал ее мягкую нежную ладонь и попытался заглянуть в глаза девушки.

— Сколько вам лет? — неожиданно спросила она.

— Двадцать четыре.

— А мне двадцать пять, и у меня есть жених. Учтите это, товарищ... Турсун.

На его лице вспыхнула улыбка. Но он тут же погасил ее — понял, что она сказала серьезно.

— Я не знал этого, — произнес он с глубокой горечью. — Не знал... — Он вспомнил высокого парня, с которым видел Лютфи в фойе кинотеатра. Наверное, это был ее жених.

Турсун вышел из машины, захлопнул дверцу. Когда «Победа» скрылась за поворотом, он машинально сунул руку в карман, достал папиросу и закурил.

Он с тоской смотрел на облачко медленно оседающей пыли.

— Неужели она сказала правду? — прошептал он.

Да, Лютфи сказала правду. У нее действительно был жених — агроном Джангарской МТС Бурхан Юнусов.

Они познакомились шесть лет назад, на новогоднем студенческом балу. Лютфи с подругой стояли в очереди у буфета, с завистью глядя на счастливых, отходящих от прилавка с бутылками лимонада.

Из толпы вынырнул высокий смуглолицый парень. Он держал три бутылки лимонада. Оглядевшись по сторонам, парень неожиданно подошел к Лютфи и сказал:

— Держите лимонад и подождите меня около столика. Я сейчас раздобуду стаканы.

Лютфи не успела опомниться, как бутылки с лимонадом оказались в ее руках. Через минуту она уже сидела за столиком. Новый знакомый поднял стакан с лимонадом, и, прищурив горячие черные глаза, шутливо сказал:

— Выпьем за наше знакомство. Бурхан Юнусов, студент второго курса сельхозинститута.

Лютфи и подруга тоже назвали себя. Попивая прохладный лимонад, они перекидывались ничего не значащими фразами. Оказывается, еще осенью на встрече студентов города Бурхан увидел и запомнил Лютфи, но не сумел тогда с ней познакомиться.

— После этого мы все разъехались на уборку хлопка, а потом — началась сессионная горячка, я потерял вас из виду, но не забыл. Правильно говорят: кто ищет — тот всегда найдет. Вот я и нашел

вас... Выпьем за того, кто придумал эту мудрую поговорку.—И он поднял свой стакан.

Когда заиграли вальс, Бурхан пригласил Лютфи танцевать, и уже весь вечер не отходил от нее. Потом он проводил ее домой.

Так началось их знакомство. Они встречались, ходили в театры и кино, выезжали за город, гуляли в ботаническом саду, спорили о книгах и кинофильмах.

Бурхан нравился Лютфи. Он был прост, весел, умен. Девушка с удовольствием проводила с ним время, но большого настоящего чувства у нее не было.

Прошло два года. Они заканчивали четвертый курс. Как-то весенним теплым вечером Бурхан признался в своей любви. Взволнованная его объяснением, она не оттолкнула Бурхана. Он понял это как выражение взаимности и неожиданно поцеловал ее. Это был первый поцелуй в жизни Лютфи. Опьяненная им, она была счастлива. Позже, когда улеглось волнение, она попыталась найти у себя ответное чувство и—не нашла...

После долгих раздумий, Лютфи решила при первой же встрече откровенно сказать все Бурхану. Но когда увидела его сияющего, безмерно счастливого—не решилась этого сделать. Он был какой-то необыкновенный, просветленный и яркий. Улыбка не покидала его красиво изогнутых губ. Его глаза не выпускали ее из своих цепких и ласковых щупальцев Лютфи снова уступила его страстному порыву и снова позволила поцеловать себя. Нежно обняв ее, Бурхан читал страстные, брызжущие огнем любовные строки Саади.

Любовь — как море. Ширь ее не знает берегов.
Всю кровь и душу ей отдай: здесь меры нет иной.
Для любящих одна тропа и жребий тут один.
Сто жизнью другу посвяти, идущему с тобой.

Она слушала его, позабыв обо всем и временами ей казалось, что к ней пришло настоящее, большое чувство, которое зовут любовью.

Но проходили волнующие минуты свидания, затихали шаги Бурхана, и Лютфи снова искала в себе ответное чувство и снова не находила его. Она ругала себя за малодушие и клялась все изменить. Но ей уже нелегко было изменить их отношения. Как она могла объяснить Бурхану причины этих изменений, если он безгранично любит ее, верит ей и готов на все ради нее?

Он сочтет это за каприз или глупую прихоть и будет глубоко оскорблен. А она жалела его и не хотела обижать. Он ей нравился. Его сильное, чистое чувство покоряло ее.

Так началась их любовь. Вернее, это была его любовь. С каждой новой встречей Бурхан все сильнее увлекался Лютфи. Переполненный счастьем, он пел ей любовные песни, придумывал звучные красивые имена, не замечая, что сердце Лютфи оставалось безответным. Это ее смущало и угнетало. Она понимала, что поступает недостойно, обманывая юношу. Но сказать теперь Бурхану о том, что она не любит его, было еще труднее, чем прежде. Тогда девушка под всякими предлогами стала избегать встреч с ним. Он истолковал это по-своему, решив, что Лютфи уклоняется от свиданий из желания сохранить свое доброе девичье имя.

Теперь Бурхан стал часто бывать в доме Лютфи. Юноша понравился ее родителям. Они приняли его предложение и согласились, что молодые люди поженятся после окончания вуза.

И тогда Лютфи впервые и всерьез задумалась о своих взаимоотношениях с Бурханом. Она как бы очнулась от какого-то дурного сна. Ей казалось невероятным сделаться женой человека, которого

по-настоящему не любишь. Девушка обратилась за помощью к матери. Но та, выслушав ее исповедь, не согласилась с ней.

— Глупая, — сказала она ласково. — На свете нет такой любви, какую ты ищешь. Она существует только в песнях и сказках. Ее выдумали люди, чтобы украсить свою жизнь. Раньше нас выдавали замуж за человека совершенно неизвестного. Я твоего отца увидела первый раз только после свадьбы. А разве мы с ним плохо прожили свою жизнь, разве мы не любили друг друга? Так и ты, — выйдешь замуж и полюбишь. А то будешь искать свою выдуманную любовь и останешься одинокой.

В словах матери звучала убежденность. Лютфи охватило сомнение. В самом деле, существует ли такая любовь, о которой она так много читала, которой бредила и во имя которой готова была пойти на любые испытания? Может быть, мать права и такую любовь выдумали люди так же, как они выдумали бога. Стоит ли ждать ее? Ведь ей уже двадцать три года. Встретит ли она человека лучше Бурхана? Будет ли он любить ее так же самозабвенно и пылко как Бурхан? Неизвестно. Если она откажет Бурхану, то сильно огорчит больную мать, которая благоволит будущему зятю, и хочет, пока жива, видеть Лютфи счастливой женой и матерью.

После мучительных колебаний Лютфи согласилась на помолвку, оговорив, что свадьбу они сыграют через год. Зачем нужен был этот год — девушка не знала. Может быть, у нее где-то в тайниках души теплилась еще надежда на то, что за год произойдут резкие перемены и уже не надо будет без любви становиться женой Бурхана. Может быть, она по-настоящему полюбит его, или... Никому, даже себе никогда не признавалась она в том, что скрывалось за этим «или».

Бурхан без воодушевления принял ее предложение, но возражать не стал. Узнав, что Лютфи направили хирургом в городскую больницу Пахтаабада, он взял направление в одну из МТС Пахтаабадского района.

Бурхан почти каждую неделю приезжал в город и навещал Лютфи. Если у нее не было больных, они выходили в сквер, находящийся неподалеку от больницы, и сидели там до тех пор, пока за Лютфи не приходила няня. Иногда Бурхан оставался в городе ночевать. Тогда они гуляли в парке, а если погода была плохой — шли в кинотеатр.

Незаметно прошел год. Но он не внес никаких существенных изменений во взаимоотношения Бурхана и Лютфи. Он по-прежнему горячо и нежно любил ее. А она... она только привыкла к нему. Отодвигать дальше срок свадьбы Лютфи не решилась. Однако в назначенное время свадьба не состоялась — Лютфи направили в Москву на шестимесячные курсы по повышению квалификации. Вернулась она зимой, и тогда молодые люди договорились дожидаться лета, взять отпуск и сразу же после свадьбы уехать в Ленинград и Ригу.

Чем ближе приближалось время отпуска, тем беспокойнее становилось на душе Лютфи. Девушка понимала, что еще раз переносить свадьбу — глупо и бессмысленно: это приведет к разрыву с Бурханом. Он и так проявил удивительную выдержку и терпение, ни разу не попытавшись изменить их отношения. Злоупотреблять его терпением нельзя. А главное, за эти полтора года ей не понравился ни один мужчина, хотя сама она нравилась многим. За это время ей много раз приходили в голову тревожные и грустные мысли о жизни и любви.

«Видимо, я какая-то ненормальная, — грустно шутила она над

собой. — Может быть, права мать, и на земле не существует такой возвышенной любви, какая была у Лейли и Меджнуна, у Ширин и Фархада. Может быть, такая любовь действительно существует только в песнях и книгах. А в жизни есть лишь привязанность, привычка, уважение... Лютфи хотелось полюбить безотчетно, безоглядно, — как Каренина Вронского или Аксинья Григория. Не могли же эти книги лгать. Есть на свете такая любовь. Только не к каждому приходит она. И как Лютфи ни хотела, это чувство не приходило к ней.

И вдруг в ее жизни что-то произошло. Она не могла определить, что именно произошло, не могла понять происшедшую перемену. Но перемена была. В мыслях, в настроении, даже в отношении к собственной внешности.

Все началось с того неприятного разговора в кабинете секретаря райкома комсомола Турсуна Шарипова. Во время разговора Лютфи вдруг почувствовала на своем лице дуновение свежего весеннего ветра. До весны было еще очень далеко. Стояла сырая азиатская зима. А в комнате вдруг запахло весной. И сразу как-то непривычно забилося сердце, полыхнул жар в щеки и она ощутила беспричинную радость.

Слушая его резкие, обидные слова, она тогда невольно залюбовалась им. Он был по-настоящему красив в гневе. Большие черные глаза его сверкали. Волосы растрепались. Тугие крупные завитки их нависли над высоким лбом. Худые смуглые щеки юноши порозовели.

От резких слов Турсуна, от его взволнованных движений, от всего облика нового секретаря на Лютфи вдруг повеяло молодостью. Молодостью светились его глаза, по-молодому горячо и сильно звучал голос. А разве не молодость сорвала его с места и заставила поехать в неизвестный совхоз, неизвестно зачем.

Этот ветер молодости неожиданно тронул в душе Лютфи какой-то давно увядший росток и он вдруг ожил. И хотя лицо ее было сердитым, и она произносила злые слова, на душе у нее было хорошо.

С тех пор ее не покидало чувство беспричинной радости. В ней жило ощущение большого счастья. Лютфи смеялась над собой, старалась быть подчеркнуто равнодушной в разговорах с Турсуном. Но это не помогло. Росток любви, оживший в ее душе, потянулся вверх, пуская глубокие корни.

Помимо воли, Лютфи всюду пристально наблюдала за Турсуном. Она искренне радовалась тому, что ее предвиденье не сбылось: он не охладел к работе, не раскис от первых неудач. Он был настойчив и непримирим в борьбе за Байнаева и Гущина, с большой внутренней чистотой и принципиальностью вел он себя при обсуждении персонального дела Львова. А как глубоко и верно понимал он чувство долга, подчиняя ему всего себя. Правда, он слишком щедро и порой бесцельно расходовал свои силы и чувства. Она от души смеялась, глядя, как он везет тележку с газированной водой, ее огорчали долгие ночные сидения Турсуна в своем кабинете. Он слишком многое брал на себя, не считаясь ни со временем, ни с условиями. Он не спал сутками, шел пешком за десятки километров. Это было безрассудно.

И хотя Лютфи осуждала за это Турсуна, она уважала его. Именно такой страстной и безрассудной должна быть молодость. Именно так не щадить себя должен тот, кто хочет идти впереди молодежи, вести ее за собой.

После нескольких встреч она поняла, что нужна ему и это ее сильно обрадовало. Лютфи видела, что он откровенен с ней, не боится признавать своих ошибок, ждет ее советов. Значит он уважает ее. Она не раз вспоминала встречу с ним на ночной улице после бюро райкома партии. Как он смотрел на нее, каким взволнованным был его голос! Он любил ее, — она это видела, чувствовала. Правда, она не подавала ему

никаких надежд. Но это неважно. Важно, что он ее любил. Да, любил. Встреча в машине окончательно убедила ее в этом.

Сидя рядом с Шариповым, она растерялась. Лютфи чувствовала его пристальный горячий взгляд, даже не видя его.

Больших усилий стоило ей не ответить таким же взглядом на его ищущий взгляд, убрать руку от его нечаянно прикоснувшейся руки. Она бсыалась, что теряет контроль над собой и скажет что-нибудь бессвязное и нелепое.

Лютфи испугалась своего состояния. Оказалось, что она совсем не может владеть своими чувствами. Девушка понимала, что если она оставит в его душе (да и в своей) хотя бы искру надежды — это приведет к пагубным последствиям. Турсун не откажется от нее, напролом пойдет к цели и, кто знает, сумеет ли она еще раз совладать с собой и уйти от катастрофы, которая неизбежно поломает, нарушит установившееся течение жизни и принесет горе близким ей людям. Турсун еще совсем молод, чувства его могут быть горячими, но недолгими, и, позже—он раскается в них. Нужно вовремя остановить его, — убеждала себя Лютфи. Она заставила себя сказать ему о том, что у нее есть жених.

Да, жених у нее действительно был. Он жил совсем рядом и терпеливо ждал свадьбы. Стоило только позвать его, и он с радостью придет, защитит ее от невзгод. Но разве он мог защитить ее от любви?

«Надо устроить свадьбу до отпуска, — решила Лютфи. — Все равно уже ничего нельзя изменить. К чему тянуть? Ведь все решено и передумывать — поздно. Да, поздно»...

ГЛАВА ОДИННАДАТАЯ

Давно исчезла голубая «Победа», а Турсун все еще стоял на дороге. В его ухах звенел голос Лютфи. Снова и снова слышал он ее последние слова «А мне двадцать пять и у меня уже есть жених. Учитите это, товарищ Турсун».

Из дверей правления колхоза вышел секретарь комсомольской организации Мусо Юсупов. Он несколько секунд смотрел на Шарипова. Но секретарь райкома, видимо, не спешил в контору. «Чего он там стоит?»—удивился Юсупов. Ему надоело ждать. Он сошел с крыльца.

— Товарищу Шарипову, комсомольский салом.

Турсун вздрогнул, обернулся. Секунду растерянно смотрел на Юсупова, потом улыбнулся и протянул руку.

— Салом, Мусо, салом, дорогой. Как самочувствие, как жизнь?

— Живем хорошо. Как твои дела? Как здоровье и настроение? Как добрался? Чего стоишь здесь, идем в контору. У нас комитет комсомола имеет хорошую комнату.

Турсун еще раз посмотрел вдоль улицы, где за углом скрылась «Победа». Трудно было ему оторваться от дум о Лютфи, трудно было побороть чувство горечи и обиды. Трудно, но нужно. Глубоко вздохнув, он тряхнул головой и весело сказал:

— Идем...

Правление колхоза занимало большой двухэтажный дом с колоннами вдоль фасада. Перед зданием—сквер с огромной пятиконечной клумбой, в центре которой возвышался памятник В. И. Ленину. Дорожки в сквере асфальтированы и обсажены деревьями.

Слева, около правления, в тени деревьев раскинулись легкие разные навесы летней чайханы. Оттуда доносился ароматный запах жареного лука. У входа в чайхану висел на столбе громкоговоритель. Из его зева неслись оглушительные звуки военного марша.

Справа, возле правления, сверкал оконными витринами большой сельмаг. Широкие двери магазина были распахнуты. У стены стояли

несколько мотоциклов и велосипедов—это колхозники приехали за покупками.

В правлении было пусто и тихо. Библиотека—на замке, зрительный зал—тоже. Кабинеты председателя, заместителей и парторга—закрыты. Только из бухгалтерии доносилось пощелкивание счет да стрекотанье арифмометров. Заметив недоуменный взгляд Шарипова, Юсупов объяснил, что все руководящие работники колхоза, включая заведующего клубом, разъехались по бригадам. Началась обработка хлопчатника, и каждый час дорог.

— А себя к руководящим работникам ты не причисляешь?—спросил Турсун, лукаво улыбаясь.

— Никак нет. Причисляю. Я же член правления. Меня тоже посылали, но потом решили оставить, приняв во внимание такое чрезвычайное событие, как приезд секретаря райкома комсомола.

— Будем считать, что мы обменялись любезностями,—сказал Турсун, распахивая дверь, на которой висела стеклянная табличка с надписью «Комитет ЛКСМ».

Большая комната комсомольского комитета была хорошо обставлена. Плюшевые портьеры на дверях, плюшевая скатерть на столе, два десятка полумягких стульев. На длинном столе у стены разложены подшивки газет и журналов. На стенах висели плакаты, портрет В. И. Ленина.

— Богато живешь, товарищ Юсупов,—сказал Турсун, оглядев кабинет.

— Так точно, богато. А почему нам не быть богатыми? В колхозе сто двадцать шесть комсомольцев. Чуть что нужно правлению, сразу обращаются к комсомолу. И комсомольцы всегда справляются с любым поручением. Потому и уважает нас колхозное руководство, и все просьбы наши удовлетворяет...

— Ну, расхвастался, комсорг,—добродушно улыбаясь, перебил Турсун.

— Никак, нет. Зачем расхвастался? Не было у нас спортивинвентаря—попросили. Правление отпустило четыре тысячи рублей и мы купили всякой всячины. Дали нам деньги на костюмы для самостоятельности. По нашей просьбе заканчивается строительство замечательного спортзала.

— Хватит,—снова перебил Шарипов.—убедил, честное слово, убедил. Доставай машину—назад поеду, чего мне у вас делать?

Юсупов громко и весело засмеялся.—Ты прав,—проговорил он сквозь смех,—немножко расхвастался. Что делать будем?

Турсун снял тубетейку, провел расческой по густым перепутанным завитками волосам и задумался. С чего начать знакомство с работой комсомольской организации? Можно было попросить документы, посмотреть протоколы, планы работ, ведомости. Но недавно здесь была Любушка и говорила, что дела у Юсупова находятся в образцовом порядке. Да и неудобно начинать с бумаг. С чего же начинать?...

Юсупов, видимо, догадывался, какие мысли бродят в голове Шарипова, но молчал, листая блокнот и изредка вскидывая на Турсуна смеющиеся глаза. Поймав лукавый взгляд Юсупова, Шарипов вдруг спросил:

— А как ты думаешь, Мусо, с чего бы нам начать?

Вопрос был неожиданным. Это уже не походило на обычную проверку, с какой побывали в колхозе десятки комсомольских работников района и области. Лицо Мусо стало серьезным, он задумался, покусал кончик карандаша.

— Знаешь что, товарищ Шарипов,—проговорил наконец Юсупов, поглаживая бритую голову,—по-моему, нужно начать с комсомольско-молодежной бригады Аюбова. Это единственная бригада, которая по-

сеяла в этом году хлопок по суженным междурядиям. И у них что-то не получается с обработкой. Поедем туда.

— Давай поедем,—согласился Турсун.—Только на чем?

— Транспорт есть,—весело воскликнул Мусо.

Транспортом оказался мотоцикл ИЖ-49. Поворачивая ключ зажигания, Юсупов не утерпел и снова похвалился.—Это тоже правление колхоза комитету комсомола выделило. Значит, уважают комсомольцев.

— Верю, верю, что уважают,—откликнулся Турсун, усаживаясь на заднее седло. Мусо сел за руль, и они поехали. Выехав из кишлака, Юсупов круто свернул вправо и выехал на узкую полевую дорожку. Мотоцикл перемахнул арык и понесся полем. С обеих сторон дорожки разбегались ровные зеленые рядки хлопчатника. Земля в междурядьях была темной и влажной. Завидев мотоцикл, парни и девушки, работавшие неподалеку, весело кричали:

— Салом, Мусо!

— Салом!—кричал Юсупов и приветливо махал рукой.

Мотоцикл долго кружил по полевым дорогам и тропам, прежде чем они доехали до полевого стана, спрятавшегося в тени шелковиц и кленов. Полевой стан представлял собой большой навес под черепичной крышей, который держался на гладко обтесанных столбах. Навес окружал резной ажурный заборчик, выкрашенный зеленой масляной краской. Все строение имело удивительно легкий и красивый вид.

Возле стана поблескивал большой водоем, от которого веяло приятной свежестью. На берегу, возле кипящего титана сидел седобородый колхозник. На деревянном полу под навесом грудой лежали свернутые одеяла, скатанные дорожки и ковры. На столе были аккуратно разложены газеты, журналы и книги. Здесь же стоял радиоприемник. На столбе висел телефонный аппарат. Внутренняя стена, делившая полевой стан на две половины, была заклеена листовками, плакатами, «молниями». Старик, возившийся у титана, сказал, что бригадир и все колхозники в поле.

— Пойдем к ним или пошлем за бригадиром?—спросил Юсупов.

— Лучше пойдем.

— Хоп,—весело откликнулся Мусо и зашагал в сторону поля. Турсун пошел за ним.

Они шли гуськом по бровке головного арыка, в котором поблескивала вода. Солнце жгло немилосердно, слепило глаза, опаляло кожу лица и рук. Горячий воздух был насыщен запахом нагретой земли.

По дороге Юсупов рассказал Шарипову, что бригада Аюбова в прошлом году с каждого из 60 гектаров собрала по 42 центнера тонковолокнистого хлопка. Весной комсомольцу Аюбову присвоили почетное звание «Мастера хлопка» и занесли его фамилию в Книгу почета ЦК комсомола республики.

Турсун внимательно слушал Юсупова, пристально вглядываясь в зеленые строчки борозд. Потом он принялся расспрашивать Мусо о сортах посеянного хлопчатника, о времени его развития и правилах полива. Юсупов отвечал толково и подробно.

На противоположной стороне карты появился человек. Он шел им навстречу, размахивая руками.

— Это Аюбов,—сказал Мусо.

Высокий, широкоплечий, немножко грузноватый для своих лет, Аюбов подошел медленным, но широким шагом. Лицо у него было гладко выбритое, темное от загара, на бритой голове—красивая тубетейка. Рука у бригадира большая, сильная. Он так стиснул ладонь Турсуна, что тот едва не вскрикнул.

После неизбежных взаимоприветствий и расспросов о самочувствии и здоровье, Аюбов спросил Шарипова:

— Нравится вам наш хлопок?

— Нет, не очень,—сказал Турсун и смутился под пристальным взглядом бригадира.—Я не агроном, конечно, но вижу, что сорняки всюду торчат и земля плохо взрыхлена. Так что с моей точки зрения хлопок неважный. Как ты, Мусо, думаешь?

— Так точно, плохой хлопок. Не понимаю, почему в лучшей бригаде такой хлопок. Посмотри, какие чистые карты у соседей.

— Плохой ты комсорг, если не понимаешь,—сердито ответил Аюбов и вынул из кармана тыквенную бутылочку с жевательным табаком.—Вы весной меня агитировали сеять хлопок по узким междурядиям? Новаторы. Передовики. Поможем. Ты так говорил?

— Ну, говорил.

— А теперь забыл. Посеяли и успокоились. Надо обрабатывать, а никто не хочет с кетменем выходить на обработку.

— Почему?—спросил Турсун.

— Потому что норма у нас такая же, как и в других бригадах.—А у нас на той же площади длина рядков в полтора раза больше, чем на участках, посеянных с шестидесятисантиметровыми междурядиями. Да там еще тракторы три первых культивации делают и земля у них рыхлая. Поняли?

— Что же ты предлагаешь?—спросил Турсун.

— Надо срочно пересмотреть нормы.

— Рансу говорил?—вмешался Юсупов.

— Говорил. Он и слушать не хочет. Какие же, говорит, вы новаторы. Нормы уменьшили, расходы увеличили. Какой тогда толк в повышении урожая.

Аюбов открыл тыквенную бутылочку, высыпал на ладонь щепотку табака и кинул в рот. Помолчав, он снова сердито заговорил, нечисто выговаривая слова из-за лежавшего под языком табаку.—Весной никто по узким междурядиям сеять не хотел. Раис и парторг мне сказали:—«Покажи пример, а мы поможем». А теперь как помогают? Приезжает и ругает. Раис обещал за плохую обработку обсудить меня на заседании правления. Ну что ж, пускай обсуждают.—Он сердито сплюнул, вытер губы платком.—Обсуждайте. От этого обработка не улучшится. Люди не хотят за больший труд получать ту же оплату, что и раньше. И я с ними согласен. Надо пересмотреть нормы.

— Где же твои люди?—спросил Турсун бригадира.

— На третьей карте землю ковыряют.

— Пошли к ним.

Аюбов молча повернулся и пошел в поле. Турсун и Юсупов последовали за ним. Некоторое время они шли молча. Первым заговорил Юсупов.

— А ведь раис наш, по-моему, прав,—сказал он.—Подумай сам, что получается. Если мы уменьшили нормы выработки на кетменевании, то надо уменьшить их и на поливе, и на уничтожении сельхозвредителей, и на всех других работах. А это в полтора раза увеличит расход трудодней. И если мы, благодаря новой агротехнике соберем хлопка в полтора раза больше, то себестоимость его все равно не снизится. Значит, главного мы не добьемся.

Турсун поддержал Юсупова. Аюбов сердито сопел и молча шел вперед. Но терпения его хватило ненадолго, оборачиваясь к идущим за ним Юсупову и Турсуну, он сердито заговорил.

— Вам хорошо рассуждать. Вы вот поговорите с ребятами. Они третий день не работают. Кое-как землю ковыряют и по половине норм не дают. Пока, говорят, не добьешься снижения норм, не надейся на наш энтузиазм.

— Но ведь большинство членов твоей бригады комсомольцы!—воскликнул Турсун.

— Поэтому они и работают,—отозвался Аюбов.—А кто постарше, так те совсем отказались выходить в поле.

Перепрыгнув вслед за Аюбовым через широкий арык, Турсун и Мусо оказались на большом квадратном поле хлопчатника, со всех сторон обсаженным шелковицей. В разных концах поля работали парни и девушки. Парни были одеты в белые рубашки навывпуск с длинными, открытыми вырезами на груди. Девушки—в широкие красные и зеленые платья с белыми платками на головах. Платки прикрывали лица от солнечных лучей. Молодые колхозники сдержанно ответили на приветствие Турсуна и Юсупова.

По знаку Аюбова члены бригады собрались на краю поля под густой, развесистой ивой. Турсун внимательно вглядывался в лица парней и девушек. Они подходили неспеша, негромко переговариваясь, черпали воду из арыка и жадно пили. Потом неторопливо рассаживались в кружок. Последними подошли неизвестно откуда появившиеся пожилые колхозники и старики. Их было в бригаде немного. Они сели в стороне от молодежи, степенно переговариваясь.

— Кто будет говорить?—спросил Аюбов.

— Он будет,—ответил Юсупов, кивнув на Шарипова.

Аюбов встал, расправил широкие плечи, поправил поясной платок, одернул тонкую белую рубашку. Все притихли, выжидательно глядя на бригадира.

— К нам приехал секретарь райкома комсомола товарищ Шарипов,—сказал Аюбов.—Он хочет побеседовать с нами. Ну вот и послушаем его. Пожалуйста, товарищ секретарь.

Турсун начал беседу. Он говорил о значении опытов посева хлопчатника по суженным междурядьям, о борьбе нового и старого, о трудностях этой борьбы, о комсомоле, идущем вместе с партией в авангарде этой борьбы.

— Ваша молодежная бригада первой в районе применила на своих полях новую агротехнику. Это хорошо. Замахнулись вы здорово, по-комсомольски. А ударить побоялись. Ваши поля заросли сорняками, лучшее время для обработки посевов уходит, рост хлопчатника задерживается... Товарищи, друзья, да вы понимаете, что делаете? Вы обрекаете опыт на провал. Этим воспользуются противники новой агротехники. И вы нанесете огромный вред большому и нужному делу.

Молодежь зашумела. Некоторые вскочили с мест и заговорили все разом. Турсун улыбнулся, успокаивающе помахал рукой. Когда удалось восстановить порядок, он заговорил снова.

Шарипов стал объяснять экономическую сущность опыта. Кетменная обработка хлопчатника на участках с суженными междурядьями—дело временное. Она применяется пока нет техники, годной для работы на узких междурядьях. Поэтому неизбежно возрастают затраты ручного труда, а следовательно и трудодней. Уменьшение нормы увеличивает расход трудодней. Тогда хлопок станет дорогим, а трудодень—дешевым. И государство, и колхозники окажутся в убытке. Надо затратить столько трудодней, сколько было затрачено в прошлом году. Высокий урожай удешевит себестоимость хлопка и поднимет оплату трудодня. Тогда и колхоз, и государство, и колхозники получат хороший доход.

Молодые колхозники слушали внимательно, согласно кивали головами. Курили, вполголоса переговаривались. Турсун умолк, вынул из кармана платок, вытер лицо. Аюбов спросил, кто хочет высказаться. Все молчали. Юсупов стал вызывать колхозников по именам, но и это не помогло.

— Боятся говорить!—воскликнул возмущенный Турсун. Тогда встал высокий, худой парень с длинной дочерна загорелой шеей, на ко-

торой выдавался большой кадык. Он снял тюбетейку, свернул ее вчетверо и негромко сказал, глядя себе под ноги.

— А зачем говорить? Языком хлопок не обрабатывают. Вот товарищ секретарь тут много говорил. Красиво говорил. Но меня не убедил. А если бы он кетмень в руки взял и норму рядом со мной выполнил, пример мне показал,— вот тогда бы я убедился. А языком, сколько ни болтай—землю не обработаешь.

Парень сел. Все засмеялись, зашумели. Турсун встал. Слова парня заделали его. Но что ему ответить? Читать мораль—без толку да и не за что. Повторять сказанное? Не к чему. Промолчать? Нельзя. Решение родилось мгновенно. Турсун спросил парня.

— Как тебя зовут?

— Рустам.

— Я принимаю твой вызов, Рустам. Завтра с утра мы вместе выйдем в поле и будем соревноваться. Посмотрим, кто из нас лучше работает кетменем, а кто языком. Согласен?

Поднялся шум—заговорили сразу несколько человек. Никто не ожидал чего-либо подобного. Секретарь райкома комсомола вызывает на соревнование хлопкороба и хочет перегнуть его на кетменевании. Это походило на шутку. В это мгновение все забыли о том, что спор начался из-за высоких норм выработки, выполнение которых казалось невозможным. Даже старики, удивленные словами Турсуна, поднялись со своих мест. Но больше всех растерялся Рустам. Он ожидал нагоняя, выговора за свои дерзкие слова, но только не этого. Глядя в веселое, улыбающееся лицо Шарипова, Рустам силился понять —шутит тот или нет.

Но Турсун не шутил. Он шагнул к парню, протянул ему руку. Рустам с силой ударил ладонью в ладонь секретаря райкома и крепко сжал его руку.

Все дружно захлопали, закричали. Вспугнутые шумом воробьи сорвались с деревьев.

Воспользовавшись секундным затишьем, Юсупов крикнул Аюбову:

— А мне придется соревноваться с тобой, бригадир!—и протянул ему руку.

— А я с тобой! Мы—тоже!—послышались голоса.

— Пусть завтра будет штурмовой день,—сказал Турсун.—Вы знаете, ребята, в годы первых пятилеток на самых трудных участкахстроек комсомольцы создавали штурмовые бригады, объявляли штурмовые дни. Вот когда строили канал, чтобы оросить Вахшскую долину...

— Я тоже строил,—неожиданно перебил Турсуна пожилой колхозник. Все повернулись к нему. Кто-то протянул ему пиалу с водой. Колхозник, польщенный вниманием, отхлебнул глоток и негромко заговорил.—Я тоже строил. Он сказал правду. Были такие отряды. Я тогда комсомольцем был.—Он снова отпил глоток воды.—Один раз ночью слышим труба гудит. Это у нас, комсомольцев, сигнал такой был. Труба гудит—значит тревога, значит вставай, одевайся, спеши в комитет комсомола. Сбежались мы, а комсорг наш—он сейчас в Сталинабаде живет, писатель... Миршакар фамилия. Вот он и говорит нам: «Товарищи, в бригаде Курмаева вышла буза»,—тогда непорядок бузой называли.—«Бригада послушалась кулаков и не вышла на работу. Говорят, норма большая, а в земле камня много. Требуют снизить норму. А норму снижать нельзя. Надо доказать этим саботажникам, что норма правильная. Ясно?» Мы кричим—«Ясно!»—Рассказчик снова передохнул: он не привык подолгу говорить. Все молча ждали. Колхозник улыбнулся и продолжал свой рассказ.

— Построили нас. Песню запели. Пришли на участок сбежавшей бригады. Взяли кирки и давай долбить, копать, возить. Работали всю

ночь без перерыва. Даже не курили. Утром наша смена пришла. Мы подсчитали и оказалось, что выработали по полторы нормы на человека. Умылись и пошли на работу,—каждый на свое место.

Скупые слова рассказчика взволновали молодежь. Когда он говорил о саботажниках, многие опустили головы. Зато каким огнем загорелись глаза юношей и девушек в конце рассказа.

Турсун тоже растрогал рассказ колхозника.—«Почему,—думал он,—мы не фразыщем старых ветеранов революции и строек, бывших комсомольцев и старых коммунистов. Их простая, душевная беседа воздействует сильнее самых квалифицированных лекций». Он видел с каким волнением слушали молодые колхозники бесхитростную речь бывшего комсомольца, участника Вахшстроя. Когда тот умолк, Турсун подошел и взволнованно пожал ему руку.

— Большое вам спасибо..

Все двинулись на полевой стан. Шли неспеша, горячо обсуждая происшедшее.

Вечерело. Солнце зашло за горы. Наступали сумерки. На полевом стане вспыхнули электрические огни. Колхозники долго и шумно мылись у хауза, потом собрались в кружок под навесом, расселись на ковре и принялись за ужин. Разговор не умолкал. Говорили обо всем на свете. И о положении в Югославии, и о коллективизации в Китае, и о новой агротехнике. Слушая этот разговор, Турсун невольно подивился разносторонности и широте интересов колхозников.

«А ведь многие писатели, драматурги и сценаристы,—думал он,—показывают в своих произведениях колхозников такими, какими они были двадцать лет назад. Кроме кормов, удобрений и сытным обедом их герои ничем не интересуются. И даже на картинах и в скульптурах колхозника всегда изображают в грубом полушубке и промаднейших сапогах. А ведь и люди, и жизнь в колхозах давно уже ушли далеко вперед. Вот здесь—на полевом стане—горит электричество, висит телефон, работает радиоприемник, на столе лежат два десятка разных газет и журналов. Колхозники по-хозяйски обсуждают государственные вопросы, делают смелые предположения и прогнозы. Да, жизнь ушла далеко вперед...»

Но предаваться долгим раздумьям Турсуну не пришлось. Его засыпали самыми разнообразными вопросами,—и о принципах расщепления атома, и о жизни крестьян, и о нефтяных залежах в Татарии, и еще о многом другом. Кто-то предложил устроить концерт самодеятельности. Его не поддержали.

— Давайте спать,—сказал Аюбов,—завтра надо вставать до света. Завтра—штурмовой день.

Турсун долго не мог заснуть в эту ночь. Мысли о завтрашнем дне глубоко волновали его. Сумеет ли он справиться с нормой, выдержит ли? Ему давно уже не приходилось по-настоящему работать кетменем. Он знал, что это тяжелый труд, требующий больших физических сил и выносливости. Хватит ли их у него?

С этими мыслями он уснул. Спал плохо. Часто просыпался. Ловил циферблатом часов лунный свет и смотрел на стрелки. А перед рассветом крепко заснул. Его разбудил Юсупов.

— Вставай, Турсун. Шестой час. Уже светает.

Турсун вскочил, торопливо оделся. Вышел из-под навеса. Мутный рассвет окутал землю. Над полями клубился молочный туман.казалось, где-то кипит гигантский котел, выбрасывая в воздух огромные клубы пара. На деревьях, окружавших полевой стан, шумели разбуженные птицы. Негромко звучали сонные голоса молодежи. Потянул свежий ветерок и погнал туман. Стали видны поля с ровными бороздками, резко обозначались на светлом небосклоне дальние горы. Звезды в небе потухли. Но луна была еще видна.

Подошел Аюбов с двумя кетменями и передал их Турсуну и Юсупову. Кетмени были тяжелые, неудобные.

— Пошли!—закричал Аюбов. Все двинулись вслед за ним. Бригадир быстро расставил людей, зашел в междурядие и взмахнул кетменем.

Турсун когда-то работал на хлопковых полях и знал как нужно рыхлить землю вокруг кустов хлопчатника, вырывая сорняки. Широко размахнувшись, он с силой вонзил кетмень в междурядье и сразу почувствовал, что земля очень твердая. Рукоятка кетменя скользила в ладонях. Турсун поплевал на них и тут же услышал голос работавшего рядом Юсупова.

— Вытри руки. Мозоли набьешь.

Турсун подчинился.

Когда солнце поднялось над землей, устроили перерыв на завтрак. Завтракали быстро, дорожа часами пролады и надеясь на послеобеденный отдых. По дороге в поле Юсупов говорил Шарипову:

— Ты очень широко замахваешься кетменем. Маши ровнее, и глубже всаживай его в землю. Всадишь и потяни на себя. Понял? Так вдвое скорее дело пойдет.

Прошло не более часа после завтрака, а Турсун почувствовал, что устает. Солнце жгло все сильнее. Воздух раскалился и стал горячим. Соленый едкий пот заливал лицо и шею Турсуна. Рубашка намокла, прилипла к спине, стесняла движения. Он торопливо снял ее. Через полчаса пожалел об этом. Кожа на спине была так обожжена солнцем, что каждое движение причиняло боль. Пришлось снова надеть рубашку.

У человека, впервые занявшегося тяжелым физическим трудом, бывает своя критическая минута. В эту минуту кажется, что силы совсем иссякли, мышцы теряют энергию и упругость. Это самый опасный момент. Слабый не выдерживает, бросает работу и садится отдыхать. Сильный, собрав воедино всю свою волю, продолжает трудиться. Проходит минута, другая и человек начинает оживать. Откуда-то берутся силы, энергия, мышцы обретают прежнюю упругость.

Все это пережил Турсун. Преодолев свою критическую минуту, он постепенно втянулся в четкий размеренный ритм работы. Он уже не думал над тем, куда надо опустить кетмень, а потом рвануть его на себя, не выскивал сорняков, не делал лишних движений. Все это делалось машинально, без участия мозга. Работали руки, ноги, спина, всё тело. Взмах кетменем, удар, рывок, еще удар, шаг вперед. И снова—взмах кетменем, удар, рывок, еще удар. И еще шаг вперед. И так—до конца поля. А потом—поворот и—все начиналось снова в том же порядке.

Болела спина, ныли мышцы рук, горели ладони. Несмотря на предостережение Юсупова, Турсун все-таки несколько раз поплевал на руки и вскоре ощутил на ладонях пузырьки водяных мозолей. Они увеличивались с каждым метром обработанной земли. Росла и боль, причиняемая ими. Турсун хотел завязать ладони носовым платком, но раздумал: увидят, засмеют,—скажут, белоручка... Тогда он приспособился держать ручку кетменя так, чтобы она не касалась мозолей. Это было трудно и неудобно. Разгорячившись, он глубже обычного вонзил кетмень в землю и когда рывком потянул его на себя, то левая рука скользнула по рукоятке и кожа с мозолей слетела. На месте их образовались красные пятна. Турсун выругался про себя, поморщился от боли, но кетмень не выпустил.

А солнце пекло еще жарче. Оно опаляло лицо Турсуна, гнало из него пот. Нестерпимо хотелось пить. Ссохшиеся от жары губы потрескались. Не выдержав, Турсун склонился над арыком, чтобы зачерпнуть пригоршню воды. Но не успел: помешал возглас Аюбова.

— Нельзя пить. Хуже будет, изойдешь потом.

Турсун послушался. Он видел—никто не пьет. Нельзя. Пришлось только прополоскать рот.

На обед он шел медленно, нога за ногу, сжав натертые руки. Его догнали парни и девушки. Они были веселы, смеялись, шутили. Он с завистью глядел на них и думал: «Хорош вид у меня. Вчера был орел, а сегодня—журица. Ребята, наверное, смеются». Но никто не смеялся. Догнав его, они пошли рядом, разговаривали с ним, не замечая его усталого вида, медленной тяжелой походки. Турсун покори́л их своим поступком. Им было приятно, что первый секретарь райкома комсомола взял в руки тяжелый кетмень и вместе с ними доказывает возможность обработки узкорядных посевов по старым нормам. Они понимали, что ему с непривычки очень трудно целый день под палящим солнцем работать полупудовым кетменем. Но он не хныкал, не сдавался, не искал причин для того, чтобы увильнуть от тяжелого труда. И за это они глубоко уважали его.

Турсун чувствовал это уважение в словах и взглядах шагающих рядом колхозников. От этого становилось веселее на душе, утихала боль и усталость.

Перед обедом набрали из хауза воды и вымылись с ног до головы. После купания меньше чувствовалась усталость и руки болели не так сильно, как прежде. После сытного обеда два часа отдыхали. Играл в домино, шахматы, слушали радио или спали.

Турсун радовался наступившему облегчению. Но после отдыха на силу поднялся, чтобы снова идти в поле.

Кетмень показался ему непомерно тяжелым и неудобным. Стиснув зубы, он сделал первый слабый взмах. Потом еще один взмах—шире и сильней. Еще один. Усталость отступала. Утихала боль. Размерно и сильно опускался на землю кетмень.

Вечером на полевом стане подводили итоги соревнования: Аюбов стоял в центре столпившихся колхозников и выкрикивал фамилии, называя выработку за день.

— Шарипов Турсун—десять соток. Норма. Его соперник Рустам Юнусов—пятнадцать сотых—полторы нормы.

Все зашумели, захлопали в ладоши. Турсун подошел к Рустаму и сжал его твердую, закрученную от мозолей ладонь.

— Молодец. Поздравляю. Ты победил.

— Ничего,—будто утешая Турсуна, сказал Рустам.—Ты тоже здорово работал. А я завтра дам две нормы. Две. Не веришь?

— Верю, верю!—кричал Турсун, сжимая руку Рустама.

На следующее утро они с Юсуповым уезжали. Их провожали всей бригадой, жали им руки, просили почаще заезжать. Турсун сел на заднее сиденье и схватился рукой за резиновое кольцо—держак.

— Счастливо!—кричали парни и девушки.

— Приезжайте почаще!

— Спасибо, Турсун,—сказал бригадир.

Турсун в ответ только улыбнулся. Мотоцикл затрещал и поехал. Встречный прохладный ветер бил в лицо, рвал рубашку, гнал поднятую колесами пыль.

Турсун оглядывался назад и радостно улыбался. Он был по-настоящему счастлив.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Первый секретарь обкома комсомола Александр Рубалин был не в духе. Он нервно шагал по широкой ковровой дорожке, разостланной во всю длину его большого кабинета. Хромовые до блеска начищенные сапоги слегка поскрипывали. Китель из зеленого сукна расстегнут. Во рту дымилась папироса.

В кабинет никто не входил. Предупрежденные секретаршей работники обкома знали, что Рубалин сердит, и без крайней нужды не решались его беспокоить. Немногочисленным посторонним посетителям объявляли, что Александр Иванович занят и сегодня никого не сможет принять.

Закинув худые, длиннопалые руки за спину, Рубалин остановился посреди кабинета, о чем-то думая. Повернувшись к столу, увидел желтый огонек сигнальной лампочки. Недовольно сморщившись, шагнул к тумбочке с телефонными аппаратами. Снял трубку с крайнего. Не вынимая папиросы изо рта, бросил сквозь зубы.

— Да, да. Рубалин слушает. Приветствую. Да. Нет не могу сегодня. Нет. Пока.

Нащупав под скатертью кнопку звонка, Рубалин нажал. Вошла невысокая, полная девушка, выжидательно встала у порога.

— Не соединяй меня ни с кем, кроме обкома партии и цека комсомола,—сказал Рубалин. Девушка повернулась и вышла.

А Рубалин снова зашагал по ковровой дорожке, прислушиваясь к легкому поскрипыванию до блеска начищенных сапог.

Он любил слушать скрип своих сапог. Любил полувоенную форму, строгую подтянутость и дисциплину. Всякое возражение или противодействие его указаниям Рубалин воспринимал болезненно. Он не любил спорить, не умел убеждать и предпочитал приказывать. Слова—«Рубалин сказал» имели широкое хождение в аппарате обкома комсомола.

Тонко поскрипывали хромовые сапоги. От блестящих голенищ на стене отражались крохотные зайчики. Двойная дверь не пропускала звуков из приемной. Радиоприемник был выключен, телефон—тоже. Тихо было в секретарском кабинете. Тихо и грустно.

За высокими окнами сияло солнце. Оно висело в зените. Жаркие лучи его почти отвесно падали в кабинет. В окне с нудным жужжаньем билась оса. Рубалин поморщился, взял линейку и раздавил осу. Потом он швырнул линейку на стол и снова принялся ходить по кабинету.

Только что закончилось совещание в обкоме партии. Там обсуждался вопрос о работе загородных пионерских лагерей. Председатель Облсовпрофа и заведующий облоно основательно критиковали обком комсомола за формальное отношение к работе лагерей. Рубалин в своем выступлении категорически отверг критические замечания профсоюзных и просвещенческих деятелей. Тогда первый секретарь обкома партии Хасанов спросил его, в каких он был лагерях. Пришлось признаться, что в этом году не был еще ни в одном лагере. Кто-то поинтересовался, сколько старших пионервожатых направил обком комсомола в загородные лагеря. Рубалин, не задумываясь, назвал цифру. Оказалось, что она слишком велика и намного превышает действительное количество вожатых. Рубалин пытался выкрутиться, но его не стали слушать, подняли насмех и здорово «отстегали». В заключительном слове Хасанов сказал, что секретарь обкома комсомола работает старыми, давно осужденными методами формального и поверхностного руководства.

«Методы, методы,—мысленно передразнил его Рубалин.—Хорошо рассуждать о методах, занимая пост первого секретаря обкома партии. Нажал кнопку и все встали по стойке смирно. А тут каждый пустяк приходится брать с бою. Всех надо просить, уговаривать. Как я, не подумал, назвал эту дурацкую цифру! Получился конфуз. Теперь полгода будут вспоминать об этом...»

Рубалин чрезвычайно дорожил своими отношениями с руководством обкома партии и изо всех сил старался поддержать там хорошее мнение о себе. Он был исполнительен. Никогда не вступал в пререкания с вышестоящими работниками даже если их указания казались ему ненужными или невыполнимыми. В последнее время он, ссылаясь на воз-

раст, не раз поговаривал о переходе на другую работу. В отделе кадров обкома партии ему обещали солидную и самостоятельную партийную работу. И вдруг эта неприятность с пионервожатыми. Неприятность, конечно, не велика, но все-таки—неприятность. Найдутся «друзья», которые подхватят хасановскую фразу о том, что он работает давно осужденными методами и всюду будут ее цитировать.

— Вот черт!—выругался Рубалин, скривившись, словно от зубной боли.

В кабинет вошел заведующий отделом сельской молодежи Сахибов. Он молча положил на стол какую-то бумагу.

— Ну?—спросил Рубалин.

— Сделал. Только не со всех районов сведения собрали.

— Два дня сидели на телефоне два отдела, а нужных сведений не собрали.

— С наших секретарей соберешь,—раздраженно ответил Сахибов.—Прежде чем назвать цифру, они тебе целую лекцию о внутрисоюзной работе прочитают.

— Кто это такой умный?

— Да хотя бы тот же Шарипов из Пахтаабада. Вы, говорит, превратили райком комсомола в статистическое управление. Каждый день требуете самые различные сведения, а у нас, говорит, не бухгалтерская канцелярия, а штаб молодежи.

— Так и сказал?

— Точно. Слово в слово.

— Давно ли влез в комсомольские штаны, а как уже заговорил. Надо бы дать ему по мозгам как следует, чтобы впредь не повадно было. Не повадно было.

— Я и так с ним поругался, а что толку?

— Толк будет,—с какой-то непонятной упрюзой сказал Рубалин,—будет толк. Мы этого мальчика живо посадим на свое место. На свое место. Ну, давай посмотрим, что у тебя получилось.

Подсев к столу, Рубалин начал читать докладную записку в ЦК комсомола республики об участии областной комсомольской организации в подготовке и проведении весеннего сева. Увидев цифру собранной молодежи и вывезенного на поля навоза, Рубалин спросил:

— Что же ты такую мизерную цифру даешь? Шестьдесят пять тысяч тонн. Пустяки для нашей области. Хочешь, чтобы нас по всем падежам склоняли? По всем падежам.

— Я подсчитал данные по 16 районам, от которых удалось получить сведения и немножко добавил за счет остальных районов.

— Мало,—сказал Рубалин. Он зачеркнул цифру 65 и написал сверху 115.—Вот так подходяще будет. Навоз собрали, в поле вывезли и в землю покидали. Понял?

Затем он, не задумываясь, увеличил вдвое количество молодежных бригад, указанное в отчете, и протянул бумагу Сахибову.

— Отдай быстренько перепечатать и живо на подпись.—Увидев, что Сахибов смущенно переминается с ноги на ногу, он добавил:—Ты не смущайся, товарищ заведующий отделом. Поработаешь, увидишь, что так иногда делается. Я уже пятнадцатый год сижу на комсомоле и всю эту музыку прекрасно знаю. Прекрасно знаю. Ну двигай, да поживее.

Сахибов ушел. Рубалин вышел из-за стола и опять зашагал по кабинету. Его охватило полное безразличие и равнодушие ко всему. Он и раньше не раз переживал подобное состояние. В первые годы комсомольской работы Рубалин с охотой брался за любое дело и выполнял его с воодушевлением. Неудачи и промахи разжигали в нем желание во чтобы то ни стало довести начатое дело до конца, удваивали его настойчивость и упорство в достижении цели. А сейчас малейшая не-

удача приводила его в ярость, которая быстро сменялась полной апатией.

В такие минуты вся его работа казалась ему никчемной и ненужной. Хотелось куда-нибудь уехать, чтобы не было ни заседаний, ни совещаний, ни справок, ни телефонных разговоров.

Это не была обычная усталость много работающего человека. Нет, это было ужасное чувство выхолащенности, будто из тебя вынули вдруг самую сердцевину.

Книги ему в это время не помогали. Он лениво брал книгу с полки, скучая, прочитывал несколько страниц и закрывал. Для него в книгах не было ничего нового. Только одно средство признавал он действенным в борьбе с беспросветной хандрой—командировки. Дорога, встречи с людьми, новые знакомства, новые мысли—все это резко изменяло настроение. У него вновь появлялось желание работать, хотелось побыстрее и покрепче взяться за какое-нибудь новое дело и дотянуть его до конца.

Спасительная мысль о командировке и сейчас пришла ему в голову. Рубалин постоял среди кабинета, подумал, потом взял трубку телефона и назвал номер гаража.

— Семен!—крикнул он,—газик на ходу? К бою готов? Тогда дуй в особый сектор, выписывай командировки. Дня на три. Нет, в Вахшскую. Поедем домой, пообедаем и—двинем...

В два часа дня рубалинский «газик» мчался по широкой вымощенной булыжником магистрали города. Шофер то и дело сигналил, обгоняя автобусы, грузовики и легковые автомобили. Вскоре выехали на окраину. Через несколько минут город остался позади. Машина вышла на шоссе. Шофер уселся поудобнее, прибавил газа. Мотор загудел сильнее. Стрелка спидометра передвинулась за цифру 60 и маленький, зеленый, похожий на кузнечика, «газик» стремительно понесся вперед.

Рубалин любил быструю езду. Он не мог равнодушно видеть идущую впереди автомашину. Шофер знал эту его черту и вел «газик» на предельной скорости, обгоняя попутные автомобили.

Бывало и так, что водитель обгоняемой автомашины оказывался человеком с характером и вместо того, чтобы уступить дорогу, норовил загородить ее, выживая из своей машины все, что она могла дать. Тогда начиналась бешеная гонка, которая обычно завершалась победой «газика». Он обгонял неудачливого соперника и вырывался вперед. Во время таких гонок Рубалин весь напрягался, вцепившись в металлическую скобу перед сиденьем. В эти минуты он ни о чем не думал. Подавшись вперед, следил он за обгоняемой автомашиной, косился на стрелку спидометра и молчал. В нем жило только одно желание: догнать и обойти. Семен был шофером-виртуозом, к тому же трезвенником. Только благодаря этим качествам ему не раз удавалось уходить от казальной бы неизбежной катастрофы. Рубалин по-своему любил и ценил Семена и относился к нему запросто, по-товарищески.

Дорога в долину Вахша никогда не была пустынной. Днем и ночью здесь шли автомашины с различными грузами и пассажирами. Только в полуденные часы, когда под горячими лучами солнца плавился асфальт, движение затихало. Именно в это время рубалинский «газик» оказался на шоссе и Семену не пришлось блеснуть своим мастерством.

На двадцать седьмом километре черная лента шоссе стала, извиваясь, взбираться на перевал. Дорога круто забирала вверх. Мотор запел на высоких тонах, машина пошла медленнее.

Склоны гор были покрыты яркозелеными травами, и там, словно язычки пламени, алели маки и тюльпаны, снежными хлопьями белели крупные чашечки дурнопьяна, голубыми крапинками сверкали цветы соловьиного глаза.

Май—медовый месяц безводных горных склонов и долин. Вместе

с водой корни растений тянули земные соки и торопились как можно красивее и ярче прожить свою короткую жизнь. В мае горы буйно цветут. Ни один самый дорогой, искусно вытканый ковер не может соперничать по красоте, расцветке и яркости красок с горными склонами во время майского цветения.

Но сейчас уже начался июнь. Краски весенних цветов заметно поблекли. Однако они все еще были прекрасными. Жаркий воздух был насыщен горьковатыми запахами полыни, терпким и нежным ароматом мяты. Они смешивались со множеством других запахов, исходяемых выдающимися цветами и травами.

Рубалин жадно дышал, широко раздувая тонкие, нервные ноздри.

— Хорошо!—воскликнул он время от времени.—Честное слово, хорошо!

— Да, красиво, соглашался Семен,—только красота больно короткая. Еще недельки полторы—и все выгорит.

Рубалин закурил. Машина выскочила на вершину перевала, обогнула фыркнула и с выключенным мотором плавно покатила под уклон. В конце спуска Семен включил остывший мотор и «газик» поехал вперед.

Начиналась Вахшская долина. Всего шестьдесят километров отделяли ее от областного центра, а климат здесь был намного жарче и суше. Горячий воздух врвался в машину, обжигал лица, затруднял дыхание.

По обе стороны асфальтированной дороги раскинулись ровные зеленые квадраты хлопковых полей. Кое-где среди зеленого хлопкового моря возвышались островки селений. У въезда в кишлаки стояли высокие красивые арки с названиями колхозов.

Эти селения по старой памяти назывались кишлаками. Но они так же мало походили на прежние кишлаки, как новые дома колхозников на старые глинобитные кибитки.

Нынешний кишлак—это культурное благоустроенное село. Прямые улицы. Новые, светлые кирпичные дома. В них радио и электричество. В каждом большом кишлаке—школа, магазин, детские ясли, клуб, стадион.

Через некоторое время показалась широкая река—Вахш, давшая название долине. Она была полноводной и стремительной. Темные воды ее блестели на солнце. По берегам подымался камыш. В его зеленом обрамлении река казалась особенно красивой.

Прошло еще около часа прежде чем вдаль показались окраины города Пахтаабада, считавшегося центром Вахшской долины. Рубалин взглянул на часы. Семен понял это как знак увеличения скорости и прибавил газу. Через несколько минут «газик» остановился перед райкомом комсомола. Рубалин медленно вылез из машины, косаясь на двери райкома. Они не открылись и навстречу секретарю обкома никто не вышел.

Рубалин вошел в райком. Там никого не было. Только в приемной Шарипова сидела девушка-машинистка и что-то медленно печатала на портативной машинке. Рубалин поздоровался и вошел в кабинет. Следом вошла девушка.

— Где Шарипов?—спросил Рубалин.

— В колхозе имени Жданова. Вчера уехал. Обещал завтра вернуться.

— А остальные где?

— Все в командировке. Султанов вопрос на бюро готовит, Немцова проверяет учет в Джангарской МТС, Исаева вместе с зав. школьным отделом поехала проверять пионерские лагеря.

— Все разехались,—с досадой пробормотал Рубалин и сел.—Прямо хоть пиши объявление «Райком закрыт, все ушли на фронт».—

Он помолчал, потом начальственно сказал девушке.—Мы сейчас сходим с шофером перекусим, а ты дозвонись до колхоза Жданова. Разыщи Шарипова и скажи, чтобы немедленно ехал сюда. Немедленно. Ясно? Ну, действуй.

Он поехал в гостиницу, побрился, плотно пообедал и, с наслаждением покуривая, медленно прошел к райкому.

— Ну как?—спросил девушку.—Где Шарипов?

— В колхозе, товарищ Рубалин.

— Ты дозвонишься?

— Дозвонишься.

— Ну?

— Он сказал, что не может сейчас приехать в райком. У них на семь часов вечера назначено общее комсомольское собрание. Приеду, говорит, завтра утром или ночью.

Рубалин не ожидал этого. Он недовольно спросил:

— А ты сказала ему, что я здесь?

— Сказала, товарищ Рубалин.

— Ну?

— Он сказал, извинись за меня, но сегодня приехать не могу, собрание...

Рубалин не дослушал девушку и вышел из кабинета. Он торопливо дошел до гостиницы. У входа на скамейке сидел Семен.

— Выгоняй машину, поехали.

Шофер пошел заводить машину. Рубалин стоял на тротуаре и зло ругал про себя Шарипова.

Но ругал зря. Турсун действительно не мог выехать из колхоза. Два дня вместе с комсоргом они ходили и ездили по бригадам—готовили комсомольское собрание. Надо было обсудить положение дел с обработкой хлопчатника. Обработка шла плохо, хлопчатник сильно отставал в развитии. Председатель колхоза охотно принял предложение Турсуна о созыве комсомольского собрания и согласился сделать там доклад.

Собрание подходило к концу, когда в колхозный парткабинет вошел Рубалин. Он сел на уголок скамьи у входа. Его появление несколько минут оставалось незамеченным. Первым увидел Рубалина комсорг. Шепнул об этом Шарипову и взглядом пригласил Александра Ивановича в президиум. Тот подошел, сел на поданный стул, пожал всем руки и сделал вид, что внимательно слушает выступающего. Но через минуту он потянул Шарипова за рукав, шепотом спросил о повестке дня собрания, а потом попросил доклад.

— Никто не писал доклада,—ответил Турсун.

— Тогда дайте проект постановления.

— Мы не составляли проекта.

Лицо Рубалина вытянулось, глаза округлились. Он метнул гневный взгляд на Шарипова и сердито сказал:

— К чему же тогда вся эта говорильня? Сейчас же берите бумагу и составляйте проект постановления, а потом покажете мне.

Турсун целый день не вылезал из седла мотоцикла. Они с комсоргом побывали в самых отдаленных бригадах и вернулись усталые за час до собрания. Его раздражал безапелляционный тон Рубалина, и он сердито ответил:

— Не буду я писать никаких проектов. Что решат комсомольцы, то и запишем.

Рубалин резко повернулся к нему.

— Не занимайтесь партизанщиной,—гневно зашептал он,—вы не в отряде батьки Махно.

— Не умно,—ответил Турсун и отвернулся.

На их перешептывание стали обращать внимание, и Рубалин прекратил разговор. Но настроение у Турсуна уже испортилось. Он с меньшим вниманием слушал ораторов, с трудом вылавливал из их речей конкретные деловые предложения, формулировал и диктовал их комсоргу, Шарипов хотел отказаться от выступления, но комсорг поглядел на него такими глазами, что Турсун сразу же отказался от своего намерения и пошел к трибуне. Вначале он говорил вяло, но когда дошел до недостатков, замеченных им в отдельных бригадах, то разошелся и заговорил горячо. Его слушали внимательно, шумно реагировали на его речь.

В конце собрания комсорг спросил Рубалина, будет ли тот выступать.

Рубалин согласно кивнул головой. Не дожидаясь, когда ему предоставят слово, он поднялся и пошел к трибуне. Он ни разу не был в этой комсомольской организации, не беседовал ни с одним молодым колхозником. Его выступление изобиловало общими фразами и наставлениями. Говорил Рубалин, как всегда, громко, жестикулируя руками. Но его речь не взволновала слушателей. Слова пролетали над ними, не задевая их. Рубалин понял это и, помрачнев, торопливо закончил выступление.

После этого комсорг вышел к трибуне и сообщил, что он записал все высказанные здесь практические предложения и предлагает принять их за основу постановления настоящего собрания. Медленно, точно какой-то особо важный документ, начал он читать эти предложения.

— Создать в каждой бригаде комсомольский пост, который будет контролировать качество обработки посевов. Сформировать из пионеров и комсомольцев-школьников специальные группы для борьбы с сельхозвредителями. Оборудовать в каждом полеваном стане красный уголок. Провести с помощью агрономов во всех бригадах беседы и доклады о новой агротехнике возделывания хлопчатника.

Чем дальше читал комсорг, тем больше убеждался Турсун в том, что они поступили правильно, не написав заранее никакого трафаретного проекта постановления. Но Рубалин остался при своем мнении. Едва они, после ужина у председателя, очутились в «газике», как он поспешил высказать Шарипову свое неудовольствие. Раскуривая папиросу, Рубалин повернул голову к Турсуну, дремавшему на заднем сиденье.

— Ты что, решил стать Петром первым в комсомоле?—с трудом сдерживая гнев, наигранно весело спросил он.—Реформатором хочешь сделаться, переворот произвести собираешься?

— Не понимаю, о чем вы говорите?—устало ответил Шарипов, отгоняя дрему.

— Докладов не пишите, проектов не составляете, пускаете собрания по воле волн. По воле волн. Это анархия. Это, дорогой мой, непартийный подход к делу. Непартийный подход. Массами надо руководить, а не плестись у них в хвосте.

— Руководить массами—не значит произносить речи по шпаргалкам, думать и решать за комсомольцев, соблюдать массу ненужных бюрократических и формалистических условий, превратившихся в традицию,—возбужденно заговорил Турсун.

— Каких же, например?—угрожающе спросил Рубалин.

— Ну вот хотя бы писанье проектов постановлений комсомольских собраний. Почему мы пишем их? Потому что боимся. А вдруг комсомольцы ничего конкретного не предложат или вообще выступят всего двое-трое по шпаргалкам. Как же тогда быть? Собрание окажется незавершенным. Мы и завершаем его принятием написанного нами

проекта—«Заслушав и обсудив, собрание отмечает, рекомендует, обязывает». А зачем весь этот формализм? Если комсомольцы не готовы к собранию, не принимают в нем участия—даже самый прекрасный проект не спасет положения. Надо, чтобы они сами искали и предлагали решение стоящих перед организацией задач. Тогда будет и инициатива и самостоятельность. А если им нечего предложить — не зачем и постановления принимать. Это чистейшей воды формализм.

Шарипов помолчал немного, закурил, потом снова заговорил.

— Или это нелепое правило каждое решение принимать за какую-то основу. «Есть предложение принять за основу. Кто за?» К чему это? Почему сразу не начать обсуждение постановления? Или к чему голосовать за прекращение прений после того, как никто не собирается выступать. Может быть, где-то на съездах и пленумах это нужное правило, а здесь—к чему оно? К нему привыкли, с ним смирились, хотя все уверены, что это отжившая традиция, формализм. А разве не формализм, например, закрытое тайное голосование при выборах секретаря первичной организации? Три комсомольца выдвинули четвертого секретарем. Кандидатура одна, но все равно голосуют тайно. От кого прячутся, зачем?

— Ну, спасибо,—с нескрываемой иронией сказал Рубалин,—спасибо, что просветил меня, товарищ секретарь райкома. Я пятнадцатый год на руководящей комсомольской работе, а никак не додумался до таких истин. И не только я. Еще никто в комсомоле не додумался до них. Не додумался.

Турсун хотел промолчать, но иронический тон Рубалина подхлестнул его.

— И очень жаль, что никто не додумался. А мысль о том, что не нужно заранее писать проекта, нам подсказал председатель колхоза. Он когда-то давно, в двадцать третьем или двадцать четвертом году, был комсомольским работником и...

— Мало ли что посоветует председатель колхоза,—перебил Рубалин,—тоже мне выдающийся авторитет. Не нам с тобой ломать традиции комсомола. Они складывались годами, их одобрила партия. Мы обязаны делать то, чего хочет партия. Чего хочет партия. А не своевольничать. Ясно?

— Нет, не ясно. Думать и искать новые формы работы—это не своеволие. Хотя я только несколько недель ношу в кармане партийный билет, но думаю, что партия не против творческого подхода к комсомольской работе, как, между прочим, и к любой другой.

— Теоретическая закалка у тебя богатая. Богатая. Только учти, что райком комсомола не экспериментальная база и не подопытный участок. Если каждый будет выдумывать да мудрствовать, мы уподобимся анархистам. Не разберешься, где начало, где конец, кто руководит—кто подчиняется. Ясно?

И снова Шарипов ответил.

— Нет, не ясно.

— Тогда придется пригласить тебя на бюро обкома и там разъяснить все как следует. Как следует. Слишком много берешь на себя, дорогой товарищ. Слишком много. Не мешало бы быть поскромнее. Поскромнее. Ни с кем не посоветовался, никого не спросил и трахбах—все повернул по-своему. Это мальчишество, милый мой. Мальчишество. И мы за него по головке не погладим. Не погладим. Уразумел?

Шарипов ничего не ответил. Ему хотелось остановить машину, выйти и пойти пешком. Под брезентовым покрытием «газика» вдруг стало нестерпимо душно, хотя прохладный ночной ветер бил в лицо.

Машина подпрыгивала на выбоинах. Турсун несколько раз больно стучался головой о металлический прут, на который был натянута

брезент. «Несется как ошалелый»—сердито подумал он о шофере. Глухая неприязнь до краев наполнила душу. Развеялись, рассыпались впрах волнующие впечатления двухдневного пребывания в колхозе. На душе остался едкий осадок.

Восстановив в памяти разговор с Рубалиным, Турсун пожалел о своей откровенности. Зря он открыл перед ним свою душу, поделился мыслями. Всякое инакомыслие Рубалин, видимо, воспринимает, как вредное заблуждение, и не к чему пытаться доказать ему правоту и целесообразность иных путей, кроме тех, которые известны ему и по которым прошел он сам.

До самого города Рубалин и Шарипов молчали. Когда поехали по улицам, Рубалин спросил сквозь зубы:

— Куда тебя?

— К райкому.

Около райкома «газик» остановился.

— У вас завтра бюро?—спросил Рубалин.

— Да.

— Я буду на нем.

— Хорошо.

— Ну, пока.

— Пока.

Машина фыркнула и покатилась по дороге. Турсун постоял, докурив папиросу и вошел в райком.

В кабинете он подошел к столу, устало опустился на стул. В памяти снова ожил разговор с Рубалиным. «Консерватор. Бойтся нового, цепляется за то, что люди придумали до него, а сам пошевелить мозгами не хочет. Если бы так вели себя люди науки — математики, агрономы, геологи, мы бы до сих пор жили в каменном веке».

Неожиданно нахлынули сомнения: «А может быть, нельзя нарушать установившиеся порядки? Может быть, они имеют какой-то внутренний, неизвестный мне смысл? Тогда почему же он не доказал их целесообразность? К чему угроза вызвать на бюро обкома. Разве я так глуп и не понял бы своей ошибки без бюро?»

После долгих раздумий Турсун решил, что никакой ошибки не совершил. Просто отступил от проторенной дорожки в поисках нового, лучшего пути. Но разве это ошибка? Разве партия не поощряет стремление к совершенствованию не только производства, но и форм политико-массовой работы?

Турсуну вдруг страстно захотелось поделиться с кем-нибудь этими мыслями, поспорить, помечтать.

Неожиданно пришла мысль о Лютфи. После разговора в машине они ни разу не встречались. Его неудержимо потянуло к ней. Желание увидеть ее, увидеть во что бы то ни стало, увидеть сейчас же, было настолько велико, что Турсун с грохотом отшвырнул стул и рванулся из кабинета. Потянувшись к выключателю, он сильно ударился коленом о стул. Боль отрезвила его. Он остановился у двери.

«Куда ты поведешь?»—спросил он себя.—Кто тебя ждет? Кому ты нужен в полночь со своими разговорами?»

Да, идти к Таировой в такое время было по меньшей мере глупо. А пережитое за день переполняло его, рвалось наружу. И поговорить он хотел только с ней. Она поняла бы его,—не могла не понять. Ей он смог бы до конца открыть свою душу, высказать свои самые заветные мысли.

Он представил на миг ее большие красивые глаза, внимательные и умные, полные губы, высокий лоб. Представил так ясно, будто она была рядом.

Турсун растерянно оглядел пустой кабинет, кинул взгляд на ча-

сы: половина двенадцатого. Вспомнился их последний разговор. «Мне двадцать пять и у меня есть жених»,—сказала она тогда.

— А чорт с ним, с женихом, — громко сказал Турсун и снял телефонную трубку.

— Мне городскую больницу.

Через некоторое время он услышал женский голос:

— Больница слушает.

— Скажите, кто сегодня дежурит?

— Хирург Таирова.

— Попросите ее, пожалуйста, к телефону.

Голос в трубке смолк. Пслышалось легкое шипение и потрескивание. И вдруг у самого уха прозвучал низкий, грудной голос Лютфи.

— Таирова слушает.

— Здравствуйте, Лютфи. Это Турсун. Простите, что звоню в полночь. Только что вернулся из колхоза.

— Пешком?—перебила она его, и засмеялась.

— Нет на самом современном транспорте—на «газике». Пришел вот в райком и на меня вдруг навалилась какая-то хмарь.захотелось услышать ваш голос. Мне всегда в тяжелую минуту хочется говорить с вами. Мне с вами хорошо и легко.—Он глубоко вздохнул.

— Спасибо за комплимент, — сказала она.

— Это не комплимент. Это—факт. Вообще, наверно не хорошо, что я звоню вам в полночь. Вы не сердитесь?

— Нет. Ни капельки.

— Спасибо и за это. Вы не думайте, что я забыл наш разговор в машине. И я ничего такого себе не позволю. Не беспокойтесь. Просто я подумал, что хорошо бы поделиться с вами своими мыслями. Услышать ваше мнение. Оно, наверное, не совпадает с моим. Но дело не в этом. Дело—в душе. Понимаете? Хотя понять очень трудно. Сознанию. Получается глупо, правда?

— Что ж тут глупого?

— Да все глупо. Звоню вам на работу в двенадцатом часу ночи. Зачем? То есть, я знаю зачем. Вы, пожалуйста, это... одним словом извините меня. Вот если бы обойтись без помощи этой чортовой трубки. Чтобы видеть ваши глаза и—не только видеть. Я кажется говорю чепуху. Простите меня. Это, конечно, невозможно. Я понимаю. Вот и телефон я ругаю зря. Без него я бы не услышал ваш голос.

— Что с вами, Турсун! Вы действительно чем-то взволнованы. Может, вы заболели?—спросила она, сляясь унять дрожь в голосе.

— Да, и безнадежно...—Турсун снова глубоко вздохнул.—Еще раз извините меня. Я постараюсь больше не делать таких глупостей. Счастливого дежурства.—Он опустил трубку на рычаг.

Лютфи долго еще не вешала трубки. Она стояла, прижимая безмолвный кругляшок к уху, глубоко взволнованная и обрадованная. Она явственно слышала, как гулко и часто билось ее сердце.

— Боже...—прошептала она, счастливо улыбнулась и прижала руки к груди.—Куда я лечу? Неужели это...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ночь. Тихая, теплая. В растворенное окошко маленького глинобитного домика вползали ночные звуки,—слышался шелест листвы, стрекотанье сверчков, приглушенный расстоянием гул завода.

В комнату бесшумно влетела большая черная бабочка. Она сразмаху ударилась об раскаленный бок электрической лампочки, и закружилась вокруг нее.

Сергей Вдовин посмотрел на бабочку и невесело улыбнулся.

«Вроде меня,—подумал он,—вокруг огня крутится, а сесть на него боится».

Это сравнение было не лишено оснований. Вот уже несколько дней ходил Сергей вокруг секретаря комсомольской организации маслозавода Платона Нестерова. Ходил и выжидал удобного момента для рассказа о своей проделке с Ланевым. Сергей знал, если он не расскажет, то навсегда потеряет любимую девушку, потеряет покой и уверенность в жизни. Будет тогда мучить его тоска, станет презирать он себя за трусость и малодушие. Но как признаться в хулиганстве, если неизвестно, что тебя ждет. А вдруг Платон взбеленится, исключат из комсомола, да еще передадут дело в суд. Пропал тогда электрик Сережка Вдовин. Страшно.

Вот и кружил Сергей вокруг Платона. Он подсаживался к нему за обедом, подходил в пересменку, заглядывал в комитет комсомола. Платон видел все это, но молчал. Сегодня после работы Вдовин нагнал его и молча пошел рядом. Нестеров не выдержал. Он заглянул Сергею в глаза и резко спросил:

— Слушай, Серега. Какого черта ты вертишься вокруг меня, как цыган вокруг лошади? Что там у тебя за паухой положено? Давай—говори и не морочь голову.

Сергей смутился. Он глянул исподлобья на Платона и негромко, с усиленным выговорил:

— Я давно хотел тебе сказать. Ты же наш комсомольский секретарь. А я как член нашей организации...

— Не тяни,—перебил Платон.—Не мямли. Бей сразу.

Вдовин облизнул губы, взъерошил копну жестких волос как проволока каштановых волос и сказал:

— Ладно. Слушай. Ты помнишь шум тут был из-за нашего заведующего клубом Кольки Ланеева? Его тогда поколотили и заперли в будку.

— Помню.

— Так вот... Это сделал я.

— Ты?

— Я.

Платон не ожидал подобного признания. Он озадаченно посмотрел на Сергея, помолчал немного и спросил:

— За что ты его, за Любку, что ли?

— Ну, да...—прошентал Вдовин.

— Дурак. Стопроцентный дурак,—не сдержался Платон.— Нашел из-за чего скандал затевать. Она, твоя Любка, и так никуда не делась бы от тебя. Тоже мне Отелло двадцатого века. Мститель. Приревновал. Мещанская душа. Сам намутил и товарищей своих подвел. Ведь не один же ты с этим верзилой справился?

— Не один,—сокрушено согласился Вдовин.

— Кто с тобой был?

— Не скажу.

— Как это так «Не скажу»?

— Так, не скажу. Они не виноваты. Я их уговорил. Я это дело придумал, мне за него и отвечать.

Нестеров хотел накричать на Сергея, но, увидев его прищуренные, застывшие, словно замерзшие глаза, понял, что криком тут ничего не добьешься. Тогда он спокойно сказал:

— Ну ладно. Топай до дому. Я подумаю, посоветуюсь в комитете, потом скажу, чего будем делать с тобой.

Сергей молча ушел.

«Вот чертов сын,—думал Платон, медленно шагая домой.—Дернула его нелегкая с этим признанием. Формально оно, конечно, хорошо—комсомолец признался в своих ошибках. Но что теперь делать

с этим комсомольцем? Замолчать, оставить без наказания?—Нельзя. Наказать слегка, для виду? Тоже нельзя. А наказать по всем правилам, как злостного хулигана—жалко. Парень хороший. Настоящий рабочий парень. Одно плохо—характер, как порох, без огня взрывается».

Платон знал, что Вдовин дружит с заведующей учетом райкома комсомола Любушкой Немцовой. Он видел как обхаживал Любушку Ланеев. Когда узнал, что Ланеева нашли в будке, Платон сразу подумал о Сережке. Но это были только догадки, а теперь...

«Если милиция узнает о сережкином признании, может снова возбудить это дело—встревожился Платон. — Тогда Вдовина будет судить за хулиганство. Вот чертов рыцарь. Прежде чем его обсудить, нужно зайти к Турсуну, договориться, чтобы милиция Сергея не трогала. Парень сам признался, понесет наказание по комсомольской линии и хватит».—Платон посмотрел на часы, повернулся и пошел в обратную сторону,—в райком комсомола.

А Сергей в это время подошел к своему дому. В нем было всего две комнатки: маленькая кухня и горница. В кухне стояла кровать матери. В горнице красовалась никелированная кровать сестры восьмиклассницы. Сергей спал на раскладушке, которую устанавливали на ночь посредине горницы.

Когда Сергей вошел в прихожую, мать стирала белье. Она работала почтальоном и целый день бегала из дома в дом. Ей недавно исполнилось сорок три года. Она была низенькая, сухонькая, с маленьким добрым лицом и такими же как у Сережки серо-зелеными глазами.

Мать разогнулась, глянула на Сергея, сказала:

— Мойся, сынок, сейчас будем ужинать.—И снова склонилась над корытом.

Сергей умылся, прошел в горницу, сел у раскрытого окна. Сестра сидела за столом и, подперев подбородок книгой, мечтательно смотрела на потолок. Глаза у нее были как сливы—круглые и черные. Она повернула к брату румяное, курносое лицо, посмотрела на стриженный затылок Сергея и тихонько окликнула:

— Сережка...

Сергей держал себя с сестрой как старший. Он разговаривал с ней снисходительным тоном, но в душе любил и всегда заступался за нее перед матерью.

— Чего тебе?—спросил он, не поворачивая головы.

— Сережка, миленький,—защебетала сестра,—скажи как ты думаешь. Только честно скажи, не для смеху. Вот, как ты думаешь: есть на свете настоящая любовь с первого взгляда?

— Чего?—Сергей повернулся и посмотрел на лицо сестры, розовое от смущения. Он хотел отшутиться, но увидел ее глаза, полные ожидания и какой-то затаенной тревоги и ответил серьезно:

— Есть, Оля.

— Я так и думала!—радостно воскликнула девушка.—И в книгах так пишут. Ах, Сережка, какой ты у меня умный, ну прямо профессор.—Она вскочила, подбежала к брату, обняла сзади за шею и положила голову на его плечо. Немного помолчав, она спросила:

— Скажи, Сережа, а если очень-очень, ну прямо изо всех сил любишь человека, а он тебя не любит,—можно из-за этого умереть? Ну, там, утопиться или под поезд броситься?

— Можно, конечно, только это глупо. Надо добиться, чтобы он тоже полюбил. Надо за любовь драться. Понимаешь? Ну не кулаками, конечно, хотя при нужде можно и кулаками...

Сергей умолк—подумав, что говорит совсем не то, что нужно. После паузы он спросил:

— А ты что это все о любви меня спрашиваешь? Влюбилась в какого-нибудь принца?

— Сам ты принц, — обиделась Оля и, надув губы, отошла от брата. Она ждала, что Сергей станет над ней смеяться, но ошиблась. Закинув руки за шею, брат сказал с непонятной грустью:

— Принц. Да еще какой. Отелло двадцатого века. А если поглубже разобраться, то получается: дурак.

Сестра изумленно посмотрела на него. Слова брата ее поразили. Она догадалась, что Сергей сказал их больше для себя, выразив в них свои затаенные думы. Наверно, с ним случилось какое-то несчастье. Иначе почему так грустно поджаты его губы, тускло смотрят глаза и он по-стариковски горбит спину? Девушке стало жалко брата. Она на цыпочках подошла к нему и осторожно его обняла. Сергей не оттолкнул ее, не сказал ни слова. Эта неожиданная ласка растрогала его. Он обнял сестру и, заглянув в ее тревожные глаза, прошептал:

— Хорошая ты, Ольга, человеческая. Одним словом, женщина.

Она провела маленькой пухлой ладонью по его жестким, непокорным вихрам и тоже шепотом сказала:

— Не грусти, Сережа. Все будет, как нужно. Ты — умный и сильный. Ты же рабочий. А рабочие всегда-всегда побеждали.

— Ужинать! — донесся возглас матери, Сергей медленно поднялся.

— Ну, успокоительница, пойдем поужинаем.

И шагнул в кухню.

После ужина Сергей снова уселся у раскрытого окна, курил и наблюдал за черной бабочкой, которая все еще никак не могла улететь от лампочки. Мать сидела у стола и штопала белье, Ольга читала книгу. Было тихо и тоскливо. Сергей думал о разговоре с Платоном, силясь и не мог угадать дальнейшее развитие событий. Он раздражался и курил одну папиросу за другой. Мать заметила это, осторожно вполголоса спросила:

— Ты что такой грустный, Сережа? В клуб давно не ходишь. Все сидишь и куришь. Может, что нехорошее случилось?

— Нет, мама, — откликнулся Сергей не поворачивая головы.

И снова в комнате стало тихо. Сергей не выдержал.

— Ольга, — кинул он сестре через плечо, — зачитайся! Возьми гитару, да сыграй что-нибудь, а то от чтения полысеешь.

— Выдумываешь ты, — откликнулась Ольга, отодвигая книгу.

— И не выдумываю. Об этом написано в большой советской энциклопедии на букву «Л»: Там сказано, что от чтения утомляется какой-то нерв и волосы начинают сыпаться.

Ольга засмеялась.

Она сняла со стула гитару, пощипала струны, прислушалась. Потом склонила голову и запела высоким голосом:

Иду по знакомой дорожке,
Вдали голубеет крыльцо.
Я вижу в знакомом окошке
Твое дорогое лицо.

Ее догнал низкий грудной голос матери. И они запели вдвоем — негромко, задушевно.

Приглушенно звенели гитарные струны. Низкие и высокие голоса их сплетались в красивые аккорды, которые вторили поющим.

Эх, гитара, гитара! Семь струн у тебя, а как дивно поют они. То зазвенят лесным ручьем, то загремят весенним громом, то зашумят зеленою листвою иль вдруг зашелестят густою рожью. А сколько очаровательной томной грусти в гитарных песнях.

Сергей закрыл глаза. Ему представился огромный луг. Трава высокая, зеленая и много цветов — ярких, красивых. И прямо по траве,

по цветам идет Любушка. Идет босиком, в короткой легкой юбочке. Идет ему навстречу, улыбается, руку протягивает...

Через день после разговора Сергея с Платоном заводской комитет комсомола обсуждал поведение члена ВЛКСМ Вдовина. Заседание было долгим и бурным. Членов комитета ошеломило известие о поступке Вдовина. За ним не числилось ни одного серьезного нарушения дисциплины. Вина его смягчалась собственным признанием. В начале обсуждения все были уверены, что дело ограничится выговором. Но поведение Сергея все изменило. Он категорически отказался объяснить причины хулиганского нападения на Ланеева и назвать фамилии своих соучастников. Его долго убеждали, но ничего не добились. Тогда Нестеров предложил принять решение об исключении Вдовина из комсомола. С ним согласились.

Сергею он сказал:

— Ты совершил хулиганский поступок, за который тебя следует исключить из комсомола и привлечь к суду. Однако ты, хотя и с опозданием, а все-таки сам признался в своих грехах. Но ты укрываешь сообщников и твоему признанию — грош цена. Мы исключаем тебя из комсомола, но через два дня будет общее комсомольское собрание. Чистосердечно признаешься — комсомольцы могут отменить наше решение, нет — пеняй на себя.

Сергей плохо помнил как вышел из проходной и пошел, не зная куда. Потом он остановился, прислушался и направился на звуки баяна. Толкнув застекленную дверь, он очутился в пивной.

Он выпил, посидел, потом выпил еще и закурил. При выходе Сергей столкнулся с электромонтером, работавшим вместе с ним.

— Ты почему здесь? — удивился тот. — Ведь тебе сегодня в третью смену выходить.

Вдовин вспомнил. Да, действительно, ему сегодня нужно выходить в третью смену. Он широко улыбнулся и сказал:

— Ну и выйду!

Вечер был душный. Сергей медленно побрел к заводу.

— Постой, да ты никак пьяный, — всполошился старичок-вахтер в проходной.

— Не твое дело, — огрызнулся Сергей.

Вахтер поглядел ему вслед и схватил телефонную трубку.

Начальник цеха встретил Сергея в дверях. Нахмурившись, он пошел к нему вплотную и сказал:

— Марш домой и чтобы духу твоего здесь не было.

— Ты мной не командуй! — закричал Сергей. — Я сам знаю, что надо. Вот сейчас рвану рубильник и все ваше хозяйство — умрет. Точка. Электрики — боги производства.

— Катись отсюда, бог производства, — сказал начальник, — а то я свяжу тебя и положу под лавку.

— Ну, ладно, — с угрозой произнес Сергей. — Я вам сейчас покажу, что такое электрики... — и побежал к трансформаторной будке. Поняв его намерение, начальник цеха закричал:

— Стой! Держите его! Убьет черта...

Он кинулся за Вдовиным. Сбежались люди. Сергея схватили и, как он ни вырывался, посадили в машину и отвезли домой.

На другой день директор специальным приказом объявил электрику Сергею Вдовину строгий выговор за прогул и появление на работе в пьяном виде.

А еще через день состоялось общее комсомольское собрание. Сергей не стал там выступать, — сказал только, что комитет решил правильно и он оправдываться не будет. Комсомольцы горячо заспорили. Мнения разделялись. Многие защищали Вдовина, говорили, что он уже

три года безупречно работает на заводе, что он был активным комсомольцем, что раз он признался в своих ошибках, значит осознал их. Но при голосовании большинство, хотя и незначительное, оказалось на стороне комитета. Сергея исключили из комсомола.

Когда председательствующий объявил результаты голосования, в комнате наступила тишина. Тридцать четыре пары глаз, не отрываясь, смотрели на Сергея. Он чувствовал на себе эти взгляды и не смел подвигать головы. Потом он с трудом оторвался от скамьи, встал. Согнувшийся, жалкий, будто надломленный, стоял он перед товарищами. Ему хотелось сказать им что-то, губы его дрогнули, но он ничего не сказал — боялся, что с первым словом вырвутся рыдания. А плакать, даже перед своими друзьями, он не хотел. Не мог Сережка Вдовин — потомственный рабочий-электрик, бог производства — заплакать на собрании.

Он закусил губу, сцепил зубы и вдруг почувствовал как по щеке поползла крупная соленая слеза. Одна, другая... Он стер их, тихонько всхлипнул и пошел к выходу.

На улице Сергей выхватил из кармана папиросу, закурил и — не выдержал — заплакал. Скрипел зубами, стараясь сдержаться, ругался, курил и — плакал. Плакал по-мужски — трудно, зло и тихо.

На утро Платон Нестеров рассказал о решении комсомольского собрания Любе Немцовой. У девушки перехватило дыхание.

— Как же вы... — с трудом проговорила она. — Как же вы могли сделать такое! Ведь он... он хороший...

Платон отвел глаза и тихо растерянно сказал:

— Так получилось...

Любушка не сказала никому ни слова и ушла домой. Она зарылась головой в подушку и долго плакала в своей комнатке. «Теперь он ненавидит меня, — думала она. — Из-за меня он попал на этого Ланеева. Конечно, глупо, но все-таки из-за меня... Из-за меня он сознался во всем Платону, и из-за меня его исключили из комсомола. А может, еще и судить будут»... Люба не обвиняла себя за то, что толкнула Сергея на признание. Так было нужно. Этого требовал долг, этого требовала совесть. Но что делать с сердцем! Оно не отвергало ни чувства долга, ни совести. Но оно страдало, болело так, что хотелось кричать. Всесилен человеческий разум: он покорил атом, замахнулся на вселенную, но покоришь сердце — пламенное и нежное — не сумел. И Любушке приходилось расплачиваться за это. Она убеждала себя в том, что поступила правильно, что только так она и могла поступить. Но сердце не внимало этим доводам. Оно жалело любимого и горячие слезы текли по веснушчатым щекам Любы.

Выплакавшись, девушка задумалась. Что делать дальше? Оставалась последняя надежда на бюро райкома комсомола. Может быть, на бюро правильно поймут Сергея и отменят решение комсомольского собрания. Надо поговорить с Турсуном. Он поверит ей и добьется желаемого решения. Но Люба тут же отвергла эту мысль. Нет, она не будет просить о милости и снисхождении для своего любимого. На этот раз поборол разум.

С нетерпением ожидала она заседания бюро, на котором должно было обсуждаться персональное дело Сергея Вдовина. Девушка окончательно расстроилась, когда узнала, что на бюро будет присутствовать Рубалин, который попутно заехал в райком.

Заседание бюро началось во второй половине дня. Любушка плохо слышала о чем говорилось на бюро. Она думала только о Сергее, — как будут обсуждать его дело. Ее осунувшееся лицо горело от волнения, лихорадочно сверкали потемневшие карие глаза.

Наконец Шарипов объявил:

— Переходим к последнему вопросу. Персональное дело члена ВЛКСМ Сергея Вдовина. Пригласите его.

Скрипнула дверь, и в кабинет вошел Сергей.

— Садитесь... — прошептала Исаева, указывая глазами на стул. Вдовин тяжело сел.

В кабинете наступила какая-то особенная, торжественная тишина, какая всегда бывает, когда обсуждается персональное дело.

Персональное дело — личное дело комсомольца, дело его жизни. Можно ошибиться, решая вопрос о заготовке кормов или о посадке садов, но, решая персональное дело, — ошибиться нельзя. Ошибочное неправильное решение может искалечить всю жизнь юноше или девушке, и тогда уже очень трудно, а порой невозможно исправить допущенную ошибку.

Потому так напряженно-внимательны были члены бюро. Они пристально смотрели на Вдовина, изучали его. Эти взгляды давили Сергея, он низко наклонил голову, и всем стал виден его крутой, наголо остриженный затылок и худая загорелая шея, на которой блестели мелкие бусинки пота.

Во всем облике Вдовина чувствовался большой душевный надлом, который произошел еще там, за дверьми этого кабинета.

Турсун понял его состояние и чтобы не озлобить, не оттолкнуть парня, старался создать атмосферу товарищеского понимания.

— Докладывай, — обратился он к Нестерову.

Платон поднялся и коротко рассказал о деле Вдовина — о его падении на Ланеева, о том, что он сам в этом признался, хотя сообщников и не назвал. Он сказал также о пьяном дебоше Вдовина на заводе и о том, что на собрании его исключили из комсомола.

Нестеров умолк. Шарипов торопливо перечитал выписку из протокола общего комсомольского собрания. Снова стало тихо.

— Чего ты тянешь, — вполголоса сказал Турсуну сидевший рядом Рубалин. — Дело ясное. Решайте.

Его слова многие услышали. Турсун болезненно сморщился. Жесткая казенная простота и холодное равнодушие, с которым они были сказаны, покоробили его. Еще несколько таких слов и рассеется атмосфера доброжелательства и понимания. Турсун мягко спросил:

— Сколько лет тебе, Вдовин?

— Двадцать первый, — негромко ответил Сергей и встал.

— Отец есть? — спросил Халиков.

— Нет. Отец погиб на фронте.

— Отец погиб на фронте за твое будущее, за то, чтобы ты был счастливым человеком, а ты сам себе жизнь портишь, с правильной дороги сходишь, от комсомола отрываешься. Как же так получается, Сережа? — спросил Турсун.

Худое лицо Вдовина дрогнуло. Говорить он не мог и молча стоял с опущенной головой.

— Отец, наверное, думал, что дело, за которое он погиб, закончит его сын, — донесет до победы оброненное знамя. А разве ты удержишь это знамя пьяными руками? — с глубокой душевной болью сказал Турсун.

Вдовин молчал.

— Ты как считаешь, комсомольцы правильно решили? — спросила Исаева.

— Правильно... — все так же тихо ответил Вдовин.

— Садись, — поспешно сказал Шарипов.

Вдовин сел. Турсун оглядел всех.

— Кто говорить будет? Пожалуйста.

С шумом отодвинув стул, поднялась Исаева. Она говорила медлен-

но, думая над каждым словом. Вначале она разругала Вдовина за то, что он опозорил высокое звание комсомольца, нарушил устав ВЛКСМ и потому не достоин называться ленинцем. Потом она перенесла огонь критики на Нестерова, обвинила его в плохой постановке воспитательной работы, упрекнула в нечутком подходе к молодым комсомольцам и в конце своего выступления предложила: если Вдовин даст слово никогда больше не безобразничать и не пить, то объявить ему строгий выговор и отменить решение комсомольского собрания.

Халиков и Юсупов поддержали предложение Исаевой.

— Ты слышал, что говорят товарищи? — спросил Шарипов.

— Слышал, — прошептал Вдовин.

— Можешь ты дать сейчас, здесь на бюро райкома комсомола честное комсомольское слово, что больше никогда, понимаешь, никогда не повторишь сделанного.

— Даю... — начал Вдовин и не договорил: у него перехватило дыхание.

— Что даю? — раздался металлический голос Рубалина. — Что вы даете нам, товарищ Вдовин? Разве мы просим у вас подачки?

Вдовин вздрогнул, как от удара. Шарипов подался вперед, будто хотел закрыть его собой. На лице Халиковой и Юсупова появилось выражение досады. Атмосфера сердечного взаимопонимания была нарушена. От слов Рубалина повеяло ледяным холодом.

Рубалин заметил эту перемену, но истолковал ее по-своему. Он встал, оперся рукой о спинку стула и заговорил недовольным голосом:

— Здесь некоторые члены бюро, видимо, не отдают себе отчета в том, что происходит. Да, не отдают отчета. Партия и комсомол ведут огромную работу по борьбе с пьянством и хулиганством молодежи. Вдовин опозорил высокое звание члена Ленинского комсомола. Опозорил. Ночью на улице с Ланевым он был смелым парнем, с начальником цеха — тоже выглядел героем. А сейчас у него голос отнялся. Голос отнялся. Сказать двух слов не может. Слезы распустил в надежде на сердобольных членов бюро. Не выйдет, товарищ Вдовин. Мы не верим вашим слезам. Не верим вашим слезам. Это дешевый прием. Дешевый прием. Расчет на слабонервных.

Мысли Рубалина не отличались от мыслей, высказанных Нестеровым, Исаевой и Халиковым. Но в словах Рубалина не было живого человеческого тепла. Когда Исаева ругала Вдовина, она говорила тоном глубоко оскорбленного, разгневанного, но справедливого и преданного друга. Вдовин чувствовал это, и слова Исаевой вызывали у него раскаяние. Но холодная, с отенком пренебрежения, речь Рубалина вызвала совсем другую реакцию.

Слушая речь секретаря обкома, Вдовин преображался. Он поднял голову, исподлобья глянул на оратора. Сначала в его взгляде была растерянность и недоумение, потом промелькнула обида, но вскоре ее вытеснила злая неприязнь. Резко сдвинулись брови, плотно сжался беззубый рот, заострились скулы. Он весь напрягся, подобрался, готовый встать и уйти.

Рубалин не заметил этой перемены: он был поглощен своей речью.

— Я считаю, товарищи, — говорил он, размахивая руками, — двух мнений по делу Вдовина не должно быть. Не должно быть. Таким, как Вдовин, не место в комсомоле. Думаю, что вы понимаете это не хуже меня. Не хуже меня. Думаю, что вы примете правильное решение — исключите Вдовина из комсомола.

Кроме того, мне совершенно непонятно, почему до сих пор персоной Вдовина не заинтересовались следственные органы. Да. Следственные органы. То, что он проделал с Ланевым, называется злостным хулиган-

ством, за которое надо судить. Надо судить. Комсомол не может держать хулигана в своих рядах. Даже если этот хулиган пустил слезу.

Думаю дебатировать больше не о чем. Надо голосовать. Решение первичной организации следует утвердить. Да. Следует утвердить.

Наступило молчание.

Давно уже сложился порядок, по которому выступление представителя вышестоящей организации считалось последним, завершающим. Рубалин рассчитывал, что Шарипов подчинится этому неписанному закону—не будет выступать или скажет несколько слов и поставит вопрос на голосование. Но Турсун решил иначе.

— Конечно,—сказал он,—Вдовин опозорил комсомол и его следовало бы исключить из организации. Мы можем это сделать сейчас. Но прежде зададим себе один вопрос—куда после этого пойдет Сергей Вдовин? Я тебя спрашиваю, Нестеров, куда?

Нестеров молчал, опустив голову, и мял в руках тоненькую папироску.

— Молчишь? Не думал над этим. Тогда давайте подумаем вместе. Ведь Вдовин в принципе, по своему существу парень-то наш, комсомольский. Отец погиб на фронте. Осталась мать с двумя детьми, и старшим был Сергей. Он бросил школу. С 14 лет встал к станку, вступил в комсомол. И с тех пор парень ни разу не посрамил своего рабочего звания. Хороший производственник, спортсмен, учится в девятом классе вечерней школы. Одним словом, наш парень. Как же он будет жить без нас, без комсомола. Как, Сережа?

— Никак,—чуть слышно сказал Вдовин и вновь на лице его появилось выражение глубокого раскаяния и боли.

— Верно, никак,—повторил Турсун,—нет ему жизни без комсомола. Так вправе ли мы исключить его из организации за эти хотя и тяжелые проступки?

— Это демагогия,—резко сказал Рубалин,—никому не нужная и вредная демагогия. Да. Вредная. Нужно одобрить решение комсомольской организации. Нужно одобрить. Голосуйте.

Турсун побледнел. На высоком лбу набрякли две поперечные складочки. Черные глаза гневно заблестели, сурово сжались губы.

— Мы уважаем обком и его секретарей, но бюро райкома—орган коллективного руководства, а не машина для штамповки удобных вам решений.

— Не мне, а комсомолу. И вообще вы, товарищ Шарипов, занимаете абсолютно неверную, непартийную позицию противопоставления обкому комсомола.

— Так что же,—вмешался Халиков,—может быть, начнем обсуждать поведение Шарипова.

— Скоро, вероятно, будем обсуждать, если не здесь, то на бюро обкома,—откликнулся Рубалин. Он встал и попросил Вдовина выйти из кабинета. Когда тот вышел, Рубалин рассказал членам бюро о том, что Шарипов отказался дать нужные сведения в обком, вопреки сложившимся нормам комсомольской работы, без доклада и проекта постановления провел собрание в колхозе имени Жданова.

Он говорил, что Шарипов игнорирует указания работников обкома, не считается с их мнением, обвинил Турсуна в зазнайстве, самоуправстве и вероятно наговорил бы еще много неприятного, если бы Нестеров резко не перебил его:

— Мы что, уже закончили обсуждение Вдовина?

Рубалин снова заговорил о Вдовине.

— Если вы оставите этого пьянчужку и хулигана в комсомоле—мы отменим ваше решение и подтвердим решение комсомольской организации, а о зрелости бюро райкома придется составить определенное мнение. Определенное мнение.

— По уставу комсомола,—медленно проговорил Халиков,—решение райкома является окончательным и обком рассматривает его только в случае апелляции исключенного.

Рубалин промолчал. Он понял, что зарвался, сказал лишнее. Но упрямство и своеволие этого мальчишки бесили его и он с трудом сдержался, чтобы не вступить в перепалку с Халиковым. Однако совсем промолчать Рубалин не мог.

— Я выступаю от имени областного комитета комсомола. Если для вашего бюро это не авторитет, действуйте как хотите. Как хотите.

— Тогда будем голосовать,—сказал Шарипов,—если нет желающих выступить.

Члены бюро единогласно проголосовали за строгий выговор. Рубалина особенно возмутило, что Нестеров голосовал за строгий выговор. «В оппозицию играют,—злобно подумал он,—рады, что секретаря обкома комсомола посрамили. Ну ничего, мы еще посмотрим, кто будет наверху, кто будет смеяться последним».

Сразу же после заседания Рубалин ушел из райкома. Случай на бюро он переживал как большую неприятность, видел в нем принижение собственного достоинства. За многолетнюю комсомольскую работу Рубалин впервые столкнулся с подобным отношением к собственной персоне и это его глубоко задело.

Он начинал свою комсомольскую работу накануне войны.

Он ушел на фронт пропагандистом райкома комсомола, стал там секретарем комсомольского бюро полка. В 1942 году он оказался в одном из госпиталей Сталинабада. После лечения ему предоставили шестимесячный отпуск. Ехать Рубалину было некуда: родной район оккупирован врагами. Он пошел в ЦК комсомола республики и его назначили секретарем сельского райкома комсомола.

Трудно ему пришлось в незнакомом районе: он не знал языка, не разбирался в хлопководстве. Рубалин дни и ночи метался по кишлакам, создавал фронтовые хлопководческие бригады, организовывал сбор средств в оборонные фонды, создавал молодежные военные кружки и делал еще много других маленьких, но очень нужных дел. Молодежь района скоро узнала и полюбила нового секретаря комсомола. У него появилось много друзей. Они терпеливо учили его таджикскому языку, помогали разбираться в хлопководстве.

После отпуска военно-медицинская комиссия признала Рубалина негодным к военной службе и он остался в кадрах комсомола Таджикистана.

В 1944 году Рубалина избрали вторым секретарем городского комитета комсомола, а в 1946 году он уже был секретарем по военной работе столичного обкома комсомола. Отсюда его послали на учебу в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. Он окончил ее в 1948 году и стал вторым секретарем того же обкома, а полтора года спустя Александра Ивановича Рубалина избрали первым секретарем областного комитета комсомола.

У своего непосредственного начальства Рубалин был на хорошем счету. Он всегда был подтянут и исполнитель, умел понимать желания начальства и неукоснительно их выполнять. Рубалин был ярким приверженцем строжайшей дисциплины, которую понимал как беспрекословное подчинение указаниям вышестоящих организаций. «Кровь из носу, но чтобы все было сделано»,—напутствовал он своих подчиненных, когда давал им какое-нибудь серьезное поручение.

Рубалин тяжело переживал свой провал на бюро. Он считал себя абсолютно правым в деле Вдовина и объяснял случившееся мальчишеством Шарипова и недальновидностью членов бюро.

Ночью в гостинице Рубалин вспомнил первое знакомство с Ша-

риповым. Уже тогда ему не понравился этот смуглолицый, черноглазый парень. Какой-то настороженный и, наверно, хитрый. Нужно было самому подобрать секретаря райкома, а не доверяться Парому. «Ну, ничего,—успокаивал себя Рубалин,—мы ему обломаем рога. Завтра побываю у Буриева, вызовем туда Шарипова и поговорим с ним по душам, по-партийному, без свидетелей».

Рубалин был уверен, что, обиженный Шариповым, Буриев, пользуясь отсутствием Паронова, охотно согласился вызвать Турсуна в райком партии и устроить ему капитальную головомойку. Но Буриев не сделал этого. Он посочувствовал Рубалину, сказал, что разочарован в Шарипове, но не видит достаточного повода для того, чтобы вызывать его в райком партии.

«Паронова бонтся»,—подумал Рубалин, прощаясь с Буриевым.

В райкоме комсомола он больше не появлялся и уехал домой. В дороге он снова, помимо желаний, стал думать о Шарипове. Рубалин силится понять, чем руководствовался этот парень, противодействуя секретарю обкома комсомола.

— Зазнайка, — пробормотал он, — дипломированный зазнайка. Считает себя умнее всех. Ну ничего, мы с него собьем эту спесь, снимем стружку.

Лицо Рубалина повеселело. Он закурил, потом тронул шофера за плечо.

— Подкинь газку, Семен...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Комиссия состояла из руководящих работников Таджикского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института хлопководства и Министерства хлопководства республики. Возглавлял комиссию заместитель министра хлопководства Дулин.

Задача комиссии, по словам зам. министра, состояла в проверке предварительных результатов постановки опытов посева хлопчатника по суженным междурядьям. В совхозе члены комиссии держали себя замкнуто и неприступно. Они не реагировали на шутки, не вмешивались в разговоры. Молча сидели в кабинете Набиева, курили и нетерпеливо поглядывали на часы, всем своим видом подчеркивая важность их миссии и свою чрезвычайную занятость.

Людская молва—быстрее телеграфа. Пока высокая комиссия совещалась в директорском кабинете, о ее приезде знали уже во всех отделениях совхоза. Узнал о ней и Джурабек. Эту новость ему сообщила девушка—культурник. Она приехала на велосипеде и привезла на полевой стан свежие газеты и журналы.

— Наверное, и к вам приедет комиссия Джурабек-ата,—сказала она.

— Обязательно приедет. С меня и начнет,—ответил старик, улыбаясь.

Он оказался прав: комиссия начала свою работу с осмотра хлопковых полей в бригаде Джурабека. Комиссию сопровождали руководители совхоза—Набиев, Редькин и Мансуров.

— Это и есть один из ваших опытных участков?—спросил Дулин Редькина.

— Это и есть,—в тон ему ответил Редькин и принял набивать табаком трубку. «Вам он и нужен, голубчики. Только он»,—подумал про себя главный агроном и не ошибся.

Ученые—члены комиссии—рассыпались по участку бригады Джурабека. Они измеряли ширину междурядий и расстояние между растениями, подсчитывая количество кустов на одном метре и на деся-

ти метрах, ковыряли пальцами землю, проверяли глубину рыхления, заглядывали на обратную сторону листа, ища хлопковую гнию. Они засыпали вопросами бригадира. Их интересовало, сколько раз кетменевался и поливался хлопок, сколько внесено удобрений. Постепенно их окружили рабочие совхоза. Подошли трактористы Хамзин и Исаев.

Они молча, внимательно прислушивались к разговору. А члены комиссии уже энергичнее стали наседать на Джурабека и Редькина. Они уже не просто спрашивали, а сопровождали свои вопросы возмущенными возгласами и гневными репликами. Особенно неистовствовал один доктор сельскохозяйственных наук.

Вначале он говорил неторопливо, степенно. Но выдержки ему хватало ненадолго. Вскоре он уже кричал на Редькина:

— Не понимаю, дорогой, не понимаю как вы, агроном-практик с двадцатилетним стажем могли пойти на такое дело. Решительно не понимаю. Это же авантюра. Бессмысленная авантюра.

— Поживем—увидим,—ответил Редькин, улынувшись в свои моржовые усы.—Цыплят считают осенью.

Доктор наук помахал перед лицом надушенным платком.

— Позвольте, позвольте, любезный. Да вы понимаете, что делаете? У вас же получается противоестественная густота стояния растений—тысяч сто десять—сто двадцать на одном гектаре. Мировая практика хлопководства не знала густоты более шестидесяти пяти тысяч. Почему? Да потому, что хлопок, как это известно каждому ученику агрокурсов, получает воздух, воду и питание через корневую систему. При такой густоте стояния он задохнется, корневая система будет гнить, начнется массовое заболевание. Словом, нужно немедленно, хотя это и поздно провести капитальное прореживание. Немедленно. Потом подкормите его, дайте обильный полив. Вот так. Действуйте, а наш товарищ через недельку заглянет, поинтересуется, что получилось. К тому же могу сообщить вам, что попытка возврата к кетменноую уже получила решительное осуждение Министерства хлопководства Союза.

— А мы думали, что это не возврат к кетменю, а полный отказ от кетменя,—сказал Редькин.

— Вот как!—Доктор иронически улыбнулся.—Вы, коллега, делаете смелые открытия.

— Да. Полный отказ,—повторил Редькин.—При такой густоте стояния мы сможем применить продольно-поперечную тракторную культивацию посевов. И тогда кетмень пойдет на свалку.

— Допустим, что ваша фантазия осуществится. Но где вы возьмете эти тракторы и другие сельхозмашины, если вся техника, вы понимаете, вся, пригодна лишь для работы на шестидесятисантиметровых междурядьях. Уж не думаете ли вы, дорогой коллега, что по вашему велению всю технику пустят на переплав в металлолом, а заводы по взмаху вашей волшебной палочки в течение одной недели выпустят новые машины конструкции В. Редькина.

Сопровождавшие доктора члены комиссии захихкали. Лицо Редькина стало серым. Он глубоко затынулся табачным дымом и громко сказал, глядя прямо в глаза доктору.

— А не думаете ли вы, уважаемый доктор, что по вашему велению жизнь остановится на месте, так как вы за ней не поспеваете.

Члены комиссии возмущенно переглянулись.

— Это наглость,—воскликнул один из них.

— А высмеивать и оплевывать надежду хлопкоробов—это не наглость?—резко сказал Редькин.—Ведь только из-за недостаточной густоты стояния хлопчатника провалились многочисленные опыты продольно-поперечной механизированной обработки посевов. Суженные междурядья дают нужную густоту. Механизированная обработка ста-

новится вполне возможной. Теперь не за горами день, когда хлопко-роб сдаст кетмень в музей...

— Вы, я вижу, незаурядный трибун,—насмешливо перебил доктор.

— А вы—незаурядный консерватор.

Доктор наук пообедал, достал папиросы, закурил и сказал, не глядя на Редькина:

— Грубость — недостойный аргумент для научного спора. Да нам, собственно, не из-за чего спорить. Дело совершенно ясное. Ваш эксперимент—пустая затея. Так называемая новая агротехника не имеет техники, а значит—не имеет будущего.

— Если победит новая агротехника—будут выпускать и новую технику,—ответил Редькин.

— Ну да, конечно, государство у нас богатое,—вмешался в разговор Дулин.—Всю теперешнюю технику оно по указанию товарища Редькина вышвырнет на свалку и начнет делать новую. Ведь старая техника стоит пустяк—всего каких-нибудь полмиллиарда рублей.

— Зачем же ее выбрасывать, если можно переделать!—громко сказал Саша Хамзин.

Доктор окинул его пренебрежительным взглядом и насмешливо спросил:

— Вы, может быть, имеете уже план переделки?

— Может быть,—зло ответил Хамзин и отошел в сторону.

— Ну, все это шутки,—сказал Дулин,—а пока делайте то, что вам сказали. Срочно организуйте прореживание. Ясно, товарищ Редькин?

— Я не буду этого делать и не допущу, чтобы сделал кто-то другой.

— То есть как это «не допущу»? Вы что, до седых волос дожили, а порядку не научились? Пока что Министерство имеет право распоряжаться подведомственными совхозами и уговаривать вас я не собираюсь.

Редькин выпрямился.

— Меня уговаривать бесполезно,—твердо сказал он.—Но то, что предлагают эти,—он чуть не сказал «господа», но сдержался. Однако и товарищами называть их ему не хотелось. Наконец, он нашел подходящее слово,—то, что предлагают эти ученые деятели—смазывает весь опыт. Опыт начали именно для того, чтобы увеличить густоту стояния хлопчатника, а не для каких-то иных целей, и нарушать сейчас эту густоту было бы, прямо говоря, вредительством.

— Что?—повысил голос Дулин.—Товарищ, Набиев,—повернулся он к директору,—вы способны навести порядок в своем совхозе или нет? Для вас Министерство является еще руководящим органом? Или, может быть, вы думаете, что мы,—он показал на хмурых членов комиссии,—приехали сюда от нечего делать, для забавы, на экскурсию. Потрудитесь сейчас же отдать нужные распоряжения, иначе я... я...

Заместитель министра увидел вдруг прямо перед собой высокую, худую фигуру старого Джурабека, перехватил его горящий гневный взгляд и осекся.

Джурабек не вмешивался в разговор. Он стоял чуть поодаль и внимательно слушал. Глаза его были полужакрыты, над ними низко нависли лохматые брови. Со стороны могло показаться, что он сладко задремал. Ни одна черточка его сухого обветренного лица не шевелилась. Только синяя жила на шее мелко вздрагивала от потока крови, которую нагнетало взволнованное сердце старика. Когда Дулин начал кричать на Набиева, старик вдруг открыл глаза, подошел вплотную к заместителю министра и сказал:

— Ты зачем кричишь? Разве ты здесь хозяин? Мы здесь хозяева,—

Джурабек показал на рабочих совхоза.—Мы эту землю по́том своим полили. Почему же ты нас не спросишь—согласны мы или нет с твоими указаниями? Зачем много веры этим приезжим даешь. Себя глупым делаешь? Никто твои приказы выполнять не станет. Осенью приезжай— вместе посмотрим. Мал урожай будет—сами руки поднимем, наказывай. Большой урожай будет—хорошо. Тогда и другие так же сделают. Стране выгодно, народу выгодно. А сейчас трогать ничего не дам. Не мешайте работать. Уезжайте.

Джурабек повернулся спиной к опешившему Дулину и пошел в поле. За ним двинулись остальные рабочие. Дулин подождал, пока они отошли на приличное расстояние, потом угрожающе сказал, обращаясь почему-то к Редькину.

— Это организованное хулиганство, и вы за него ответите.

Комиссия вместе с Набиевым и Мансуровым уехала. Редькин стоял на краю поля и молча смотрел на удаляющиеся машины. Еще на совещании в ЦК партии Редькин понял, что из-за новой агротехники будет большая битва. Но он не предполагал, что битва эта начнется так скоро и примет такие острые формы. Видно было, что противники суженных междурядий не дремали и не стеснялись в выборах средств. Ведь то, что предложил здесь этот доктор наук, было абсолютно неприемлемо для опыта. В науке существует железный закон — всякий начатый опыт обязательно должен быть доведен до конца. Прекращать его или изменять нельзя ни в коем случае. Можно ли было сейчас прекратить опыт, подорвать у людей веру в новую агротехнику? Ведь ради этой неизведанной еще агротехники, ради бескетменного будущего они добровольно пошли на большие трудности. Обрабатывают посевы только вручную и по заниженным нормам, сами удлиннили рабочий день и отказались от выходных. Им помогают школьники и служащие совхоза. За их участком следят все рабочие. Можно ли так легко и просто погубить в зародыше все это, созданное напряженным трудом целого коллектива?

— Это подлость,—вслух ответил Редькин на свой вопрос.—Настоящая подлость. «Единственный аргумент, за который все они цепляются,— отсутствие нужной техники,—думал он.—Ничего не скажешь—сильный аргумент». Вдруг Редькин вспомнил слова Хамзина. «Что имел ввиду комсорг? Может быть, они уже что-нибудь придумали?» Редькин решил сейчас же поведать Хамзина.

Саша Хамзин не дождался конца спора Редькина с Дулиным и доктором наук, не видел отбытия оскорбленной комиссии. Он вернулся в поле к своему трактору, остановился возле машины и стал задумчиво рассматривать колеса.

Друзья Хамзина в последнее время замечали, что их комсорг стал не в меру рассеян и задумчив. Встанет он возле своего «универсала», глаза прищурит и о чем-то думает, забыв обо всем на свете, думает до тех пор, пока его не окликнут. Тогда он вздрогнет, встряхнется, сядет за руль, включит мотор и поведет вдоль поля свой маленький верткий трактор с культиватором.

А вчера во время обеденного перерыва залез комсорг под свой трактор и залег там, забыв об обеде. Даже ароматный запах горячего наваристого шурпо не смог выманить его из-под машины. Два раза приходил Исаев звать своего друга и оба раза возвращался один. А когда Исаев пришел в третий раз, Хамзин предложил ему:

— Лезь сюда, Нишон.

Маленький, юркий Исаев нырнул под трактор и улегся рядом с приятелем.

Хамзин повернулся к нему.

— Нишон, я кажется кое-что придумал.

— Какое кое-что?—не понял Исаев.

— В общем придумал как наш «Универсал» приспособить для работы на суженных междурядьях. Вот посмотри внимательно, как устроены колеса с внутренней стороны. Видел? Так. А теперь давай посмотрим снаружи.

Друзья вылезли из-под машины. Хамзин показал на заднее колесо трактора.

— А теперь смотри на это колесо. Что ты замечаешь?

— Здесь около оси колеса выпуклые, а с той стороны у них выем.

Вот-вот!—подхватил Хамзин. — Правильно. А теперь подумай, если мы эти колеса перевернем—выпуклой стороной внутрь,—что тогда получится?

— Тогда,—заражаясь волнением друга, сказал Нишон,—тогда расстояние между колесами увеличится.

— Верно. Может быть, это расстояние станет как раз таким, какое необходимо для работы на суженных междурядьях. Понимаешь? Тогда на таком тракторе можно выезжать на участок Джурабека.

Худые, перепачканные в машинном масле щеки Хамзина порозовели, голубые глаза сверкали от возбуждения. Он вытер рукавом рубахи потный лоб.

— Ты молодец, Сашка! — радостно сказал Исаев.—Идем расскажем инженеру. Один трактор с работы снимем и переделаем. Посмотрим, что получится.

— Погоди,—умерил Хамзин порыв своего друга, —в таком деле нельзя спешить. Еще немного подумаем, примерно подсчитаем, а тогда и шум поднимать будем. Ладно?

— Как хочешь, — согласился Исаев...

Хамзин стоял возле своего трактора, вспоминал слова приезжего доктора наук. Комсорг слабо разбирался в тонкостях новой агротехники. На партийном собрании он внимательно слушал сообщение Редькина о совещании в Центральном Комитете Компартии Таджикистана. По просьбе Хамзина, Редькин рассказал о новой агротехнике на комсомольском собрании. Об этой же агротехнике писали все газеты. Писали хорошее и плохое. Статьи эти прочитывались агитаторами вслух на бригадных полевых станах. После них обычно начинался жаркий спор. Сторонники суженных междурядий для подкрепления своих доводов ссылались на опыт бригады Джурабека Асророва.

На его участке стали появляться люди из других бригад, приезжали даже из ближайших колхозов. Они ходили по полю, мяли в руках землю, подсчитывали количество кустов, количество листьев и завязей на кусте. Потом они подолгу беседовали с Джурабеком и что-то записывали. Хлопчатник все хвалили, хотя кое-кто из приезжих сомневался в высокому урожае. Перед отъездом они обещали обязательно приехать еще раз—накануне уборки.

Хамзин видел: люди осторожны с выводами. Они не торопятся признать новую агротехнику, но и не осуждают ее, не отвергают. Они мало верят словам и ждут результатов опыта. Хамзин знал также, что если даже опыт закончится удачно, все равно к массовым посевам по суженным междурядьям не удастся перейти до тех пор, пока старая техника не будет переделана и приспособлена к работе по-новому.

Вот почему Хамзин так упорно и настойчиво обдумывал всевозможные варианты переделки трактора. Вчера совершенно случайно он решил перевернуть колеса. Если после этого между ними окажется нужное расстояние—значит тогда надо переделать еще и культиватор. А как его переделать?

Хамзин задумчиво разглядывал культиватор и не слышал как пошел Редькин.

— Колдуешь, что ли?—весело спросил агроном.

— Колдую, Владимир Константинович,—ответил комсорг.

— Ну и чего ты наколдовал?

Хамзин внимательно посмотрел в загорелое обветренное лицо главного агронома. Под глазами у него набрякли мешочки, глубокие морщины залегли вокруг рта. Лицо пожилого, чертовски уставшего человека.

Все в совхозе знали, что никто раньше Редькина не выходил в поле и вряд ли кто позже него возвращался домой. Его много лет подряд приглашали на работу в научно-исследовательский институт хлопководства, в Министерство, предлагали ему место преподавателя в сельскохозяйственном институте. Он не соглашался. И причина была одна: он не понимал и не принимал другой жизни, кроме той, которую вел. Двадцать лет бесценно работал он главным агрономом совхоза. За это время здесь десятикратно возросли посевные площади, были апробированы новые сорта хлопчатника, затмившие прославленного «египтянина». А, главное, за эти годы выросли новые люди, для которых интересы дела были дороже всего.

Привязанность к любимому труду—самая сильная людская привязанность. Человек без нее похож на птицу с подрезанными крыльями. Ему не хватает высоты, воздуха, света. Это хорошо понимал Владимир Константинович Редькин, и отклонял всевозможные предложения о переходе на другую работу.

Хлопок был его стихией. Августовским теплым утром войдет, бывало, агроном в зеленое море хлопчатника, усыпанное белыми хлопьями раскрывшихся коробочек. Войдет и остановится, позабыв обо всем на свете. Колышется на легком ветру безбрежное море, сияют под солнцем белые хлопья на гребнях зеленых волн и кажется Редькину, что плывет он, и даже не плывет, а летит, высоко летит над зеленым морем. И ему с высоты хорошо видна вся Вахская долина, расчерченная на ровные квадраты хлопковых полей. И всюду на хирманах высятся белоснежные груды хлопка. Это самый лучший и высокоурожайный хлопок мира—советский тонковолокнистый. Таким его сделали ученые-селекционеры, колхозники, агрономы и вместе с ними вложил свою долю труда коммунист-агроном Владимир Константинович Редькин.

Эти минуты были самыми счастливыми в его жизни. Подойдет он к кусту, вынет из коробочки белоснежную дольку хлопка и положит на свою широкую грубую ладонь будто крохотного белокрылого птенца. И тогда исчезнет с лица агронома выражение усталости, разгладятся морщины, засияют глаза и на обветренном лице появится счастливая улыбка.

— Когда совсем одряхлею, — говорил Редькин своим друзьям, — уйду на пенсию. Будет у меня участок земли и буду я на нем со старухой новые сорта хлопчатника выводить. А на досуге напишу книгу о хлопкоробах. Это замечательные люди, великие труженики и смелые преобразователи. О них давно уже надо бы написать целую эпопею вроде «Тихого Дона»...

Хамзин смотрел в усталое лицо Редькина и ему до боли стало жалко старика. Захотелось развеселить его, увидеть у него в глазах веселый, озорной блеск. Он сказал:

— Я, Владимир Константинович, кое-что придумал,—насчет переделки трактора на суженные междурядья.

Редькин вынул трубку изо рта, глянул на Хамзина и приказал:

— Выкладывай, но не торопись.

Хамзин рассказал. Редькин слушал внимательно. Трубка потухла у него в зубах. Он не заметил этого. Когда Хамзин закончил свой рассказ, агроном взволнованно сказал:

— Прimitивно, просто, но, по-моему, умно, даже очень умно. Молодец. Для кое-кого это будет как гром среди ясного неба. После рабо-

ты прошу ко мне в кабинет. Я приглашу главного инженера и главного механика.

Вечером в кабинете Редькина собрался своеобразный техсовет. Главный инженер принес схемы устройства трактора «Универсал», приколол их к стене. Хамзин давно так не волновался, как в этот вечер, когда стоял перед развешенными на стене схемами и рассказывал о придуманном им способе переделки трактора.

Вопросов не было. Инженер взялся за расчеты. Все молча следили за его карандашом, который торопливо сеял на бумаге ряды цифр. Наконец он закончил свою работу и поднял голову от стола.

— По-моему, Хамзин прав,—сказал инженер. — Это великолепное предложение. Надо заручиться согласием Набиева и можно поставить трактор Хамзина на переделку. Я думаю, что переделку можно закончить в течение нескольких дней.

— Вполне возможно,—подтвердил главный механик.

— Хорошо, — закончил это неофициальное совещание Редькин.—Я с директором переговорю. А вы, друзья, подумайте о культиваторе. Ведь если даже переделка трактора окажется удачной, он все равно без культиватора в поле не выйдет.

В этот вечер Набиев не появлялся в своем кабинете. До самых сумерек просидел он с Дулиным и доктором наук за обеденным столом. Гости пили и ели неспеша, неторопливо беседовали. Больше всех говорил Дулин.

— На днях звонил Министр хлопководства Союза. Он сказал, что они на коллегии рассматривали предложения Таджикистана о новой агротехнике и пришли к единодушному мнению о надуманности и бесполезности этих предложений. Коллегия решила прекратить опыты. У нас в ЦК не согласились и направили в ЦК КПСС объемистую докладную с подробным описанием всех проведенных опытов.

— А наше отделение СоюзНИХИ,—включился в разговор доктор наук,—тоже послало обширную записку в Москву—только с противоположными выводами. Думаю, что нынешний год станет похоронным для всех этих доморощенных новаторов.

Дулин махнул в рот рюмку коньяка и окрепшим голосом сказал:

— Конечно, нам, организационным работникам, пока нельзя высказываться против новой агротехники. Все мы ходим под своим ЦК и перечить ему было бы неумно. Раз-два и тебе сделают обрезание. Надо выдвигать объективные причины и—главную из них—отсутствие техники, а вследствие этого увеличение затрат ручного труда, удорожание продукции.

— Когда вся эта затея провалится, ее инициаторам, конечно, не поздоровится,—снова вступил в разговор доктор,—и не дай бог, вам, товарищ Набиев, попасть в число этих инициаторов. Большие руководители—я имею в виду ЦК и Совет Министров республики—может быть сумеют вывернуться, а вот тем, кто рангом пониже, придется туго. Знаете, как говорит старая пословица, «Паны дерутся, а у холопов чубы трясутся...»—и он громко захохотал.

Гости уехали поздно вечером. Набиев проводил их, вернулся в дом. Жена убирала посуду. Набиев подсел к столу, придвинул недопитую бутылку коньяку и блюдец с ломтиками лимона. Он выпил рюмку коньяка, пососал лимон.

Потом Набиев приказал жене говорить всем, что его нет дома, прошел в другую комнату, лег на диван и закрыл глаза. Но сон не приходил. Набиев стал вспоминать происшедшее за день.

«Чорт их всех разберет с ихней агротехникой,—думал он.—Одни говорят—смелей ее поддерживайте, другие кричат—откажитесь от нее. В этом споре не разберешься до тех пор, пока не взвезят урожай с опытных участков. Если уж откровенно говорить, то хлопчатник на

опытных участках развивается не только не хуже, а даже лучше, чем на других полях. Это я видел сегодня сам. Значит Дулин и доктор умышленно не увидели этого. И как мог этот доктор наук додуматься прорезивать сейчас хлопчатник? Хорошо, что в дело вмешался Джурабек. Если бы не он, Редькину пришлось бы очень плохо, а со стариком какой разговор. Правда, я обещал сурово наказать Джурабека и подать представление в Министерство об отзыве Редькина. Но не всякое обещание выполняется. Надо ждать и— снова ждать...»

Эти мысли немного успокоили Набиева, и он уснул.

Утром по дороге в контору директор вспомнил все, что говорили за ужином Дулин и его спутник. Набиев осудил их в душе.

«Мелкие люди, хотя и занимают высокие посты, из кожи лезут, чтобы угодить начальству. Разве они не видели, что хлопчатник на участке Джурабека хорош? Видели, но это не помешало им накинуться на Редькина и на бригадира. А в каком дурацком положении оказался я сам. Послушаться Министерства и СоюзНИХИ—значит покривить душой, противопоставить себя ЦК партии. Поступить наоборот—значит поссориться с Министерством. Идешь как по жердочке над пропастью. Влево оступишься—разобьешься и вправо оступишься—разобьешься. Надо посоветоваться с Буриевым. Он ближе к верхам, ему виднее».

Набиев позвонил в райком партии Буриеву. «Хотел бы приехать к тебе кое о чем посоветоваться»,—сказал он.—«Давай только поскорей, а то у нас в двенадцать совещание»,—ответил Буриев.

— Позвоните в гараж, вызовите мою машину,—сказал он секретарше и стал обдумывать предстоящий разговор с Буриевым.

Вошел Редькин. Он был возбужден, весело улыбался. Поздоровавшись с Набиевым, сказал:

— У нас сегодня праздник. Есть возможность нашему совхозу отличиться и завоевать, так сказать, всесоюзную известность и всенародную признательность.

— Мы уж вчера отличились,—буркнул Набиев.—Теперь не знаю как выпутываться.

— Пустяки,—отмахнулся Редькин.—Вчерашняя баталля бессила омрачить сегодняшний праздник.

Набиев редко видел главного агронома в таком приподнятом состоянии.

— Что случилось?—спросил он, озадаченно глядя на Редькина.—Какой у вас сегодня праздник?

Редькин подробно рассказал о предложении Хамзина.

— Ну это еще только предложение,—холодно произнес Набиев.—Мало ли что взбредет мальчишке в голову. Надо посоветоваться с механизаторами.

— Уже посоветовались. Главный инженер и главный механик одобрили эту идею. Нужно лишь ваше согласие и трактор Хамзина поставят на переделку.

Набиев молчал. Он рассчитывал до разговора с механизаторами посоветоваться с Дулиным и Буриевым. А оказывается механизаторы уже в курсе дела и одобряют это предложение. «Обскакал старый шайтан», неприязненно подумал Набиев о Редькине. Вошла секретарша и сказала, что машина готова.

— Меня срочно вызывают в райком партии,—объяснил Набиев, направляясь к двери.—Вернусь, тогда соберемся и решим.

После возвращения из райкома партии Набиев вызвал Редькина.

— В принципе,—сказал он, не дожидаясь когда агроном сядет,—я не против попытки переделать трактор по предложению Хамзина. Но не сейчас. Надо, во-первых, посоветоваться с министерством. Но это не главное. Главное—у нас затягивается обработка хлопчатника

и снять сейчас трактор с обработки, отвлечь силы механизаторов на переделку я не могу.—Лицо Редькина стало суровым. Он полез в карман за трубкой. Набиев понял—неприятного разговора не избежать и повысил голос.—Вот так. Все решено и прошу больше не надоедать мне с этим. И предупредите Хамзина, если он станет партизанничать, я не остановлюсь ни перед чем. Ясно?

Директор придвинул папку с бумагами и принялся внимательно изучать какой-то документ, всем своим видом показывая, что разговор окончен и Редькину пора уходить. Но агроном не спешил покинуть директорский кабинет. Он выбил трубку о дно пепельницы, набил ее табаком и долго молча курил. Набиев искоса наблюдал за ним. Откровенно говоря, он немного побанвался своего главного агронома. Прямолинейный и резкий человек. Он не раз ставил Набиева в трудное положение.

В кабинет вошел секретарь парткома Мансуров. Он сразу определил по лицам Редькина и Набиева, что между ними происходит неприятный разговор. Мансуров старался не участвовать в таких разговорах. Молчать ему не позволяла должность, высказываться он боялся, а вдруг скажешь не то и не так, как хочется директору. Безошибочно определив грозную атмосферу директорского кабинета, парторг решил немедленно ретироваться и, пробормотав «Зайду позже», повернулся к выходу. Но уйти ему не удалось. Густой хриплый бас Редькина догнал его у дверей.

— Напрасно уходите, товарищ Мансуров. Ваше присутствие очень желательно. Речь идет о переделке одного трактора по предложению Хамзина. У вас главный механик был сегодня и вы в курсе дела.

Главный механик действительно был у Мансурова. Он сделал это по предложению Редькина во время отсутствия Набиева, Мансуров ничего определенного механику не ответил,—сказал только свое излюбленное «Разберемся, посоветуемся». Он и пришел сейчас к директору за советом.

Застигнутый врасплох возгласом Редькина, парторг вернулся. Он сел на диван рядом с агрономом и сказал бодрим голосом:

— Ну что же, товарищ Редькин, если речь идет о предложении Хамзина, я с удовольствием приму участие в вашем разговоре.

— Разговор-то у нас вроде уже закончился,—объяснил Редькин.—Товарищ Набиев не разрешает никаких переделок. Он предлагает, как я понимаю, отложить переделку до зимы, до ремонта тракторов. А как ты на это смотришь со своей партийной колокольни?

— Я думаю, что директор прав,—твердо и не задумываясь ответил Мансуров.—Сейчас снять трактор с обработки даже на неделю—это потерять сотню гектаров культивации. А осенью можно провести переделку без ущерба для совхоза. Не понимаю, зачем в этом деле пороть горячку.

— Что ж ты вчера не сказал этих слов комиссии, когда они шумели?—резко проговорил Редькин и встал.—Не прикидывайся наивным существом...

— Я попрошу, товарищ Редькин, думать над тем, что вы говорите,—перебил его Мансуров и тоже встал.

— А я попрошу меня не перебивать,—загремел в полную мощь бас Редькина,—вы прикидываетесь простачком, хотя отлично понимаете, что сейчас идет жесточайшая борьба за новую агротехнику. И главным козырем в руках ее противников является отсутствие необходимой техники. Чем скорее будет найден путь переделки техники, тем скорее победят суженные междуурядия. Это вы тоже прекрасно понимаете. Поэтому говорите прямо—вы за новую агротехнику, за пере-

делку трактора или против. За или против? Ясно? Другой позиции, сколько ни ищите—не найдете.

Редькин стоял против Мансурова. Левое веко у него дергалось, лицо покраснело.

— Вам пора на пенсию, Владимир Константинович,— неожиданно мягко сказал Набиев.—Вы совсем перестали владеть собой. Вчера поскандалили с заместителем министра. Сегодня вы готовы обвинить во вредительстве директра и парторга совхоза. Получается, что только вы один болеете за советскую власть. Ошибаетесь, дорогой, ошибаетесь. Другие тоже болеют за советскую власть.

Набиев передохнул и стал рассказывать о том, каким был совхоз имени Дзержинского, когда он его принимал и каких успехов добился совхоз под его руководством.

Редькин молча присел к столу, взял лист бумаги и начал торопливо писать. Когда Набиев закончил свой рассказ, Редькин поднялся и протянул Мансурову исписанный лист.

— Вот мое официальное заявление в партком. Я прошу немедленно созвать партийное собрание и обсудить там вопрос о перedelке техники. Если вы откажетесь созывать собрание, я завтра же выезжаю в Сталинабад, добьюсь приема у первого секретаря ЦК партии и... ну и тогда увидим кому из нас пора на пенсию.

Мансуров вопросительно взглянул на Набиева. Тот чуть заметно кивнул головой. Парторг кашлянул и мягко сказал.

— Мы рассмотрим ваше заявление на парткоме и решим, есть ли нужда в созыве общего собрания. Партком состоится через два дня. Мы...

Редькин больше не стал слушать парторга и, хлопнув дверью, вышел из кабинета.

— Я говорил о нем с Дулиным. Он обещал отозвать Редькина и направить на укрепление в хлопкосовхоз имени Кирова. Думаю, что это случится очень скоро,—сказал Набиев, глядя на дверь, за которой только что скрылся разъяренный агроном.

...Редькин действовал быстро и решительно. Через полчаса его «газик» остановился у дверей райкома партии. В приемной Редькину сказали, что Паромов заболел и лежит дома. Редькин, не раздумывая, поехал на квартиру Паромова.

Дверь открыла девочка лет четырнадцати, видимо, дочь Паромонова. Она сказала, что Николай Петрович дома, лежит в постели.

— Голубушка моя,—стал просить Редькин,—поди скажи, что к нему хочет пройти усатый дядька, агроном совхоза. Дело, скажи, очень важное, государственное.

Девочка ушла и вскоре вернулась.

— Идите. Папа велел пустить вас.

Паромов полулежал в постели, прижимая к боку голубую грелку. На тумбочке стояли пузырьки с лекарствами, лежали газеты, журналы и папка с бумагами. Лицо Паромова слегка пожелтело, глаза запали.

Паромов привстал, протянул руку навстречу вошедшему.

— Простите, Николай Петрович,—смущенно забасил Редькин,—великодушно простите за беспокойство. Не думал я, что вы в таком состоянии. Ишь как она вас прижала, проклятая. Так что вы извините. Я лучше загляну в другой раз.

— Никаких других разов, Владимир Константинович. Садитесь. Сгоните со стула кота и садитесь. Вот так. Расскажите, что у вас нового. Жена ко мне третий день никого не пускает. И почту предупредила, чтобы телефон мой ни с кем не соединяли. Вам повезло, что она вышла. А дочка ее наказ не соблюла, она у меня демократичная

особа. В комсомол недавно приняли. Ну, что у вас хорошего, рассказывайте.

Редькин, чтобы не утомлять больного, начал рассказ прямо с предложения Хамзина о переделке трактора. Николай Петрович слушал внимательно, задал несколько вопросов. А когда Редькин рассказал о разговоре в кабинете Набиева, Паромов отложил грелку и, поморщившись, сел на кровати. Потом он достал из-под подушки пачку папирос и закурил. Поощренный его вниманием, Редькин рассказал о приезде в совхоз Дулина, о столкновении на опытном участке Джурабека. Закончив свой рассказ, Редькин снова было начал извиняться, но Паромов перебил его:

— Сколько дней займет перестановка колес и переделка культиватора?

— Механизаторы обещают в неделю. У нас в мастерских почти все комсомольцы, а они народ с огоньком. Сделают.

Паромов подошел к столику с телефоном и попросил вызвать директора совхоза имени Дзержинского.

— Здравствуйте, товарищ Набиев. Это Паромов. Ничего, уже лучше. Спасибо. Хорошо. Поздравляю тебя от души. Как с чем? Не скромничай, брат, не скромничай. Ты же первым в республике нашел способ переделки тракторов для работы на узких междурядьях. Это замечательно. Вы поставили на переделку пока только один трактор Хамзина? Нет, хватит пока и одного. Надо за неделю управиться. Обязательно. Как закончите—звони, сам приеду. В ЦК я сегодня же позвоню. Думаю, что и секретарь ЦК примет участие в этом торжестве. Это же победа. Ну, спасибо, порадовал. Бывай здоров. Желаю успеха.

Редькин не ожидал ничего подобного. Он долго, благодарно тряс руку секретарю райкома.

После его ухода Паромов позвонил Турсуну Шарипову. Он коротко рассказал ему о предложении Хамзина, об обстановке в совхозе.

— Ты вот что, Турсун,—закончил он разговор.—Поезжай завтра же в совхоз и оставайся там до конца переделки.—Иди к механизаторам, там же почти все рабочие мастерских—комсомольцы. Мобилизуй их, зажги, чтобы ребята по-комсомольски взялись за дело и не позже чем через неделю закончили переделку трактора и культиватора. Понял? Тогда действуй. Желаю успеха.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Целую неделю провел Турсун в совхозе. А когда он вернулся, бюро райкома партии командировало его в колхоз «Рохи Ленин». Там срывался план заготовки кормов, нужны были срочные и энергичные меры.

Центр Пахтаабадского района—город Пахтаабад—был расположен на левом берегу реки Вахш. Земли этого района тянулись по левобережью, и лишь уголья колхоза «Рохи Ленин» раскинулись на правом берегу реки.

Этот колхоз считался отдаленным в районе. До него надо было ехать не менее шестидесяти километров. Двадцать из них—в противоположную сторону к единственному мосту через Вахш, а оттуда—еще сорок километров по разбитой проселочной дороге. Путь в колхоз занимал два дня. Причем, половина этого времени уходила на ожидание попутных машин.

Правда, имелся еще один путь. Надо было проехать пятнадцать километров левым берегом Вахша, переправиться на пароме через реку, а там до колхоза—рукой подать...

Турсун избрал второй путь. До парома он доехал на попутном грузовике. В чайхане, возле переправы остановились позавтракать, и здесь узнали, что паром не работает уже двое суток, ремонтируется. Когда начнет работать—точно неизвестно, возможно, дня через два-три. Шофер, с которым приехал Турсун, нимало не огорчился, услышав об этом. «Постоим, отдохнем денек,—сказал он,—а там видно будет. Не починай—назад вернемся, починай—переправимся».

Турсун не мог и не хотел целых два дня ждать парома. Возвращаться назад и ехать в колхоз окружным путем тоже не хотелось: на это уйдет больше двух дней. Турсун ругнул себя за то, что не позвонил предварительно в колхоз и не узнал, работает ли паром. Но от этого не стало легче. Нужно было искать выход из создавшегося положения.

Турсун вышел из чайханы и направился к реке. Он остановился на краю причала. Перед ним Вахш катил свои мутные, с красноватым оттенком воды. Река в этом месте разливалась широко, но течение ее было так стремительно, что глаз едва посмел следить за случайными предметами, оказавшимися в воде. Кое-где над водой возвышались верхушки каменных глыб. Вода кипела вокруг—набрасывала на камни пенные воротнички. Навстречу течению дул прохладный ветер, ершил волны и они покрывались белыми гребешками.

На высоком противоположном берегу виднелись какие-то строения, возле них стояли автомашины. Турсун вспомнил: это придорожная чайхана. Мимо нее проходила дорога в южные районы республики. Шофера не упускали возможности остановиться у этой чайханы, чтобы передохнуть, попить зеленого чая, съесть тарелку горячего и острого шурпо.

Турсун смерил взглядом расстояние до противоположного берега. Метров триста не больше. А это не так уж много. Когда-то в институте он считался хорошим пловцом и быстрее всех проплывал вольным стилем стометровку. Три стометровки и он будет на той стороне. Это займет десять-пятнадцать минут. Пятнадцать минут пребывания в холодной воде, но зато он сэкономит двое суток и попадет на комсомольское собрание, которое состоится в колхозе сегодня вечером. Турсун внимательно осмотрел реку. Ох и холодна же, наверно, в ней вода! От этой мысли он зябко поежился, хотя температура воздуха была не ниже сорока градусов. После недолгих раздумий Турсун решил переплыть Вахш.

Он разделся, свернул белье в узел, стянул его ремнем и привязал к шее. Возле причала появились водители, пассажиры. Они с любопытством следили за Турсуном. Потом один не выдержал и спросил:

— На тот берег плыть хочешь?

— Да.

— Не доплывешь. Вода как лед, судорога схватит.

— В реке много водоворотов и подводных камней. Закружит или разобьет. Глупая затея,—добавил другой.

Турсун остановился у воды. Пощупал ее ногой. Вода действительно была очень холодной. Сумеет ли он в такой воде проплыть триста метров? Одолеет ли быстрое течение? А вдруг он попадет в водоворот или налетит на камень?

Пока он стоял у воды и раздумывал, собралась толпа,—пришли все, кто сидел в чайхане.

— Еще никто не переплывал здесь реку,—сказал старый чайханщик.—Тут и лошадь не осилит.

— А он и не поплывет!—услышал Турсун девичий голос.—Это он просто так, порисоваться вздумал. Сейчас в водичку окунется и выскочит.

— Нет, не выскочу!—весело откликнулся Турсун.—Не боги горшки обжигают!—И шагнул в воду.

— Сумасшедший!—крикнул какой-то старик.

Вода и в самом деле оказалась очень холодной. Турсун почувствовал легкий озноб. «Надо вернуться,—мелькнула мысль,—вода холодная, судорога стянет мышцы,—пропаду». Но за спиной стояли люди и эта незнакомая девушка. Глубоко вздохнув, он сделал несколько торопливых шагов и бросился в воду. Могучее течение сразу подхватило его и понесло. Турсун поплыл размашистой саженкой и вскоре добрался до середины реки.

Этот стремительный бросок утомил его. Руки ослабели, дыхание стало частым и неглубоким. Надо было передохнуть. Он перестал грести и только слегка шевелил руками, чтобы удержаться на поверхности. Течение быстро несло его к противоположному берегу. И вдруг он увидел неподалеку голую отпалированную верхушку скалы. Судя по верхней части, она была огромной. Волны кипели, разбиваясь о скалу.

Турсун слишком поздно заметил все это, обойти скалу было уже невозможно. Он на мгновение растерялся, но тут же взял себя в руки. И—вовремя: еще секунда, и река с бешеной силой ударила бы его о скалу. Турсун резко повернулся, вытянул руки и уперся в скользкий бок скалы. Вокруг бешено забурлила вода, его подкинуло вверх, повернуло. С каждой секундой течение напирало все сильнее, и когда он почти обогнул скалу, руки у него сорвались. Турсун сильно ушиб правое плечо, но — опасность миновала и он облегченно вздохнул. Эти несколько секунд борьбы вымотали его. Снова была нужна передышка. Турсун глубоко вздохнул, ослабил мышцы и неподвижно распластался на воде, сносившей его к берегу. Там уже толпилось много людей. Они следили за пловцом, взволнованно переговаривались. Вдруг какой-то паренек в бархатной тюбетейке закричал:

— Смотрите, водоворот!

Толпа зашумела. С каждой секундой Турсун приближался к огромному водовороту, с глубокой воронкой посредине.

— Э-эй!—закричали сразу несколько человек.—Берегись! Но из-за шума реки пловец не услышал этих криков.

В это время на берегу остановился «газик», оттуда вышел Паромов. Люди узнали его, расступились, пропустили вперед. Глянув на реку, Николай Петрович сразу понял в чем дело.

— Лодка есть? — спросил он.

— Лодки нет,—ответил заведующий чайханой.

— Ну плот, корыто, бревно, что-нибудь плавучее есть?

— Ничего нету.

— Погибнет человек. Давайте крикнем все вместе. Дружно. Ну,

— Бе-ре-ги-сь!! — прогремело над рекой.

Турсун услышал крик. Поднял голову, зашевелил руками. Но было уже поздно. Какая-то сила вдруг подхватила его и понесла в сторону от близкого берега. Турсун с силой взмахнул руками—безрезультатно. Его все несло и несло. Описав полный круг, Турсун понял, что попал в ловушку. Его неумолимо влекло в широко раскрытую, холодную пасть водоворота. Там — смерть, — он знал это.

Мысль о смерти на мгновение ошеломила, парализовала его. Но в тот же момент молодой, сильный организм взбунтовался. Умереть в полуста метра от берега, умереть так нелепо и бессмысленно — с этим не хотели мириться ни разум, ни тело. Но думать над выходом из создавшегося положения было некогда. И тогда на смену рассудку пришел инстинкт самосохранения.

Набрав полные легкие воздуха, Турсун взметнулся вверх. Его гибкое смуглое тело почти совсем вылетело из воды, перевернулось и из-

чезло в реке. Турсун нырнул, чтобы пробить под водой стенку воронки и уйти от смерти. Вынырнул он у самого края водоворота. Надо было сделать еще один рывок и водоворот остался бы за спиной, но Турсун замешкался, отплываваясь и жадно глотая воздух. Эта секунда решила все. Снова водоворот подхватил его и понес по кругу—все ближе и ближе к воронке. Турсун отстегнул ремень, бросил в воду узел с бельем, но водоворот не выпускал своей добычи.

— Живо веревку! — крикнул Паромов своему шоферу, — разыщи у водителей. Только быстро!

Турсун израсходовал много сил на первый бросок. О передышке нечего было и думать. Все решали секунды. Описав два полных круга, он снова набрал полную грудь воздуха и нырнул. На этот раз он не дотянул до края водоворота. Его снова потянуло по кругу.

Турсун сильно ослабел. «Неужели конец—мелькнула лихорадочная мысль,—и такой глупый». В туманящемся сознании вдруг всплыл яркий образ матери. Она что-то говорила ему, но он не мог ее слышать из-за шума воды. Потом появилась Зухра и тут же рядом—Лютфи. Они обе улыбались, звали его куда-то. — Что это? — холодея подумал Турсун. — Неужели смерть? Нет! Надо жить!

Собрав все свои силы, он снова нырнул. Он бешено работал руками и ногами, и уходил все дальше и все глубже.

Кончился запас воздуха, грудь разрывало от острой боли, нечем было дышать, а он все продолжал погружаться. В глазах у него вспыхнули желтые круги, он глотнул грязной студеной воды, теряя сознание, рванулся вверх.

Река с глухим шумом вытолкнула Турсуна далеко за линией водоворота. Он слабо барахтался в воде и жадно дышал. В ушах у него звенело, ломило голову, из носа текла вода. Он уже не плыл, а с трудом держался в воде. Его несколько раз накрывали волны. Он не сопротивлялся—лежал на воде и жадно хватал губами воздух. И все-таки он не тонул,—не давал себе утонуть, бессильно и бессмысленно размахивая руками.

Река, которая чуть не утопила Турсуна, стала его спасительницей. Быстрое течение все ближе и ближе прибывало его к берегу. Вот уже ноги Турсуна коснулись камней. Еще секунда и он стоял на скользком каменистом дне. Течение валило его, он падал, глотал воду, вставал и снова шел. На берегу он рухнул лицом вниз и замер.

Вскоре неподалеку послышались голоса. Турсун поднял голову и увидел бегущих к нему людей. Он с трудом встал. Вдруг кто-то крепко обнял его. Над самым ухом раздался взволнованный голос Паромова:

— Турсун, дорогой...

Он снял белый чесучовый пиджак накиннул на мокрую спину Турсуну и повел его к машине. Прошло не меньше часа, прежде чем Турсун оправился от потрясения. Он попросил закурить.

— Куда мы едем? — спросил он.

— Домой. Тебе же нужно одеться. Неудобно секретарю райкома голышом шествовать перед молодежью,—ответил Паромов.

Снова наступило молчание. Оно угнетало Турсуна. Внезапно Николай Петрович повернулся к нему и спросил:

— Ты знаешь, что наделал сегодня?

Турсун опустил голову и ничего не ответил.

Паромов закурил.

— Смелость и решительность, — сказал он, — должны быть у каждого коммуниста и комсомольца. Партия всегда воспитывала их в таком духе. Но партия категорически осуждает лихачество и безрассудство, приравнивает их к преступлению. То, что ты сделал сегодня, можно назвать только безрассудством. — Паромов несколько раз за-

тянулся, окутался дымом. — Коммунист должен быть готов в любую минуту отдать свою жизнь во имя дела Партии, во имя счастья Родины. А ты во имя чего хотел отдать свою жизнь Вахшу? во имя чего, я тебя спрашиваю? — Голос Паромова зазвучал холодно, твердо. — Кто дал право коммунисту Шарипову рисковать своей жизнью. Разве для этого партия пятнадцать лет учила тебя, доверила руководство районной организацией комсомола? Разве ты забыл, что, принимая партийный билет, ты отдал твои знания, ум, жизнь, — все отдал партии? Как же ты посмел так поступить?

Турсун еще ниже опустил голову. Он понимал, что Паромов прав и от этого еще тяжелее становилось на душе. Потом он прямо и открыто глянул на Паромова и негромко, с усилием сказал:

— Виноват, Николай Петрович, простите. Это больше никогда не повторится...

Паромов больше ничего не сказал. Турсун тоже молчал. Ему казалось, что теперь Николай Петрович навсегда разочаровался в нем. И это угнетало. Когда въехали во двор дома, где жил Турсун, Паромов сказал:

— Сегодня сиди дома, — отоспись, отдохни. А завтра в шесть утра за тобой заедет мой шофер и отвезет тебя в колхоз «Рохы Ленин». Ну, лети пулей, чтобы никто не видел твою голую фигуру...

— Спасибо, — дрогнувшим голосом произнес Шарипов.

Но выехать ему в этот колхоз не пришлось. Вечером пришла Любушка. Она сказала, что приехал инструктор обкома комсомола Шукуров и велел немедленно отозвать Турсуна из командировки.

— Я позвонила в «Рохы Ленин», — торопливо рассказывала Любушка, — а мне сказали, что тебя нет. Паром, говорят, не работает, и я решила, что ты вернулся домой.

Инструктор обкома комсомола Шукуров оказался худощавым энергичным парнем лет двадцати шести. Волосы у него взъерошенные, глаза — живые и веселые, голос густой, старшинский. Шукуров пришел в райком комсомола задолго до начала рабочего дня, расположился в кабинете Шарипова, торопливо просматривал протоколы комсомольских собраний первичных организаций и делал пометки в своем блокноте.

Инструктор, не вставая, протянул Шарипову руку.

— Салом алейкум. Как поживаешь? Садись.

— Салом, — откликнулся Турсун. — С приездом. Как самочувствие? — Он глянул на разбросанные по столу бумаги, сел и закурил. Шукуров закрыл блокнот и сказал:

— Что-то у вас нескладно получается, товарищ Шарипов. Говорите, что уехали в колхоз, а сами сидите дома, книжки почитываете. Это, по-моему, не солидно для первого секретаря.

Турсуну не понравился ехидный тон Шукурова и он ответил угрюмо.

— Я за солидностью не гонюсь.

— Зря, — Шукуров встал, сунул руки за ремень гимнастерки. — Зря не гонитесь. Ну об этом мы еще поговорим. Расскажите, где ваши люди, чем занимаются, — короче говоря, над чем сейчас работает райком.

Турсун стал рассказывать. Шукуров слушал и время от времени делал записи в блокноте. Потом он сказал:

— Ну, что ж. Все ясно. А что не ясно — сами разберемся. Теперь давайте займемся делом. Надо срочно отозвать из колхозов всех работников аппарата. Чтобы сегодня же они были здесь. Завтра утром я их проинструктирую, разошлем всех и сами уедем. Бюро обкома решило проверить организацию летнего отдыха детей колхозников. Ясно, друг? Давай команду завучетом, пусть сядет на телефон, разыщет всех

работников и скажет, чтобы они возвращались. А мы подумаем, кого еще из актива можно привлечь к этому делу.

Шукуров раскрыл блокнот, написал столбиком цифры от единицы до десяти и выжидательно посмотрел на Шарипова.

Турсун сказал:

— По-моему, отзывать наших работников не нужно. Исаева готовит вопрос на бюро. Султанов выехал в колхоз «Коммунизм». Там хлопчатник погибает от сельхозвредителей. Ему поручено создать комсомольские и пионерские отряды по борьбе с вредителями и помочь правлению в спасении урожая. Заведующая школьным отделом находится в колхозном пионерском лагере. Это у нас первый лагерь и она там помогает наладить работу. Все они только позавчера выехали. К чему же их отзывать? Во-первых, мы можем сообщить им по телефону о задании обкома и они попутно займутся этим делом. А, во-вторых, мы и без них обойдемся за счет членов бюро и активистов.

— А, в третьих, товарищ Шарипов, — сказал Шукуров, вставая, — в третьих, пора уже привыкнуть к дисциплине. Я вам говорю от имени бюро обкома, а бюро — высший орган областной комсомольской организации. Вы же Устав прекрасно знаете. Так что, будьте добры, выполняйте его, а не философствуйте.

Турсун тоже встал.

— Послушайте, товарищ инструктор обкома, не кажется ли вам что командный тон не совместим с принципами комсомола. По-моему, многие работники обкома больны манией величия. Только и слышишь: «Я сказал», «Выполняйте», «Делайте». Вы же должны учитывать местные условия, считаться с мнением низовых работников.

— Не читайте мне мораль, товарищ Шарипов. Скажите прямо — вы намерены выполнять решение бюро обкома о проверке организации летнего отдыха детей колхозников?

— Намерен и буду его выполнять.

— Тогда делайте как вам говорят.

— Нет, этого я не буду делать.

— Не будете?

— Нет, не буду.

— Хорошо. Вызовите мне обком комсомола.

Турсун позвонил по телефону и заказал срочный переговор с обкомом комсомола. Минут через десять телефонистка сообщила, что обком на линии.

— Дайте мне возможность поговорить с обкомом, — сказал Шукуров, положив руку на телефонную трубку. Турсун пожал плечами и вышел из кабинета. Его глубоко возмутило поведение Шукурова.

На улице Турсун столкнулся с директором Дома пионеров. Она пригласила его посмотреть экспонаты, которые направлялись на областную выставку юных техников. Турсун пошел с ней.

В райком комсомола он вернулся только через полтора часа. Шукуров по-прежнему сидел в его кабинете и разговаривал с Немцовой. Увидев вошедшего Турсуна, Любушка сказала инструктору:

— Вот вы ему и скажите об этом, товарищ Шукуров. Я отвечаю за учет, а не за подготовку вопросов на бюро.

— Придет время — скажем, — буркнул Шукуров. — Идите, я не держу вас больше. Ну, что ж, Шарипов, давайте ваш актив, разошлем их по колхозам, а сами поедем в колхоз Ленина.

— Я там бывал уже много раз. К тому же секретарь комсомольской организации Мусо Юсупов — член бюро райкома. Он и без меня все вам покажет и все сделает. Я поеду в «Рохи Ленин», — там в этом году еще никто из наших работников не был. Да и райком партии поручил мне помочь правлению в заготовке кормов.

Шукуров не стал спорить.

Когда Шарипов вернулся из колхоза «Рохи Ленин», ему сказали, что Шукуров вчера выехал в обком. Перед отъездом он беседовал со всеми райкомовскими работниками о делах райкома, а, главное, о Турсуне. Расспрашивал как ведет себя секретарь в быту, как относится к работникам аппарата, как проводит бюро.

— Это его право, — сказал Турсун. — Пусть проверяет.

Вечером пришла телеграмма, Шарипова вызывали в обком. Почти всю ночь в райкоме готовили цифры и сводки, которые Турсун взял с собой.

В обкоме Шарипов долго ходил по отделам. С ним беседовали, расспрашивали, предъявляли претензии. К концу дня ему сообщили, что завтра утром его примет Рубалин.

Турсун устал от разговоров и хождений по кабинетам. Он обрадовался возможности провести вечер как ему хотелось — побродить по городу, — в студенческие годы он любил одинокие вечерние прогулки.

Шарипов неторопливо вышел на улицу, постоял несколько минут на тротуаре, раздумывая куда пойти. Он решил прогуляться по центральной улице города, закурил и медленно зашагал — без цели, не зная куда придет и как проведет этот вечер. Он давно не был в городе и сразу заметил, какие перемены произошли здесь. На центральной улице строились новые многоэтажные дома, завершалось строительство большого красивого здания публичной библиотеки, появился троллейбус. В городе открылись новые кинотеатры. Турсун читал их названия на афишах и спрашивал у прохожих, где они находятся.

На целые кварталы тянулись высокие заборы строительных площадок. За ними были видны многоэтажные дома, окруженные строительными лесами. В ярком вечернем небе четко вырисовывались длинные ажурные стрелы кранов.

Внимание Турсуна привлекло протянутое поперек улицы голубое полотнище с надписью: «Закрытие сезона. Балет Асафьева «Бахчисарайский фонтан». Турсун подумал: «Пожалуй, стоит посмотреть этот балет». — И пошел к оперному театру.

На площади перед театром было многолюдно. На скамейках, стоящих вокруг громадной шестигранной чаши фонтана, сидели празднично одетые люди, видимо, будущие зрители. Вокруг фонтана с криком и смехом носились дети. На краях фонтанной чаши парами сидели молодые люди. Десятки мощных водяных струй с силой вырывались из тонких труб фонтана, взлетали серебряными жгутами ввысь, скрещивались в воздухе и со звоном падали в чашу. Над театром с криком кружились птицы. Около фонтана стоял худой сторбленный старик с большой связкой разноцветных воздушных шаров. Неподалеку от него стояла белокурая девочка лет пяти. В ее широко раскрытых глазах застыл тихий восторг, — так смотрят дети на желанный, но недоступный предмет. Турсун любил делать подарки, особенно детям. Он купил ярко-синий шар и протянул его девочке. Та испуганно отшатнулась.

— Бери, — сказал он ласково, — бери, не бойся. Это твой шар. Я тебе его дарю. Ну, бери!

Девочка секунду колебалась, изумленно глядя на незнакомого дядю. Дядя улыбался. Тогда девочка осмелела и протянула ручонку к шару. Она цепко схватила ниточку, к которой был привязан шар, и, глянув на Турсуна полными счастья глазами, воскликнула:

— Спасибо, дядя!

Потом она отошла на несколько шагов и еще раз оглянулась на Турсуна. Может быть, дядя пошутил и заберет у нее шар. Но дядя не собирался этого делать.

— Дядечка, спасибо! — еще раз крикнула девочка и со всех ног кинулась бежать.

— Это ваша дочка? — услышал Турсун голос Лютфи. Он вздрогнул и оглянулся. Перед ним стояла Лютфи под руку с какой-то девушкой. Обе были нарядно одеты.

— Нет... — ответил он, подавляя смущение, — я ее не знаю. Она так посмотрела на шар, что мне захотелось подарить его. А вы как сюда попали?

— Во-первых, познакомьтесь. Это моя подруга Зоя. Аспирантка. А, во-вторых, объясните, каким ветром занесло вас сюда.

Турсун ответил с легкой иронией.

— Вызвали в обком комсомола. Проработали во всех отделах. А завтра иду на беседу к первому секретарю. Если не снимут с работы, вернусь к исполнению своих обязанностей. А сегодняшний вечер я решил посвятить Бахчисарайскому фонтану.

— Мы только что от кассы! — воскликнула Лютфи. — У нас четвертый ряд, пятое и шестое место. Идите, может быть, вам удастся достать билет рядом. Мы подождем вас.

Турсуну достался билет на третье место четвертого ряда. Вернулся он радостный. До спектакля оставалось еще около часа. Молодые люди решили прогуляться.

Рабочий день города окончился. На вечерней улице было много празднично одетой молодежи. Парни и девушки прогуливались большими шумными группами, громко и весело разговаривали, часто смеялись. У тележек с газированной водой и мороженым стояли маленькие очереди. Турсун угостил Зою и Лютфи мороженым, и они двинулись дальше, влившись в шумный людской поток.

— Так почему же вы оказались здесь? — обратился Турсун к Лютфи.

— Приехала навестить маму. Она что-то прихворнула.

Турсун уловил нотки смущения в голосе Лютфи. Испытующе взглянул на нее. Девушка опустила глаза и отвернулась. Смутная тревога закралась в душу Турсуна, но он сразу же взял себя в руки, — надо было весело, непринужденно поддерживать разговор.

Говорили обо всем: о новых книгах, о строительстве города, о нашумевшей газетной статье, описавшей беспорядок в одном учебном заведении. Турсун участвовал в разговоре, шутил, смеялся, а в душе глубоко сожалел, что между ним и Лютфи оказалась Зоя. Ему хотелось освободиться от нее и остаться наедине с Лютфи. Но это желание было неисполнимым. Настроение у него еще больше испортилось.

Лютфи заметила перемену в настроении Турсуна и сразу поняла ее причину. Она могла бы исполнить желание Турсуна, но не хила этого. Лютфи приехала в город не к больной матери. Родители вызвали ее, чтобы окончательно установить день свадьбы.

Лютфи долго размышляла над своими взаимоотношениями с Турсуном. Она чувствовала, что с каждой новой встречей ее все сильнее тянет к нему. Это и радовало и пугало девушку. Не раз ей приходила в голову мысль о том, что для Турсуна их отношения могут оказаться простым увлечением, которое скоро пройдет. Могла ли она ради этого riskовать своим будущим? Нет. Ей не семнадцать лет. Она находилась в том возрасте, когда девушке не грех подумать о семье. Что знала она о Турсуне? Молод, красив, горяч. И только. Разве этого достаточно, чтобы связать с ним будущее? Да и захочет ли он разделить с ней это будущее? Но не только это мучило девушку. Она понимала, что разрыв с женихом навлечет на нее гнев родственников, отравит последние годы жизни стариков-родителей. Родичи ославят ее. Каждый будет считать себя вправе кинуть ей

вслед грязное слово. И кто знает, может быть и Турсун тогда отвернется от нее.. Нет. Надо взять себя в руки, подавить свои чувства.

Бурхон заметил перемену в настроении Лютфи и стал энергично настаивать на свадьбе. Девушка несколько раз уклонялась от прямого ответа. Однажды, выведенный из себя ее колебаниями, Бурхон вспылил и сказал, что с него достаточно ожиданий, что над ним уже смеются друзья и родственники, называют его «вечным женихом», и что если она до сих пор не решила, будет ли его женой, то им не к чему больше встречаться. Лютфи понимала — он прав. Взглянув в бледное взволнованное лицо жениха, она сказала: «Назначай свадьбу хоть на завтра». Свадьбу назначили через месяц. Родители срочно вызвали Лютфи, чтобы договориться с ней о последних приготовлениях.

И вот, гуляя с подружкой по городу, она неожиданно встретила Турсуна. Лютфи узнала его по голосу. Она хотела уйти. Но рядом стояла подружка, и Турсун в любой момент мог оглянуться. Тогда Лютфи оклинула его. Какими счастливыми глазами посмотрел он на нее, как взволнованно задрожал его голос!

В театре по желанию Лютфи рядом с Турсуном сидела Зою. После спектакля Лютфи попросила, чтобы они проводили ее, а потом Турсун проводит Зою. Прощаясь с Лютфи у ворот ее дома, Турсун шепнул: «Подожди, я сейчас вернусь».. Он вернулся, но девушки не было. До рассвета Турсун ходил у ее дома. Лютфи не вышла к нему.

На рассвете Турсун ушел. Он долго, бесцельно бродил по пустынным улицам. Эта ночь оставила в его душе неизгладимый след. Много передумал он о жизни, о Лютфи и о себе. Турсун понимал, что Лютфи умышленно не села рядом с ним в театре, преднамеренно заставила его провожать Зою. Она убежала от него. Почему? Он видел смущение и радость в ее глазах, когда она оклинула его. Он слышал волнение в ее голосе, когда она разговаривала с ним. Он чувствовал, что это — проявление ее глубоко скрытых чувств. Может быть, он ошибся... Эта мысль утратила Турсуна. Он устал от бессонной ночи, от бессмысленного хождения по улицам. И, несмотря на все это, в глубине сознания теплилась надежда: «А все-таки она любит меня»..

Рубалин принял Турсуна в назначенный час. В кабинете также находились второй секретарь обкома Боев и инструктор Шукуров. Турсун поздоровался и сел. Несколько секунд все молчали. Начал Рубалин.

— Товарищ Шарипов, мы вызвали вас, чтобы услышать ответ на один вопрос. Почему вы противопоставляете себя обкому комсомола? Не считаетесь ли с его работниками, ни с секретарями, ни даже с решениями бюро. Даже с решениями бюро.

Рубалин пересказал свой телефонный разговор с Турсуном, сообщил о столкновении с ним Шукурова в райкоме, припомнил ночную беседу о формализме в комсомоле, упомянул о бюро райкома, на котором обсуждали Вдовина. — Вы понимаете, — заключил он, — складывается мнение, что вы считаете себя умнее всех. Да, умнее всех. А таких людей в партии называют зазнайками и самодурами. Зазнайками и самодурами. Вот вы нам и объясните в чем дело. Может быть, вы действительно считаете себя умнее всех. Или вам не по плечу комсомольская дисциплина? Она не дает вам развернуться. Не дает развернуться. Или, может быть, все идет не в ногу, а один, Шарипов — в ногу. Один Шарипов в ногу.

Рубалин умолк. Турсун тоже несколько минут молчал. Потом он медленно заговорил:

— Вы собрали кучу разных фактов, причем мелких и не прин-

ципиальных и пытаетесь представить меня каким-то закоренелым противником порядка и дисциплины. Это — неверно. Это поверхностный подход к делу, без проникновения в существо фактов. И ваши выводы, по-моему, поспешны и не мотивированы.

— Началась философия, — бросил Шукуров.

— Эрудицией товарищ блеснуть хочет, — добавил Рубалин.

— Хорошо, — с трудом сдерживая себя, проговорил Шарипов, — я больше ничего не скажу вам. Думайте и делайте, что угодно. Я выскажу свои мысли на пленуме обкома. Тогда увидим, кто из нас прав. Вы требуете, чтобы райком работал только под диктовку обкома. Мне вчера в отделе оргработы говорят — выносите на пленум райкома вопрос о членских взносах, так как по этому поводу есть решение ЦК ВЛКСМ. А у нас со взносами все в порядке и мы хотим обсуждать на пленуме вопрос об участии комсомольцев в заготовке кормов. Это у нас наиболее важный вопрос. Меня же принуждают обсуждать уплату членских взносов, ссылаясь на то, что так решил обком... — Турсун сделал небольшую паузу, передохнул и продолжал так же взволнованно:

— Аппарат райкома, выполняя решения бюро и указания райкома партии, занимается большими и нужными делами, но приезжает работник обкома Шукуров и дает команду — всех отозвать, все приостановить. Начинается аврал по проверке летнего отдыха сельских школьников. А зачем проверять? Нам и без этого известно, как отдыхают дети колхозников. Мы могли бы по этому поводу представить любой материал. Но товарищ Шукуров требует, чтобы мы делали то, что он хочет, и при этом ссылается на решение обкома.

Вы даже диктуете нам цифры в наши отчеты потому, что, видите ли, эти цифры подходят обкому, хотя они и не соответствуют действительности. Вы...

— Все ясно, — резко сказал Рубалин и встал. — Все ясно, товарищ Шарипов. Обком мешает вам работать. Сковывает вашу инициативу. Смотрите, какой у нас объявился такой... — Рубалин взмахнул рукой, будто хотел поймать в воздухе подходящее слово. Лицо его было искажено, глаза выкачены, волосы разметались. — Такой центропуп! — нашел он, наконец, нужное слово и повторил его еще раз, — центропуп. Видите, как он ставит вопрос: «Я или обком». Отвечаю вам — обком. А если вам такой ответ не по душе, мы вас не держим. Комсомол жил и будет жить без вас. Да, без вас. Подумайте над этим и решайте. Или вы работаете под руководством обкома или мы освободим райком от вашего руководства. От вашего руководства.

Турсун сидел, вцепившись пальцами в подлокотники кресла. «Спокойно, спокойно, — мысленно уговаривал он себя, — больше выдержки». И все-таки он бы не выдержал, если бы не вмешался в разговор второй секретарь обкома Боев.

— Мне кажется, — сказал он, — Шукуров сгущает краски. Я был в Пахтаабадском районе и слышал много хорошего о Шарипове. Кое в чем он, конечно, загибает. Но это, по-моему, происходит не от зазнайства, а от молодости и неопытности.

Рубалин не ожидал заступничества Боева. Он растерялся, но уже через минуту овладел собой и, дождавшись первой паузы в речи второго секретаря, заговорил сам.

Шарипов молча выслушал Рубалина, потом поднялся и сказал:

— Спасибо за науку. Но только для меня вы еще не комсомол и даже не обком. Посмотрим, что скажет пленум.

Однако на пленуме обкома Турсуну выступить не пришлось: ему не дали слова.

Пахтаабад — город небольшой. Здесь не существует неразгаданных тайн и не открытых секретов. К тому же худые вести не лежат на месте. И скоро все в городе узнали о вызове Шарипова в обком и о его столкновении с Рубалиным.

Узнал об этом и Яша Львов. Узнал и обрадовался. Все время, прошедшее после исключения его из комсомола, он упорно искал средства свалить Шарипова.

Львов понимал, что борьба будет трудной. Шарипова уважала молодежь, поддерживал Паромов. Поэтому он не хотел бороться с ним открыто. Прямоту, честному бою он предпочитал удар из-за угла, удар в спину и при этом — чужими руками. А где их возьмешь, чужие руки?

И вдруг такие руки нашлись, — руки Рубалина.

«Вот это союзничек... — шептал Львов, взволнованно прохаживаясь по комнате и потирая руки. — Ему только дай материал, а уж остальное он сам сделает».

Вечером Яша Львов сказал Марии Иосифовне.

— Ну, мамаша, теперь мы ожили. Сегодня написал заявление в обком о восстановлении меня в комсомоле. Уверен, что восстановят. И знаете почему? Потому что исключал меня Шарипов. А все, что сделал Шарипов, Рубалин с удовольствием ломает. Диалектика. Отрицание отрицания. Ха-ха-ха!

(Окончание следует).

В Шуштере

Кривые улочки покров ночной укрыл,
Трущобы темные безмолвнее могил.
Но что за звуки вдруг до слуха долетели?
То мать баюкает младенца в колыбели.

Засыпать малютке надо, лалаи.¹
Спи, души моей услада, лалаи.
Сердце матери усталой успокой,
Задремли, глаза лучистые закрой.
Мне вас, глазки, увидеть не суждено,
Но прекрасны вы, я знаю все равно.
Пусть же радостными будут сны твои!
Лалаи, цветок мой нежный, лалаи...
Часто слышу я младенческий твой крик.
Ах, увидеть бы хоть раз твой ясный лик,
Все печали позабыла бы свои!
Лалаи, моя отрада, лалаи...
Сладким сном, сынок, забудься, ночь длинна.
Мне страдания одни сулит она.
Рвет мне сердце полуночной птицы стон,
Прочь от глаз моих бежит желанный сон.
Для тебя пою, тоскуя и грустя:
Спи спокойно, лалаи, мое дитя!
Мать родимая моя слепой была,
Лишь наощупь узнавать меня могла.
Ах, и я твоей улыбки ни одной
Не увижу, не увижу, мой родной!
Я одно таю желание, сынок,
Чтобы сына ты в грядущем видеть мог.
Светлым счастьем наше завтра напои!
Лалаи, моя надежда, лалаи...

Таков Шуштер.

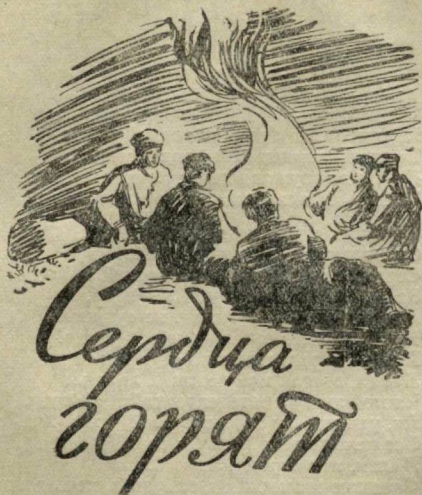
Та мать — народного несчастья пример.
Там всюду скорбным стоном песня эта
Встает из жалких нор, лишенных света.
Пособник страшный там у нищеты;
О нем услышав, содрогнешься ты.
Пособник тот безжалостный — трахома;
Там счастье зренья людям незнакомо.
Живут с рожденья горемыки те
В крошечной темноте...

Перевела с фарси Ц. Бану.

¹ Лалаи — баю-бай.

Дела и люди семилетки

Александр Дебринин

(Сцены из жизни молодых строителей Головной ГЭС).

1. Костер

Жарче пламя, прозрачней тени
По горам легли голубым...
Просто люди трех поколений,
Трех призывов, одной судьбы
Собрались у костра ночного
Вспомнить пройденные бои,
Первых строек порыв суровый,
Дорогие мечты свои.
Озаренные алым светом,
Поседевшие с тех пор,
У костра обо всем об этом
Двое начали разговор:
Старый мастер Курбан когда-то
Бился с бандой Энвер-паши.
Инженер Костромин в тридцатых
Путь воде в степи проложил...
Как их слушало с увлеченьем
(Что ни факт, то с легендой схож!)
Третье, новое поколение,
Всё—рабочая молодежь!

Слушай воспоминанья старших
У пылающего костра
Об атаках и дальних маршах,
О лопатах и топорах.
Но продолжи рассказы эти
О завидной своей судьбе.
По порядку, как в эстафете,
Слово передано тебе.
Ты узнала уже, что стоит
Променять городской уют
На нелегкий, соженный зноем,
Опаленный ветрами труд.
Поднимается выше пламя
Средь недавно угрюмых мест,
Где теперь своими руками
Ты в горах воздвигаешь ГЭС...

2. Дорога

Высокого долга веленье!
Горячей мечты красота!
И снова—движенье, движенье,
Спешат и гудят поезда.
Не праздное таинство странствий,
Но трудное дело зовет.
Мелькают названия станций
И лица ветрами сечет.
И манят загадочной новью
Края поднебесных громад
Из Киева, из Подмосковья,
С Поволжья ребят и девчат.
Им станут, пока не знакомы,
Родными вот эти места.
Не отчим, но собственным домом
Останется Таджикистан.
Не согнуты жизненным стажем,
Они еще все впереди.
Багаж—небольшая поклажа,
Но сердце большое в груди.

3. Вахш

Река
ярка.
Желта,
седа.
Наверняка:
Огонь—
река.
О камень
бьет
Волна
С плеча.
Водоворот
Кипит,
рыча.

Он весь, как мечь,
Как раз как пасть.
Но человек решает: Здесь!
Он— власть.

4. Переправа

В небольшом кабинете,
 где нет ни ковров и ни кресел,
Где простые столы неуютно и тесно стоят,
Где толпится народ— все равно, озабочен иль весел,—
И на стенах везде лишь проекты и карты висят,
Утомленный начальник строительства, китель оправив,
Вышел к карте, сказал,
 как опасен реки пережат,
И как берег высок, и что стало быть для переправы
Подобрать нужно крепких и духом, и телом ребят.
Пусть на том берегу самый первый плацдарм образуют
Для атаки на горы, веками гудящие тут,
Одновременно с этим дорогу пускай подвесную
Над бурлящей рекой, над пучинной седой проведут.
.....
Брызги лица секли. Волны легкие лодки сносили.
Камни бились о днища, грозя их в щепу разнести.
Но справляясь с рекою, гремящий напор пересилив,
Все дружнее и ловчей продолжали ребята грести.
Они вышли на берег, чуть бледные от напряженья.
За спиною река, закипая от гнева, неслась.
И отличный пловец старший группы Пархоменко Женя
Им сказал с хрипотцой:
— Мы сумели исполнить приказ.

5. Взрыв

ГЭС
Начинается
Здесь...
Вгрызаются в камни буры.
В песчанике
 красно-буром
Низ котлована весь.
Сдавая свои рубежи,
Поодаль
 жмутся горы.
Надсадно
 гремят моторы
Экскаваторов и машин...
Внимание!
Предупредив
Всех,
 чтоб смогли укрыться,
Девушки-взрывницы
Новый готовят взрыв.
Вот они:
 Назокат,
Надя и Ольга—
 вместе
Горы сдвигают
 с места.
Скалы
 легко крушат...
— Ребятам такое?
Нет!
Примажутся к нашей славе.
Шутят:
 мол, равноправье
В нашей стране...
Осколков
 каменный взбрызг.
И, вздрогнув,
 земля осела.
И поползла
 несмело
Гора,
 оторвавшись,
 вниз.
Все густо замечено
Пылью,
 взлетевшей тут же.
Дно котлована—
 глубже
И шире еще оно.
ГЭС
Начинается
Здесь...

6. Письмо

«...Помнишь, как мы зачитывались с тобой
Романом «Человек меняет кожу»?
Мне здесь многое кажется очень похожим
На описанное в книге той.
Конечно, изменилось немало с тех пор.
Но дело, впрочем, не в этом.
Просто—строительство среди тех же гор,
Ночи, разбуженные тем же ветром,
Даже
Река та же,—
Все время заставляют думать о том,—
Удивительное положение!—
Что будто мы все в этой книге живем,
В ее ненаписанном продолжении.
И так это здорово!.. В общем, надумаешь—приезжай.
Привет москвичам!
Бетонщик Метальников Николай».

7. Танкист

Уже на спуске,
Тяжело груженный,
Под выступами
Зло нависших скал,
Неведомою силою
Сраженный,
Гремя,
Перевернулся самосвал.
И с грохотом
Обрушился в ущелье
Поток камней.
И сразу смолк мотор.
И долго без сознания
В постели
Лежал перебинтованный
Шофер.
Сафар Каримов
Все считал, что схожа
Гражданская профессия его
С военною.
Он был в танкистах тоже
Водителем
Машины боевой.
И там, и тут
Громадина металла
Всегда была
Послушною ему.
В его сознании
Образ самосвала
Уподоблялся
Танку самому.
Когда же он, очнувшись,
Вспомнил снова

Молодой инженер-комсомолец Юрий Артёмов у козлового крана в районе строительства бетонного завода.

Обидную аварию свою,
Иссохшим ртом
Он два промолвил слова,
Простых, коротких слова:
«Как в бою!..»

8. Город

«Я знаю—
 город
 будет,
Я знаю—
 саду
 цвествь».

Я видел этот город, я знаю—город есть!
А раньше... Степь в межгорье лежала, не дыша.
И травы припадали к сухой земле, шурша.
Но расправляя крылья, мечтою молодой,
Средь гор пробился город, веселый, трудовой.
Покуда он приземист, но вот везде уже
Скрипя, вздымают краны груз третьих этажей.
— Хорошая работа—себе жилье и вам,—
С лесов смеется радостно Антоненков Иван.
Он—каменщик заправский. В бригаде у него
Ребята и девчата: двенадцать их всего.
В пыльце кирпичной лица. Известка руки жжет.
Но кладка продолжается. Спешат: кирпич идет.
Спешат на этой стройке, на всех других спешат.
Здесь строят новый город, здесь строят город-сад.
Еще не обозначенный на картах на иных,
Он всей своею правдою недаром входит в стих.

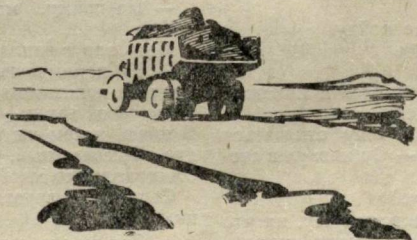
9. Сын

Ветер гудел в горах.
Тучи сползли к реке.
Песня плыла впотьмах
Где-то невдалеке.
Город хранил покой.
Взявшись за руки, в ряд,
С песнею озорной
Группа прошла девчат.
В домике крайнем свет
Вспыхнул. И—у дверей:
— Рад ты, комсорт, иль нет,
Но принимай гостей.
Виктор Гринько смущен.
— Мы не ждали теперь.
Но уж какой там сон!—
Он открывает дверь.
Комната вмиг—битком.
— Ну те-ка, где ваш сын?
Выглядит молодцом!
Правильный гражданин!

— Это ему от нас.
Хватит годков на пять.
Незачем каждый раз
По мелочи покупать.
Перевязью храним,
Сверток велик, тяжел.
Заняли сразу им
Чуть ли не целый стол.
«От строительниц ГЭС,—
Надпись наискосок,—
Первенцу здешних мест!»
...Подал пример комсорг...

10. Рассвет

Небо высветлилось ночное,
Задрожала кайма зари.
У костра приумолкли двое.
Молодежь теперь говорит.
Все равно кто из непреклонных,
Не успевших еще устать,
И не названных поименно,
Составляющих эту рать:
Смелых в деле, в невзгодах стойких,
В дружбе преданных и в любви,
Всех принесших на эту стройку.
Дорогие мечты свои,
Что не вымерять километром,
И не выверить по часам...
И разносит прохладным ветром
Их горячие голоса.
А костер полыхает жарче.
И, как будто, внимая им,
Поднимается пламя ярче,
И все легче плывущий дым.
И совсем отступают тени
Предрасветной сквозной порой
Перед встречей трех поколений,
Трех призывов,
судьбы одной!..

Клочок своей земли

Стоял безветренный апрельский день, и пчелы гудели в цветущих ветвях миндаля и абрикоса. С окрестных полей в кишлак доносился несмолкаемый рокот тракторов: колхоз завершал сев хлопчатника.

Саидахмад выпрямился, одёрнул рубаху, прилипшую к спине, снял со лба платок, свёрнутый жгутом, чтобы едкий пот не попадал в глаза, и оперся на выглаженную до блеска рукоятку кетменя.

Усталость разлилась по телу Саидахмада. Усталость? Откуда она? Ведь взрыхлено немногим больше трети участка. Тут еще работать и работать...

С полей несся рокот моторов и, казалось, звал к себе.

Саидахмад прислушался к этому властному зову, смахнул пот со лба и, вскинув кетмень на плечо, решительно зашагал к дому.

Хабиба увидела мужа возле арыка. Как все бережливые хозяева, Саидахмад смывал с лезвия кетменя налипшую землю.

— О! Ты уже обедать?—воскликнула жена.

— В правление пойду.

— Вызывают?

— Нет, я сам.

Саидахмад поднялся и положил руку на плечо жены.

— Понимаешь, хочу отказаться от этой каторги. — Он кивнул в сторону участка.

— Как? Совсем?

— Конечно, совсем. Ну, на что он нам? Я сейчас ковырял эту землю и считал. Понимаешь, считал. И

что ты думаешь? За эти полдня я на севе хлопка заработал бы больше, чем тут. Не веришь?

— Верю. Но ведь тут — овощи... Я хочу сказать — будут овощи.

— И в колхозе они будут, не сомневайся.

Саидахмад поставил кетмень в угол сарая и пошел в правление.

Было бы чудом, если бы он застал кого-нибудь в прохладных комнатах правления в разгар весеннего дня. В такую пору — все в поле. Саидахмад ни с чем вернулся домой.

За обедом старая Джанон — мать Саидахмада — осторожно обронила:

— Ты как-будто забыл о судьбе дедушки...

— Какого дедушки?

— Твоего. Я ведь рассказывала тебе, как байские люди до полу-смерти избили его ночью, когда он хотел пустить из арыка воду на свое поле. Дедушка говорил: «Дехканин без земли — что дерево без корня».

Саидахмад опустил ложку на край тарелки.

— Не пойму, мама, к чему ты это?

Мать вдруг заплакала.

— Не понимаешь? Вот теперь ты меня не понимаешь? А отказываться от своей земли — это ты можешь? Я знаю, зачем ты ходил в правление. Бессовестный, ты даже не посоветовался со мной, с отцом.

Саидахмад перевел взгляд на отца.

— Зря ты это, сынок, — пробасил седобородый Гафур. — Отказаться

от земли — это легко. А как прожить без неё—ты об этом подумал?

— Но ведь я же...

— Молчи! И в правление больше не ходи!

Обед был окончательно испорчен.

Вечером Саидахмада вызвал секретарь колхозной парторганизации Сейтлиев. Подав гостю пиалу зеленого чая, секретарь сказал:

— У меня мать была твоя сейчас. Ты что задумал, расскажи?

— Хочу отказаться от своего приусадебного участка.

— Почему?

— Как почему? Это же ясно. Лучше вот вы мне скажите: в коммунизм мы придём с приусадебными участками, или без них?

— Ого! Этого я, друг, не знаю.

— Я тоже не знаю, но думаю — не нужны будут они при коммунизме. Ну, может быть, останется немного земли под палисадники, для беседок. Это так. А чтобы люди себе пропитание получали со своей земли — этого не будет.

Сейтлиев почесал в затылке, улыбнулся.

— Ты, друг, такие вопросы задаешь, что на них наверно и в райкоме не ответят.

— А вы в ЦК запрос пошлите.

Сейтлиев захохотал. Саидахмада этот смех обидел.

— Вы не смейтесь. Я, например, думаю так: пусть колхоз создаст один большой огород для всех. А мы по-ударному на хлопковых полях работать будем. Разве это плохо?

Сейтлиев стал серьезен.

— Да-а... Вот это задача! Надо подумать. Всерьез надо подумать, сообща... А с матерью ты будь осторожней. У старых людей взгляд на землю совсем другой. Они за клочок земли жизнь отдавали.

Слух о том, что Саидахмад Ахмадов решил отказаться от своего приусадебного участка, вскоре облетел весь кишлак. Кое-кто считал, что Саидахмад рехнулся. Один из соседей, заглянув к Саидахмаду вечером, намекнул, что готов купить этот участок. Саидахмад прогнал торговаша.

Через несколько дней этот важ-

ный вопрос обсуждало общее собрание колхозников сельхозартели «Москва».

Этот колхоз, созданный в самом центре Вахшской долины из переселенцев, в шутку называли интернациональным. Кроме таджиков, здесь были русские, казахи, туркмены, узбеки, киргизы, немцы, украинцы.

Председатель колхоза Герой Социалистического Труда Василий Дмитриевич Филиппов ожидал, что у людей, столь различных по складу души, мнения о земле будут самыми что называется «пёстрыми». Но и Филиппов и Сейтлиев были приятно удивлены. На собрании колхозники говорили одно и то же: большие приусадебные участки не нужны. Они отнимают много времени и сил. Почти все были согласны с Ахмадовым, при каждом доме можно оставить участочек соток в пять-шесть—для виноградника, беседки, палисадника. А овощами людей должен снабжать колхоз. Как это сделать — пусть подумает правление...

Январским днем, когда весь простор Вахшской долины зеленеет повесенному свежей травой, мы с Василием Дмитриевичем Филипповым ехали по гладкой проселочной дороге с одного участка колхоза на другой. На фоне тутовых деревьев с голыми ветвями далеко была видна фигура человека, поднявшего руку.

Машина скрипнула тормозами.

Рядом со мной очутился коренастый мужчина в чёрном стеганом халате, с густой седой бородой.

— Знакомьтесь, — сказал Филиппов. — Это—сторож хлопкового сарая, отец четырех сыновей. Переселенец из горного Гармского района.

Филиппов стал вежливо расспрашивать старика о здоровье, о семье.

Зашла речь и о заработке. Наш спутник оживился. Он сообщил, что в 1958 году он и его семья ежемесячно получали в колхозе по 2.300—2.500 рублей. Это—аванс. А сейчас со дня на день ждут окончательного расчета. Придется еще тысячи по две за каждый месяц работы. Итог отличный: более четырех тысяч рублей в месяц.

Старик охотно поделился с нами своими хозяйственными расчётами. На питание в семье уходит примерно треть заработка. Ведь колхозные продукты недороги: картофель — 1 рубль килограмм, помидоры—50 копеек, лук—35 копеек, мёд—20 рублей, мясо—8—10 рублей, а капуста, морковь, свекла совсем дешёвы.

Семья живет хорошо. Построили новый дом. Купили мебель, три ковра, радиоприёмник, два велосипеда сыновьям, ножную швейную машину, много одежды, обуви.

— Едете-то далеко? — спросил Филиппов.

— К сыну в гости, на третий участок.

— А-а...—Филиппов что-то вспомнил и улыбнулся.—Ну, больше не ругаете его?

Улыбнулся и старик.

— Больше не ругаю...

— Это отец Саидахмада Ахмадова, Гафур,—сообщил мне Филиппов.

У меня тотчас же вспыхнул острый интерес к старику. Но Гафур попросил шофера остановить машину, легко соскочил на землю и, запахнув халат, проворно зашагал к белым домикам, видневшимся сквозь ветви яблоневого сада. Машина тронулась, а я долго оглядывался, стараясь разглядеть коренастую фигуру деда среди деревьев.

— Сожалаете?—понимающе спросил Филиппов.

— Еще бы! Такой интересный тип...

— Не горюйте. Сейчас у нас все колхозники подобного типа, то есть я хочу сказать с современными взглядами на жизнь.

Со многими интересными людьми встречался и беседовал я в колхозе «Москва». Очень хотелось узнать их сокровенные думы о клочке своей земли — о том самом клочке, за который веками боролся крестьянин, который воспет и в романах, и на полотнах старых живописцев, и в поэмах Некрасова. Но колхозники говорили о своих бывших приусадебных участках без горечи и сожаления, словно речь шла о судьбе изношенной рубашки. Да, говорили мои собеседники, был у нас участок. Двенадцать или пятна-

дцать соток. Сеяли мы на нем и овощи, а главным образом рис. А за день в садах и на хлопковых полях можно заработать 50—60 рублей. Так ли уж необходимо махать кетменем под палящим солнцем ради горстки сорного риса? Нет, без приусадебного огорода, конечно, легче. И каждый собеседник с гордостью сообщал, что на трех-пяти сотках, оставленных колхозом в его пользование, он посадил виноградную лозу, молодые персиковые деревья, яблоньки или же раскидистые туговые деревья, в тени которых летом особенно вкусна пиала душистого чая.

И еще одно новшество увидел я в этом колхозе. Утром мне повстречалась повозка с белыми бидонами. Она останавливалась почти у каждого двора, и женщины выходили навстречу вознице. А он, как доктор — в белом халате и такой же шапочке, — литровой меркой разливал в кастрюли молоко.

Вечером этого же дня я смог взглянуть в будущее колхоза «Москва». В переполненном людьми клубе шло обсуждение намёток семилетнего плана артели. И эти намётки, составленные при участии широких масс колхозников, удивлялись всех—мужчин, стариков и молодежь. Женщины ликовали: по их требованию в план было включено строительство пекарни, детских яслей при каждом полевоом стане, большой столовой, прачечной и водопровода. Молодежь восторгалась проектом трехэтажного Дома культуры, который скоро заменит тесный клуб, спортплощадкой и парком культуры и отдыха. Правда, и спортплощадку и парк придется создавать своими руками. Но разве это трудно, если правление выделит и автомашины, и лес, и цемент, и кирпич? Пожилые люди переглядывались, услышав о начале строительства колхозного санатория на 200 человек. Матери с радостью узнали, что уже нынче завершитсястройка просторного здания новой восьмилетней школы на 400 учащихся.

Многое могут сделать для колхоза люди, освобожденные от бесчисленных домашних хлопот и забот! И о том, что они сделают за семь

лет, красноречиво говорят страницы плана, озаглавленные просто: «Общественное хозяйство». Предстоит освоить 500 гектаров целины, поднять урожай тонковолокнистых сортов хлопка до 40 центнеров с гектара. Производство хлопка в колхозе возрастет в два раза. Удвоится площадь садов и виноградников. Вдвое увеличится производство молока. Новые свинарники и птичники, расширение нутриеводческой фермы позволят колхозу продавать больше мяса, яиц, ценных нутриевых шкур. В плане предусмотрено развитие каракулеводства, кролиководства, увеличение рыбы в искусственных водоемах, получение сотен тысяч штук лимонов в новом лимонари...

И снова вечер.

Ярким светом с недавно пущенной Перепадной ГЭС залита просторная столовая в новом доме Саидахмада Ахмадова.

Семья поужинала. Хабиба уносит на кухню тарелки, фарфоровые чаши-касы и ставит на стол дымчатый, будто сейчас срезанный виноград, блюдо с гранатами, тарелку с грецкими орехами, пиалы чая.

Саидахмад неторопливо срезает венчик граната, потом аккуратно надрезает толстую кожуру, и на тарелку с легким стуком падает дождь рубиновых зёрен. Пододвигая мне это лакомство, Саидахмад говорит:

— Кушайте. Это не хуже русской костяники. Если хотите—дыней угощу. Они у нас до первого мая в погребе хранятся. И свежие—будто сейчас с бахчи...

Я рассеянно благодарю Саидахмада.—Мне не терпится услышать рассказ его матери — старой Джанон.

И она рассказывает. Слушаешь её, и будто видишь фильм о жуткой жизни дехканина в век баев, мулл, эмиров. Вот дехканин чудом завладел землей. Это — пустошь, состоящая из кочек, бугров и ям. Одетый в жалкое рубище, он кетменем срезает кочки и бугры и заваливает ямы. Теперь земля ровна, как стол. Но она суха, как пепел. Нужна вода. Приходится поклониться в ножи богачу. Тот дает воду, но осенью

забирает за нее половину урожая. А если неурожай? Тогда дехканин становится издольщиком у богача. Его земля уже не принадлежит ему. Работая на ней, он берет лишь четвертую часть урожая. Всё остальное — баю. А дальше еще сильнее душит нищета. И вот уже не издольщиком, а вечным батраком становится дехканин у богача, и, собрав для него весь урожай, он, как милостыни, ждёт платы за свой труд. Чёрствая ячменная лепешка, горсть червивого урюка и драная рубаха с хозяйского плеча достаются ему...

Как тут было не ценить клочка своей земли? С землей человек был вроде независимым, вроде самостоятельным хозяином. Без этого клочка он мог надеяться только на один «счастливый» выход—стать рабочей силой, собственностью баю.

Когда мать, расстроенная воспоминаниями, вышла, Саидахмад улыбнулся. Может быть, ему пришло на ум недавнее прошлое, когда он, подобно дореволюционному дехканину, кетменем равнял и рыхлил свой участок, видя в нем источник благополучия? Нет, не источником, а подспорьем благополучия был для Саидахмада этот участок, да и то в те годы, когда колхоз мало выдавал на трудодни.

А потом становилось все лучше и лучше. И вот не стало трудодней—перешли на денежную оплату труда. Не один Саидахмад — многие задумались над тем, что выгоднее; убивать ли свои силы на приусадебном участке или покупать дешевые фрукты и овощи в колхозном магазине? И когда стало ясно, что в поле заработаешь больше—извечный вопрос о своем клочке земли отпал сам собой.

— От кетменя мои руки еще и сейчас побаливают, — сказал Саидахмад. — А мне надо быть здоровым. Хочу до коммунизма дожить.

Он взял с тарелки два грецких ореха и так сжал их в ладони, что скорлупа захрустела и треснула. Саидахмад подмигнул мне, весёлая усмешка озарила его лицо.

— Доживу!

Колхоз «Москва»,
Октябрьского района, Ташкинской ССР.

М. Нажмиддинов

Распахнутое время

(Перевод с таджикского)

Мне кажется, что сейчас каждый человек стоит на горе и с её высоты глядит и видит необыкновенную ширь, простор нашего огромного строительства. И оглядывая нашу жизнь-стройку, радуется за неё. Каждый добавляет в общее дело свой труд, энергию и свое волнение. Мы радуемся новым заводам и магазинам, электростанциям и университету культуры, но еще больше новым людям, людям с новыми чертами характера, с широким общественным взглядом, радуемся людям добрым и честным, принципиальным и инициативным. Это такие люди, что хочется следовать за ними, заражаясь их высоким стремлением. И самое приятное, что это обычные, простые и, чаще всего, незаметные люди.

О двух из них мне хочется немного рассказать.

1. Старый чабан рассказывает

Это было на правом берегу реки Лучоб. Если вы пойдете по правому берегу, под вами все ниже и ниже, но все громче и громче будет кипеть и бесноваться Лучоб и перебрасывать под напором волн валун за валуном, обкатывая его, оббивая с тем, чтобы у порога Сталинабада выбросить его гладко отшлифованным и закругленным.

Сначала дорога широка и удобна, вас то и дело перегоняют автомашины, но дорога кончается у па-

латок геологов, а дальше за перевалом вы увидите холмы, уступы скал, между которыми ледяными гротами встали снежники, внутри и под ними глухо рычат горные ручьи, они сливаются с другими, соединяются с третьими и вот уже это река Лучоб, белая и пенистая, в тумане брызг, горная река, кажется только, что собравшаяся из снежных капель. А внизу зеленые холмы и пригорки и золотое солнце освещает белые отары тонкорунных овец, а где-то на возвышенности, на фоне совершенно голубого, безоблачного неба, как бы паря в воздухе, стоит чабан, опираясь на свой пастушечий посох и молчаливо, не оглядываясь, следит за отарой. Он видит не только пасущихся у подножья скал овец, но и всё великолепие многоэтажного поселка Лучоб, его дома, сады, расположенные террасами по обеим берегам реки, а выше посевы пшеницы и ячменя на богарных землях, на вершинках, похожих на верблюжьи горбы, поля расположены на такой высоте, что как не закидывай голову—все равно не увидишь.

Громкий пастушечий клич: «Ха-ха-хой», — будит эхо. Кажется, все ущелье Лучоб раздвинулось. Далеко в горы уходит пастушечий оклик. Это крикнул старший чабан. Зоркими глазами своими он разглядел на скале отбившуюся от стада овцу. Паренек лет семнадцати, стоявший на выступе скалы, в самом провале взглянул в сторону голоса. Видно недавно еще в подпасках, не знал

еще всех овец. А ведь разве узнаешь сразу, как-никак 800 голов. Паренек отбежал в сторону быстрыми шажками горца, поднялся на скалу и выгнал из-за камня отбившуюся овцу. Старый чабан, неподвижно следивший за движениями паренька, тронулся с места и, вслед за ним, медленно тронулась с ровного зеленого поля белая, плотная масса. Серые громадные собаки неторопко шагали по бокам и сзади, два подпаса в чалмах с посохами шли следом за отарой.

...Я подождал пока отара не отошла на новое пастбище. Там познакомился со старшим чабаном. Он был стар. Светлая, голубая, чуть вылинявшая чалма сидела низко, скрывая почти весь лоб. Лицо было смуглым, со множеством мелких еле заметных морщин. Короткие усы и борода были уже с проседью, но зубы сверкали, как жемчужины. Белые, ровные, как точеные.

— Да, старик еще крепок, еще очень хорош, — подумалось мне.

— Устали, наверное, когда поднимались сюда?

Это был первый вопрос, которым встретил меня старый пастух.

— Решил вас повидать, зайти в гости, — ответил я, радостно пожимающая протянутую руку.

— Пожалуйста, приходите, рады будем гостю, сами знаете, как пастухи относятся к гостям, с вниманием и бережливостью. Жаль только, что у чабанов гости редки. Наверное, газету забыли принести?

Я молча вынул из кармана газеты.

— Хорошо, а то знаете сами, день-деньской пасем овец, ночью отщем где-нибудь безветренное местечко, подремлем пару часов — и снова в путь. Вот я думаю, где бы вам разыскать одеяло, чтобы переночевать с нами. С одеялами плохо, а кожушок найти можно, завернетесь в него, — тепло, мягко. Так и скоротаете с нами ночь.

Глаза у старика быстрые и живые. Сейчас он чуть-чуть прищурил их, глядит насмешливо.

Я сказал, что ночью с удовольствием прочитаю вслух газеты. Пас-

тух внимательно посмотрел на меня, смогу ли я это сделать.

Время к вечеру. Я шагал справа от старика. Дорога пошла под уклон и хотя спускаться с горы куда легче, чем взбираться на нее, но все-таки было трудно. Ноги, то и дело, расплзались и скользили по камням и оползням. Старый чабан шел со мною рядом, шагая спокойно и размеренно, словно идя по ровному месту. Овцы спускались узкой сероватой ленточкой, жалобно блея.

Наконец, каменистая дорога пошла берегом Лучоба, громче стал шум реки, который не мог заглушить дробный, но очень сильный стук бараньих копыт по камням. Как только село солнце, сразу повеяло стужей. Внезапно сорвавшийся ветер пронизывал сыростью снежных вершин. Пастух засунул руки в рукава своего войлочного халата — чекменя.

— Что же вы молчите, дядюшка, — прервал я молчание, — я пришел вас послушать, — и вынул блокнот.

Он стал рассказывать. Я старался не прерывать его. Мой карандаш суетился на тесной странице блокнота.

Когда несколько дней спустя я переписывал блокнот, на помощь приходила и память.

...— Говорят, горы, неприступные горы. Всю жизнь в горах. Вижу не горы, а дороги, повсюду дороги, маленькие тропинки, проходы. Вон, гляди, — неподступная скала, а сколько туда дорог? Говорят, только дикий козел пройдет. Нет, человек везде пройдет. Своим умом везде найдет дорогу. Чабану самое главное — дорога, куда чабан без дороги? Семь лет у бая ходил в пастушонках, потом еще три года у красноармейцев был проводником, все горы исходил. Потом еще два года был конюхом в Красной Армии. Э-э-э, эти дороги родными стали. А когда организовали в Лучобе колхоз, пошел пастухом. Вот с тех пор я не спускаю с плеча пастушечьего чекменя. Я и на день не расставался с горами. Ты еще далеко был, а я уже тебя видел. Вижу

незнакомый человек идет. Сначала думал, новый ветфельдшер, потом вижу сумки нет, может быть, думаю из райкома. Был у нас недавно о. из райкома, много хорошего рассказывал, вот так, как с тобой сидел, с ним разговаривал. Это, что же? За семь лет почти в пять раз увеличится поголовье тонкорунных овец. А на колхозном собрании раис говорил, что в три раза. Я спрашиваю, в пять раз или в три раза?—Кому, спрашивается, верить? А инструктор говорит — по всему Таджикистану в пять раз, а по вашему колхозу в три раза потому, что у вас пастбищ мало. «Кто тебе сказал, что пастбищ мало?» — Спрашиваю я у этого человека, из райкома. Он смеется. «Ты, говорю, сведения у меня спроси». И все ему рассказал. Тот, вроде тебя, тетрадку вынул и записал, чтобы у нас было тоже в пять раз, потому во всем Таджикистане в пять, а у нас в три. Это никуда не годится; даже смешно. За чем раис у меня ничего не спросил? Когда окот идет — беспокоится, когда стрижка — беспокоится, у меня совета спрашивает, а сейчас сам всё решил. Нет, ты, пожалуйста, запиши, чтобы больше так не было. Раис должен слушать, что чабан скажет.

Горы быстро пододвинулись и стали вокруг костра, над которым уже, в изрядном казане, варилось мясо. Из темноты внезапно высовывались то одна, то другая собачья морда и так же внезапно исчезали. Один из подпасков принес хвороста. Где-то неподалеку от нас неподвижно стояла отара, ее было почти неслышно.

Всю ночь я читал газеты. Потом незаметно для себя уснул, завернувшись в мягкий, приятно пахнущий бараний полушубок. Спал я недолго. Может быть, час. Когда проснулся, передо мною в полусвете, между двумя горными вершинами, стоял молодой серп луны. Откуда-то, с другой стороны поднимался мягкий свет, окрашивающий снега в розоватые тона. Казалось, раскаленный танур, полный пылающих углей, стоит за горами и освещает снежные кручи. Удивительная картина, когда алая заря и лунный свет, смешавшись, окрашивают горы. Видел ли

эту красоту старый пастух? Смотрел ли на эту картину, любовался ли ночной красавицей, чувствовал ли воздух, который вдыхал, воздух чистый, как хрусталь.

Оглядевшись, я увидел, что рядом со мною чабана не было. Я поднялся, поеживаясь, спустился в долину, уже чуть видную. Старый чабан стоял на высокой скале неподвижно, как статуя. Я старательно взобрался туда. Здесь отдышавшись, сделал несколько неторопливых шагов и встал рядом с чабаном. Он глядел на горы и любовался рассветом. Был он свеж и бодр. Вдруг залаяли собаки и пастух, который стоял над обрывом в глубокой задумчивости, вдруг исчез. Куда он прыгнул, я не успел заметить, я уже потом увидел его внизу между камней. Халат его промелькнул и мгновенно исчез из глаз. Лай собак раздавался все заливейшей. Я услышал голоса подпасков: «Волк, волк!». Собаки величиной с доброго осла с хриплым лаем гнали волка и вдруг, как вчера, по ущелью раскатилось громкое: «Ха-ха-хой!». Теперь этот клич звучал победно.

Отары сбились в ущелье на небольшой равнинке, у маленького сая. Отсюда было прекрасно все видно вокруг и казалось, что сами горы создали эту естественную преграду. А у входа в этот каменный загончик, широко растопырив ноги, с пастушечьим посохом наготове стоял старый чабан.

И решимость, сквозившая во всем облике этого отвязного человека, многое мне сказала о людях этой профессии.

Часа два спустя на каменной суфе мы снова сидели со старым пастухом у костра.

— Ушел. Это бывает, что уйдет волк. Бывает, — повторял он с сожалением. — Здесь у нас масса всякой дичи — куропатки, дикие кабаны, медведи и даже снежные барсы. Честное слово, как-будто об этих местах сказал великий шейх Саади: «Не думай, что лес пуст, там, может быть, спит тигр».

— Да, здесь из-за каждого камня может выскочить барс. А волков я три раза ловил своими руками.

Своими жесткими как терка руками он вынул из кармана коробку спичек, вынул одну, зажег и поднял на ветер. Мгновенно ветер затушил огонек. Обуглившимся концом спички он на камне нарисовал, как он однажды загнал волка в каменную засаду и потом ударил его посохом по голове с размаху, а собаки докончили его дело. Известно, где чабан, там собаки.

— У меня восемь отар. В прошлом году от каждой сотни овцематок получил по сто сорок пять тонкорунных ягнят. И имя мне дали устомастер и послали в Ставрополь на практику, посмотреть как там чабаны работают. Но, конечно, я сначала в Москве побывал. Всю Москву обойти трудно, но половину я все-таки обошел. Я ведь чабан, по двести километров гоняю баранов. У меня ноги чабанские, только им скажи—они идут. В театре был, в мавзолее был. Если мне большой почет дают, надо повсюду вникать. Приехал назад, мне еще трех новых пастухов дают. А правление не думает. У них бумага есть, она за них и думает: «Постановили назначить такого»—и все. Прислали мне этого Мухиддина, а он проработал только три месяца, потом я его прогнал. Почему прогнал? Стыдно говорить: украл барана. Вот многих пастухов присылают мне бумаги. Два года назад ушел от меня Раджаб Тошев. Ничего был пастух, а ушел, и ведь до сих пор без дела слоняется. Нет, ты скажи, почему молодежь не идет в пастухи? Учеными стали. Ну, что же, их воля, пусть будут и учеными, я не против, но ведь многие просто бездельничают. А чего не хватает пастуху? Каждый месяц по барану, затем по 2—3 труппы за день.

Чабан замолчал. Шурпа закипела. Подошел подпасок, опустил в котелок картошку и лук. Я внимательно посмотрел на освещенное пламенем костра лицо подпасака. Оно пылало. Голенища его кажанных мук доходили ему до щиколоток. Серые тиковые штаны были чуть ниже колен. Между верхом мук и штанами видна голая, чуть покрасневшая, обветренная кожа.

— Ведь мы не из железа сделаны, — прервал молчание старый пастух, а было время, когда мы были крепче железа; теперь постарели, теперь вместо нас должны придти пастухи с железным телом. Раньше дети шли за отцами.

Пастух тяжело вздохнул. Подпасок, сидя на камне, ложкой помешивал шурпу и молча прислушивался к разговору. Потрескивал костер, шумела река. Откуда-то издалека со стороны селения доносился собачий лай. Старый чабан посмотрел в сторону кишлака.

— Сейчас в колхозе двадцать пять тысяч овец, семьсот голов молочного скота, а сколько коз, свиней, птицы, кроликов, ведь колхоз животноводческий, сколько нужно пастухов? А где взять? Был у меня сын. Взял я его в летовку. Там я ему и вырезал этот посох, из клена, видишь, какой твердый? Есть такая порода. Был рядом десять лет со мною, а потом ушел на фронт и осталось мне от него только вот это...

Пастух медленно поглаживал руками посох. Глаза были сухими. Я подумал, лучше бы, если бы он заплакал. Я не знал, чем его утешить, не мог найти слов. Подпасок также молча взглянул на старика и опустил глаза.

Потом, немного успокоившись, старик снова заговорил.

— Сейчас внука рошу, ему и передам этот посох. Правда, внуку пока только год. Зять мой тоже пастух, — добавил он с заметной гордостью.

После еды старик повел отару, ему было не до разговоров.

Поздно вечером, покусав, старик растянулся на колушке и спел веселую песенку. Мы все весело смеялись, потом он заснул. Подпасок опять подошел к отаре, он сел на камушек и глубоко задумался, глядя на мерцающий свет восходящей луны. Я вынул из кармана книжку и стал записывать свои наблюдения при неровном свете костра. Тихо потрескивали сухие дрова. Спокойно над горами светила молодая луна.

2. Два письма

Случилось так, что у меня оказались эти два письма. Вот они лежат перед мною, как память о том, что случилось с двумя хорошими шахтерами—Гани и Мухиддином. Но позвольте мне рассказать всё по порядку.

Бригада Гани выехала на горá около полуночи. Но на поверхности их ожидало много людей. Было приятно пожать руки этим молодым ребятам, которые впервые начали работать по-новому, сумели механизировать все подсобные работы и внедрить в своей лаве комбайн.

Обращение бригады Гани обсуждалось на всех шахтах Шураба, но одно дело обещать, а другое, когда на деле, там под землей, эти люди поработали так, как они обещали в своем обращении.

В нынешнем семилетии угольные шахты Шураба будут механизированы. Это высвободит большое количество подсобных рабочих, повысит производительность труда шахтера. Около двухсот миллионов рублей выделено для реконструкции бассейна, для механизации и автоматизации производственных процессов. Большая часть этих капиталовложений будет использована для реконструкции крупнейшей шахты Шурабского рудоуправления—шахты № 8. Она превратится в подлинное механизированное предприятие, оснащенное самой современной техникой. Добыча угля на этой шахте увеличится более, чем в два раза.

Первая бригада, которая на деле стала бороться за досрочное выполнение семилетки, была бригада Гани. В этот час, когда руки товарищей пожимали его руки, Гани искал в толпе и нашел старого шахтера Абдурахманова, который и посоветовал молодым шахтерам начать внедрение новой техники. Гани подошел к своему учителю и начался разговор на том специфическом языке, на котором говорят люди, отлично знающие не только производство, но и самую шахту, каждый штрек, каждый забой. Ученика и учителя окружили шахтеры, и долго

еще стояли люди, расспрашивали Гани, сами что-то говорили. Ясно было, что почин бригады Гани захватил многих шахтеров. Наверное, многие в эту ночь подумали, что раз можно обойтись без рук и начать работать машинами, почему бы не попробовать и нам.

Шураб — красивый шахтерский городок, с асфальтированными улицами, белыми домиками с садами, большим парком. По ярко освещенным улицам возвращался Гани домой. Ему не терпелось все подробно рассказать Ане—его жене. Правда, ему хотелось, чтобы там, у шахтного двора, среди встречающих была и она, но, по-видимому, в этот вечер ей не с кем было оставить дочку.

Он входит во двор и ему приятно, что двор полит водой и что пахнет свежестью. Вот они сидят за столом и тихонько разговаривают, и Гани рассказывает жене о том, о чем никто еще не знает, о том, что он хочет свою бригаду назвать бригадой коммунистического труда, сделать так, чтобы все его ребята учились на курсах, в техникуме, чтобы повышали не только производственный, но и культурный уровень. Он понимал, что сделать это не просто, что разные люди есть в его бригаде, что с каждым нужно крепко поговорить, чтобы их труд и жизнь действительно можно было назвать коммунистическими.

— Да, я совсем забыла, тебе письмо, — говорит Аня.

Письмо было от друга, вернее от бывшего друга, вернее от будущего друга. Вот, что там было написано:

«Ганиджон! Прости, что долго не писал. Я знаю, что ты теперь прославленный шахтер, а я — сам не знаю кто. Ну, пусть так и будет, а я, поборов стыд, хочу тебе обо всем написать. Мы с тобою не виделись семь лет. За это время я два года работал грузчиком на хлопковом заводе, потом три года служил в армии, а сейчас снова работаю грузчиком на том же заводе. Работа как работа. Относятся ко мне плохо, но я думаю, если бы я со своими руками пошел в шахту рубать уголёк, то был бы таким же

прославленным шахтером, как и ты. Я слышал, что шахта сейчас механизмуется и подсобных рабочих будут переводить на другие работы. Но все равно хотел бы вернуться в Шураб. Если не жаль тебе клочка бумаги и если не сердиться, а также, если можно мне вернуться в Шураб, то напиши письмо. М у х и д д и н».

И Гани вспомнил, что случилось с его товарищем.

* * *

Гани помнил то утро, когда прохладный ветерок несет в Шураб прохладу с гор. Он шел по Шурабу в радостном, приподнятом настроении. Да, сегодня он уже настоящий шахтер, не ученик, а шахтер. Поэтому он так рано поднялся, поэтому одним из первых пришел на шахту. Вскоре пришел и Мухиддин.

— Я заходил за тобою, но не застал, куда в такую рань подевался. Больно скоро.

Назидательный тон приятеля взорвал Гани.

— Хватит, надоело твое хныканье в училище.

— Ха-ха! Разве это хныканье? — засмеялся Мухиддин. — Чего радоваться? В такой прекрасный день лезть под землю, света белого не видеть.

— Слушай, — прервал его Гани, — мы с тобою родились в одном кишлаке, вместе учились в школе, вместе окончили школу горняков. Хочешь бежать — беги, если у тебя козлиное сердце, если ты трус, просто трус.

Мухиддин нахмурил брови и процедил сквозь зубы:

— Значит ты хочешь в угольной шахте искать золото? Напрасно мечтаешь!..

В это время около молодых шахтеров появился их учитель, мастер Абдурахманов. Он, вероятно, слышал о чем они говорили, но сделал вид, что ничего не произошло.

— О чем спорите? — спросил он.

— Так, пустяки, учитель, наше личное дело, — ответил Мухиддин, но щеки его покраснели.

Вот, они в шахте. Здесь они быва-

ли не раз, но сегодня все было по-другому, да и мастер был, видно, в ударе. Пока они шли, мастер несколько раз останавливался и, встречая кого-либо из старых шахтеров, всякий раз представлял им учеников.

— Замечательные ребята. Лоботрясов к себе не беру.

И Мухиддин подтверждал:

— Да, да, мы—его ученики, мы еще покажем.

Пока шли в лаву, произошло одно маленькое событие. Когда проходили мимо одного штрека, Абдурахманов заметил, что ворота были открыты. Он подошел, закрыл ворота и стал объяснять ученикам, почему надо, чтобы они были закрытыми—чтобы не нарушать системы вентиляции. Здесь у ворот им повстречалась девушка, именно тогда впервые Гани ее увидел, именно в тот день. (Теперь это была его жена.)

— Ты не знаешь, Аннушка, — спросил у девушки Абдурахманов,—кто не закрыл ворота?

— Не знаю, — ответила она и пошла вдоль штрека.

— Кто же тогда знает? — недовольно проворчал старый шахтер.

Почувствовав какие-то необычные нотки в голосе девушки, мастер спросил:

— Что у тебя стряслось, девушка?

— Да вот, механик все не соберется отремонтировать мотор у электровоза; искрит. Только болтает зря: исправлю.

Абдурахманов подошел к телефону, позвонил главному механику, рассказал про ворота, про электромотор, про Аннушку, которая целую неделю работает на неисправном электровозе.

...Можно было не учиться в школе горняков, можно было просто смотреть на своего учителя и понимать, что именно так внимательно надо ко всему относиться. Действительно, до всего, до каждой мелочи, было дело старому угольщику.

Так думал Гани, глядя на своего учителя.

Мухиддин пробормотал:

— Чего болтаемся здесь зря, пошли.

Он ничего не понял.

Они пошли в лаву. Там только что отпалили; воздух был тяжелым; от дыма взрывчатки сразу запершило в горле. Все трое подошли к груди забоя, у подножья которой работал транспортер и взялись за лопаты. Вдруг Гани услышал неприятный треск. Он приподнял голову и увидел, что поперечная стойка крепления, поддерживающая свод, резко треснула. Но он посмотрел на мастера. Тот спокойно продолжал работать. И вдруг бревно треснуло посередине и сверху посыпались мелкие куски угля, стукая с треском по шахтерской каске. Гани отстранился, но продолжал работать, а Мухиддин отскочил и бросил лопату. Стоявшие выше шахтеры громко засмеялись. На Мухиддина с насмешкой уставились черные, перемазанные углем лица. Пряча улыбку, мастер сказал:

— «Чего смеетесь, сами такими были». — И крикнул Мухиддину: — Давай, давай, ничего.

Так началась их работа в шахте. Они крепили, бурили, грузили уголь на транспортеры.

Однажды, это было в конце смены, примерно через месяц после начала работы, бригадир обнаружил, что Мухиддин по небрежности уложил кабель неправильно, он оказался засыпанным породой.

— Чем же я виноват, — оправдывался Мухиддин, — я забыл.

— Забыл? — выговаривал ему мастер, — а метр такого кабеля стоит семьдесят пять рублей. Вот и считай.

— Подумаешь, семьдесят пять рублей, для шахты это ничего не стоит, — сказал Мухиддин.

Этот разговор слышал Гани. Он подошел к товарищу и сказал:

— Если сейчас же не выкопаешь этот кабель... я выкопаю сам.

Губы Гани были плотно сжаты. Он рассердился.

Мухиддин послушно взял в руки лопату. Гани помогал ему.

Вечером они встретились в клубе. Рядом с Гани стояла Аннушка. Мухиддин отозвал друга в сторону, и пахнув запахом водочного перегара, сказал:

— А? Ты меня позоришь перед мастером? Я тебя ненавижу! И вообще все вы... Чтобы вас!..

...Больше Гани его не видел. И вдруг письмо.

Да, много перемен произошло в жизни Гани. Он был комсомольцем, а стал членом партии. Женился на Аннушке, их дочке Любе исполнилось уже пять лет. Недавно Гани присвоено звание «Почетного шахтера». Гани вспомнил, как Абдурахманов сказал как-то, что шахта любого сделает человеком. Сейчас он снова вспомнил эти слова. Да и его друга шахта может сделать человеком.

В тот вечер Гани написал, чтобы Мухиддин приезжал, он попробует убедить администрацию, чтобы его приняли к нему в бригаду.

...Мухиддин теперь работает на шахте № 8. Он очень доволен. Ему дали квартиру рядом с домом Гани. В этом доме он чувствует себя своим, часами играет с дочерью своего друга — Любой. Это теперь один из лучших шахтеров Шураба, о нем недавно даже писали в газетах.

...Недавно я был в Шурабе, я повстречался с этими двумя неразлучными друзьями. Однажды мы сидели вечером у Гани, пили чай и разговаривали и вот тогда Гани отдал мне два письма.

«Прочитайте, — сказал он, — если хотите, можете взять себе.»

Мухаммад Али Афранта

Странствующие ПАВЛИНЫ

В период летних маневров солдат Ахмад, усталый и измученный после трех бессонных ночей, решил немного отдохнуть. Отстав от остальных, он укрылся в небольшой роще у ручья. Отложив в сторону ружье и скатку, Ахмад снял сапоги, умылся и, прислонившись к дереву, опустил ноги в воду. Блаженствуя, он сидел так довольно долго, пока вдруг не уснул.

Открыв глаза, Ахмад остолбенел от удивления: скатка, ружье и сапоги словно сквозь землю провалились. Это было ужасно. Если бы вместо ружья у него украли любую другую вещь, старшина Абдулла замаял бы дело. Обычно он предоставлял солдату все необходимое по доступной цене. Это его нисколько не затрудняло, так как под рукой у него всегда были ботинки, шапки, нижнее белье, патронташи, лопаты, мотыги, фляги — словом все, что нужно солдату. Подобные вещи он никогда не крал из казенных складов. Просто во время маневров и полевых занятий он назначал нескольких старых и надежных солдат, которые, пользуясь замешательством в чужих ротах и полках, притаскивали ему все, что попадалось под руку. За это Абдулла освобождал их от работы, приближал сроки увольнений, даже разрешал на несколько дней отлучаться по семейным обстоятельствам.

Короче говоря, старшина Абдулла был человеком справедливым, с солдатами обращался по-людски и рассчитывался сполна. Но если он на добро отвечал добром, то и за зло мстил неумолимо, тут даже Шемр¹ не мог за ним угнаться. Горе было тому солдату, который попался на месте преступления или, будучи пойманным, признавался, что действует по приказанию старшины. В таких случаях месть старшины была неумолима. Он говорил: «Солдат должен быть хитрым и не попадаться, а если попался, должен держать язык за зубами. Солдат, который сейчас, в мирное время, при первой же неприятности не может удержаться от болтовни, если, не дай бог, на войне попадется в плен, выдаст военную тайну». Поэтому таких солдат он притеснял и истязал, как бог на душу положит, чтобы было неповадно.

Все эти проделки с казенными вещами не были изобретением самого Абдуллы. Точно так же старшины второго и третьего отделений поступали с его солдатами. Эти дела, однако, никак не нарушали друж-

¹ Шемр — убийца Хоссейна, 3-го шиитского имама.

бу старшин. Они собирались вместе, пили и играли в кости. Если в разговоре выяснялось, что у кого-нибудь не хватает каких-то вещей на складе, которые он хотел бы продать солдатам, приятели одалживали их. Они были твердо убеждены, что подобные сделки помимо того, что приносят им доход в 1—2 шахи¹, являются полезным практическим навыком для солдат, прививающим ловкость и сметку.

Но на этот раз было украдено солдатское ружье. Это считалось чрезвычайным происшествием. Воровство ружей было не принято в отделениях, так как каждое из них имело номер и находилось на строгом учете.

Как только старшина Абдулла услышал о случившемся, он тотчас сообразил, кто вор. Он прямо направился к старшине второго отделения и пожаловался на старшину третьего отделения, потому что несколько дней назад у Абдуллы произошла с ним ссора, и дело дошло до оскорблений. Если б не вмешался старшина второго отделения, перебранка окончилась бы поножовщиной и комендатурой. Когда старшина третьего отделения пригрозил: «Я тебя так прижму к стенке, что надолго zapomнишь».

Абдулла ответил презрительно: «Будешь хуже бабы, если не прижмешь!» И вот теперь Абдулла действительно был крепко прижат к стенке, потому что шутки с казенным ружьем плохи. Пропади пропадом солдат Ахмад, которого ожидает строгий суд. Но это не важно; дело осложнялось тем, что могли всплыть наружу некоторые грехи, числившиеся за Абдуллой.

В конце концов благодаря посредничеству старшины второго отделения дело уладилось, и враги помирились. Абдулла дал честное слово, что отказывается от возлюбленной, которая и была основной причиной вражды между ними. А старшина третьего отделения, в свою очередь, указал, где находится ружье.

В то время, как бедный Ахмад без сапог, понурый и озабоченный прохаживался вдоль дороги и думал о своей несчастной судьбе, появилась коренастая фигура старшины. Он дал солдату несколько пинков и зуботычин и потребовал, чтобы в течение двадцати четырех часов тот нашел и собрал все потерянные вещи, иначе — строгий суд и пожизненное заключение.

Произнеся эти угрозы, старшина удалился, а один из его заместителей отвел Ахмада в сторону и из гуманных побуждений разъяснил, что нет в этом мире такого дела, которое бы не разрешалось всемогущей рукой старшины. Если Ахмад не поскупится на некоторые сбережения, то старшина всё уладит. У Ахмада, сына жены деревенского старосты, было кое-что, доставшееся по наследству от отца, да и отчим его был не последним человеком на селе, поэтому он пообещал помимо необходимой суммы подарить старшине двух павлинов, которые были у него дома. Сразу же из-под ветвей появились его винтовка и вещи. Происшествие на этом закончилось, а Ахмад не замедлил передать старшине деньги и павлинов.

Павлин — большая редкость в доме, вот почему жена старшины Абдуллы была невероятно горда тем, что у них имеются павлины. На базаре, в бане — везде, встречаясь с людьми, она сводила разговор к тому, что у них имеются павлины.

Жена соседа-бакалейщика укоряла мужа: «Был бы ты старшиной, тогда и у нас были бы павлины». Волновалась жена зеленщика, волновалась жена плотника. И даже жена сержанта полиции, несмотря на то, что муж приносил ей время от времени разные вещицы, которые бережно хранились в шкатулке (а были там серебряные и золотые безделушки!), в бессильной злобе заламывала руки и требовала от мужа.

¹ Шахи — мелкая монета.

чтобы он нашел ей павлина. Короче, вся округа только и говорила, что о павлинах старшины Абдуллы.

Но прошло немного времени, и павлины из дома Абдуллы перекочевали в другое место. Это случилось так.

Однажды Абдулла не вернулся домой. Сообщили, что он арестован, предстанет перед судом и, возможно, будет уволен из армии. Жена его была очень встревожена, день и ночь проводила в молитвах, давая тысячу самых разных обетов. На следующий день к ней зашел близкий друг Абдуллы — старшина второго отделения. Они недолго пошептались, после чего старшина унес павлинов и оставил их в доме командира роты. Спустя немного времени Абдулла был освобожден. За что же его посадили? Оказалось, молоденький лейтенант, командир взвода, подоспел к раздаче чая, сахара, мыла и, увидев, что Абдулла прикарманивает примерно две трети солдатских припасов, набросился на него. Абдулла, для которого младшие офицеры были такими же существами, как и солдаты, с той лишь разницей, что их нельзя было осыпать руганью и бить, на этот раз не сдержался и в ответ на выговор офицера ударил его в ухо. Но после того, как павлины перекочевали к командиру роты, лейтенанта обвинили в «левых» взглядах, перевели в глухое место, а Абдулла снова занялся своими делами.

Как-то раз командир батальона, придя на плац, против обыкновения был весело настроен. С его уст не сходила улыбка, со всеми офицерами он шутил и перекидывался остротами.

Протрубили сбор. Старшины передали солдатам прощальное слово командира батальона, его переводили в другое место.

После занятий в первом батальоне наблюдалось заметное оживление. Солдаты мыли окна и полы в казармах, подметали двор, надраивали котелки, брились, начищали ботинки. Во взводах и ротах заполнялись дневники. Одним словом, всюду наводился порядок. Батальон готовился к приезду нового начальства. Обычно в таких случаях начинались тщательные расследования, придирки и необходимо было некоторое время, чтобы всё вошло в свою колею, — начальник привык к подчиненным, а подчиненные — к начальнику.

На следующий день новый командир батальона приступил к исполнению своих обязанностей. Это был человек среднего роста, с маленькими сверлящими глазками под сдвинутым на лоб козырьком. Он все время прикусывал левый край нижней губы, и кончики его обвисших усов болтались, как две пиявки. В общем его внешность приводила в дрожь командиров взводов, не говоря уже о низших чинах и солдатах.

Первым же приказом новый начальник снял всех старшин. Но уже через десять—пятнадцать дней после того, как командиры рот нашли с ним общий язык, определили свои обязанности и договорились о разделе доходов, им удалось возвратить себе старшин. Исключение составлял старшина Абдулла, которому нашли работу в канцелярии, а вместо него назначили другого. Это было сделано не потому, что командир батальона питал к нему особую неприязнь или запомнил его. Нет, причина была в том, что командир первой роты, который имел связь с одним из депутатов парламента, хотел сразу же внушить к себе уважение командира батальона и продемонстрировать свою силу.

Но командир батальона не хотел уступать и у него среди сильных мира сего были друзья. Поэтому, отняв у ротного опытного старшину, он связал его по рукам и ногам, а подсунув ему человека, который не разбирался в тонкостях дела, свел доходы взвода к нулю. Золотоносная курица перестала нестись.

Командир роты очень быстро понял свои промахи, почувствовал, что депутат парламента не будет вникать во внутреннюю жизнь казармы и не стоит гроша ломаного. Но дело было сделано. А командир ба-

тальона, чтобы поставить противника на колени, гнул свою линию, до-тошно выискивал мелочи, днем и ночью, когда нужно и когда не нужно, под видом проверок заглядывал в первую роту и мутил воду. Он поносил всех и вся, многих приговорил к плетке, заставлял бегать и ставил под ружье. Терпение солдат первой роты готово было лопнуть.

Однажды батальон находился за городом на стрельбищах. Один из солдат первой роты перепутал цель. После выстрелов, при осмотре мишеней, оказалось, что одна из них пуста, а посреди второй видны десять дырок, расположенных тесно как виноградины в кисти: два солдата стреляли в одну и ту же мишень. За эту незначительную ошибку командир батальона в присутствии всех обрушился на ротного с такой бранью, что и чорту стало бы стыдно, а потом на неделю посадил его под арест.

Вернувшись с полигона, командир роты так избил шалкой виновного солдата, что бедняге пришлось целый месяц пролежать в больнице. Но и это не успокоило господина офицера, который должен был провести в казарме целую неделю, куда пришлось перенести его раскладную кровать. Днем он работал, а ночью спал в канцелярии роты. Так прошло двое суток. На третью ночь в дверях появилась фигура командира батальона. Ротный вскочил и отдал честь. Командир батальона сел, указав ему на стул, вынул папиросу и предложил закурить. Этот поступок командира батальона без слов говорил: «Теперь ты понял, с кем дело имеешь»... и тем самым открывал лазейку для примирения. Тон разговора был ни резким, ни ласковым. Командир батальона просто давал понять, что оба устали от бесцельного поединка. Вскоре они пришли к соглашению, которое было заключено здесь же в канцелярии и скреплено поцелуем. Как говорится, они сделали семь шагов в сторону Киблы¹, поклялись честью погон и призвали в свидетели бога, что впредь будут сотрудничать по-братски, и что командир батальона умерит свой пыл, а командир роты пообещал, что доходы роты будут делиться точно пополам без всяких хитростей...

На следующий день старшина Абдулла вернулся в свою роту, а два павлина вместе с туркменским ковром переправились в дом командира батальона.

Вскоре командир батальона вместе с дичью, полученной из другой роты, отправил этих павлинов в дар командиру полка с такой запиской: «Соизвольте принять, господин полковник, этот подарок. Дичь для Вас, а павлинов передайте Шахину и милой Махинь, пусть забавляются».

Как видите, на этот раз переезд павлинов не был вызван каким-либо инцидентом. В конце концов военные тоже имеют сердце.

Но вот однажды двое солдат первого взвода не вернулись в казарму. До армии они находились на службе в тайной полиции, поэтому нельзя было предположить, что их послали «зарабатывать» в пользу старшин.

Через два-три месяца, в начале весны, пришло известие, что командир второго полка задержал этих солдат. Вскоре выяснилось, что один из них, переодевшись нищим, следил за домом полковника. А второй, назвавшись чистильщиком бассейнов, даже проник к нему в дом. В конце концов оба попались.

Полковнику удалось вытянуть из них, что все это делалось по приказу командира первого полка. Возмущившись, он обратился с жалобой к командиру дивизии. Генерал вызвал виновного и устроил ему нагоняй. Затем заверил командира второго полка, что виновный будет строго наказан. А потом вызвал командира третьего полка и попросил любыми способами примирить полковников.

Вечером того же дня павлин вместе с чайным сервизом серебряной чеканки зеиджанской работы перекочевали в дом генерала. На следую-

¹ Кибла—сторона, в которую обращаются мусульмане при молитве.

щий день генерал в личной беседе сделал командиру первого полка внушение и посоветовал, чтобы впредь тайные полицейские действовали более осторожно.

В середине лета павлины снова двинулись в путь и перекочевали из дома генерала в один из самых роскошных парков города. Этот парк был великолепен. Судя по беготне слуг, нетрудно было догадаться, что здесь живет очень важный господин. Его авторитет в глазах военных был настолько велик, что даже высшие чины в армии отдавали ему честь. А жил в этом доме Джон Смит, — доверенное лицо штаба американской армии. Время от времени он рассматривал кандидатуры иранских офицеров, направляемых военным министерством на обучение в Америку, утверждал или отвергал их. Если он отвергал кого-нибудь, то сам бог не мог ничем помочь, не говоря уже о военном министре.

Шурин генерала тоже был в числе офицеров, которых намечали послать в Америку для освоения новых образцов оружия. По причине, которую вряд ли мог объяснить сам Джон Смит, фамилия генеральского шурина и несколько других фамилий были вычеркнуты из списка. Это известие встревожило генерала. Он побывал у начальника штаба и военного министра, но безрезультатно. Тогда генерал принял решение во имя армейской чести и национальной гордости офицера-патриота покончить с унтером Смитом. Генерал вынул свой маленький карманный пистолет, зарядил его и поставил на предохранитель. Приказал шоферу ехать к дому Джона Смита. На протяжении всего пути он вертел пистолет в кармане и думал, куда следует выстрелить, чтобы убить врага наповал. В сердце или в голову? С этими мыслями он подъехал к дому Смита и ступил на порог его кабинета.

Американский унтер лежал, развалившись в кресле. Ноги закинул на стол, во рту держал незажженную сигару. Генерал вошел, все еще держа руку в кармане и палец на взведенном курке. Трудно передать напряжение этой минуты. На карту была поставлена честь погон, национальная гордость, патриотизм и все прочее. Не оставалось ничего другого, как исполнить свое решение!

Шаг вперед... Еще... Рука приближается к лицу Джона Смита, что-то щелкает... Джон Смит улыбается и небрежно благодарит по-английски. Генерал почтительно подносит пламя зажигалки к сигаре Джона Смита и начинает с ним разговор...

Фамилия шурина попадает в список отъезжающих в Америку. Павлины и другие подарки перекочевывают в дом Джона Смита.

Я ехал в одном из европейских курьерских поездов. В купе нас было четверо: житель Тегерана, турок из Анкары, араб из Багдада и пакистанец из Карачи.

Один из моих спутников рассказал эту историю. Кто именно, я сейчас не могу припомнить.

Перевод с иранского В. Клешторина и Дж. Дорри.

Чтоб люди на полях войны не гибли,
Чтоб на планете мир настал навек.
Я к дому подхожу.
Над речкой теплой
Повисла роща финиковых пальм,
И стадо липнет ласковым котенком
К тяжелым, запыленным сапогам,
И пес, визжа,
В лицо лизнуть стремится...
Крутой тропинкой вверх избегаю я,—
Лежат передо мной, как черные страницы,
Развалины знакомого жилья.
Пастух склоняет голову седую.
И уши забивает тишина,
И ветер осторожный тихо дует
На волны теплые и на притихших нас.
Ушла...
Погибла...
Умерла...
Убита...
У старенькой ограды пала ты,
И потому так ветер веет мирно,
Что пали тысячи таких же молодых.
Ушла...
Но голос смутный, нежный
Я слышу в ветре,

в речке,

в тишине,

Когда же ночь расставит звезды в небе,
Тот голос прорезается во мне
Ушла...

И с нею миллионы
Бойцов не дрогнувших ушли
В свободу пламенно влюбленных,
В весну
и запахи земли.

Они ушли,
оставив нивам
Свободу цвести,
свободу зреть.

Ушли,
оставив всем счастливым
Свободу жить
и умереть.

И мы
Их вечно будем помнить—
Любивших жизнь,
Отдавших жизнь...
В вершинах пальм трепещет полночь,
И капли звезд стекают вниз.

Перевод Т. Зульфикарова.

Искусство

А. Наджафов

На подъеме

(О развитии графики в Таджикистане)

Ни одна современная книга—имеется в виду художественное произведение—не выходит без иллюстраций. Каждая книга—это труд не только писателя, но и громадной армии людей—наборщиков, печатников и т. д., среди которых видное место принадлежит художнику—оформителю.

Украшением книги в Средней Азии занимались давно. Широко известны орнаменты и миниатюры к рукописям «Шах-наме» Фирдоуси, «Хамсе» («Пятерница») Низами Гянджеви, к книге Махмуда ибн Али «Юсиф и Зулейха», иллюстраций стихов Саади и Омара Хайяма. Видный советский ученый-востоковед, академик А. А. Семенов не без основания утверждал, что «можно вполне... определенно говорить о среднеазиатской, таджикско-узбекской школе живописи, о школе замечательно своеобразной и крайне интересной с точки зрения истории искусства».

Однако как специфический жанр изобразительного искусства—книжная графика начала развиваться в Таджикистане лишь с победой Великой Октябрьской социалистической революции, когда новый, доселе невиданный расцвет получила культура, когда в бывшем глухом уголке Бухарского эмирата, где печатные издания являлись диковинной редкостью, появились свои типографии... Приемы, формы и средства изображения оформителей древних рукописных диванов оказались неприемлемыми для современных художников-графиков. Во-первых, иные задачи поставила перед ними сама литература, социалистическая по содержанию и национальная по форме. А во-вторых, оформление рукописи представлялось самоцелью, тогда как сейчас под словом «иллюстрация» понимается отображение в комплексе рисун-

ков драматического действия литературного произведения. Графическое изображение ныне призвано не только воздействовать на зрителя как самостоятельная форма искусства, но и способствовать воздействию литературного произведения.

В своих творческих исканиях графики Таджикистана опирались и опираются на реалистические традиции выдающихся советских мастеров изобразительного искусства.

Середина тридцатых годов ознаменовалась в советской графике торжеством принципов социалистического реализма. Это была пора, когда вслед за рисунками к «Матвею Кожемякину» М. Горького Шмаринов создал замечательные иллюстрации к «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского, а Е. Кибрик выступил с рисунками к «Кола Брюньён» Р. Роллана. Социалистический реализм ни в одном из жанров искусства не являлся в готовом виде. Он рос и складывался в борьбе со всякого рода абстрактным экспериментаторством и другими формалистическими выкрутасами.

Первые успехи таджикской графики в борьбе за реалистическое искусство относятся к этому же времени. В 1935—36 гг. здесь выходят в свет ряд книг, художественное оформление и иллюстрации которых говорят об утверждении принципов социалистического реализма в таджикской графике. Среди таких книг была и «Одина» С. Айни, изданная Таджикгосиздатом в 1935 г. (обложка, форзац, титул художника Варшамы, заставки и иллюстрации Яна). Эта работа являлась разким выступлением против местного декаданса и формотворчества—и выступлением тем более своевременным, поскольку формализм дал

себя знать в оформлении «Зиндона» и «Жизни бедняка Бозора» С. Айни,—книг, содержание и реалистическая форма которых, казалось, никак не располагала к формотворчеству. Натуралистической утрировке типажей, нарочитой анатомической искаженности человеческих фигур на обложке «Зиндона», условности и схематичности образов в сюжетном рисунке к «Бедняку Бозору» Варшам и Ян противопоставляют реалистическую трактовку образов. Точность, стремительное движение, передающее психологическую и социальную сущность литературных героев, обстановку и место драматического действия—все это было характерным для рисунков Яна.

Приходится констатировать, что в тридцатых годах в Таджикистане не было национальных кадров художников. Это и является, на мой взгляд, одной из причин, обусловивших отсутствие в графике того времени ярко выраженной национальной формы. Конечно, попытки внести национальный элемент в оформление и иллюстрацию книги были. Но они, как правило, не выходили из рамок декоративного убранства книги. Но даже и тут, как, впрочем, и в узбекской, и в туркменской графике, а также в грузинской, или азербайджанской (исключая, может быть, очень своеобразное национальное искусство Азима Азим-заде) речь еще не может идти, скажем, о национальном орнаменте. Здесь скорее какой-то общевосточный, или в лучшем случае среднеазиатский орнамент. Наши художники еще не нашли то своеобразие тончайших нюансов, оттенков и характерной ритмики, графическое воплощение которых можно было бы назвать национальной формой и которое отличалось бы от искусства узбеков или даже более географически отдаленных азербайджанцев.

Тем не менее надо подчеркнуть, что стремление к осмыслению и поиски национальной формы были весьма активными. Эти стремления можно увидеть в работах К. Чепракова, А. Конакова, И. Новика и Бурцева, П. Зобнина, Яна в орнаментальных обрамлениях заставок к главам «Одина». Труд множества художников не мог не увенчаться успехом, он принес желанные плоды. В 1940 году в Сталинабаде издается повесть С. Айни «Одина», иллюстрированная И. В. Зобниным. В верхней утолщенной рамочке титульного листа даны изображения стилизованных птиц, навянутые декоративными украшениями дарвазских «рубандов»—лицевых занавесок. А

совсем недавно вышла в свет книга «Таджикские народные сказки», супербюджетом которой украшена орнаментом таджикских декоративных вышивок «сюзане». Думается, что эти работы по форме ближе всего к национальным и что в поисках национальной формы в орнаменте следует прежде всего обращаться к народно-декоративному искусству.

В середине 30-х годов наметилось некоторое укрепление полиграфической базы таджикского издательства. Однако на фоне быстрого экономического роста и возрастающего спроса на книгу техническое оснащение полиграфкомбината оставалось явно недостаточным и отсталым. В 1935 году цветной цех только начинал работать. В 1936 году было всего три плоских литографических станка. Черная печать имела газетную цинкографию. По книжной продукции принимался в печать только штриховой рисунок, да и то с требованием разряженного штриха небольшой насыщенности. План Госиздата был небольшим и включал главным образом переводные издания. Художественное оформление сводилось в большинстве случаев к копированию рисунков этих изданий. Более капитальные издания печатались в ленинградском отделении Госиздата. По свидетельству самих художников, оригинальные работы доводилось выполнять лишь время от времени. Так, Е. Чемодуров оформляет в это время обложку к «Полтаве» А. Пушкина, Куколев делает несколько рисунков к «Мертвым душам» и иллюстрирует книгу Умари для детей «Милый петушок». Над детской книгой в это время работают и П. Зобнин и М. Насырев.

Наивысший расцвет искусства книжной графики в Таджикистане стал достигаться в послевоенные годы. Именно в это время (1951 г.) при Союзе художников образуется графическая секция, а при Таджикгосиздате собирается постоянно работающий коллектив. Книг стало выпускаться много и,—это представляется весьма значительным,—они более качественны в полиграфическом отношении. Целый ряд изданий хорошо, со вкусом оформлен художниками, в них много рисунков, художественно оформленных форзацев, титульные листы и дермантиновые переплеты изобилуют стилизованными рисованными шрифтами. И титулы, заставки, а подчас и сами страницы оформляются разнообразным орнаментом: здесь и зооморфный, и растительный, и геометрические, примыкающие по стили-

стическим особенностям к развитому классическому орнаменту. Но при всем том большинство книг не перегружено оформлением, они легко и удобно читаются.

Пути развития современной книжной графики Таджикистана почти на всех этапах характеризуются упорными творческими поисками художников. Эти творческие искания направлены, главным образом, на раскрытие идейно-художественных достоинств литературного произведения. Внимание художников все больше привлекают образы героев этих книг. Именно создание образа человека нашего времени или героев прошлого составляет смысл творчества художников-графиков. В динамичных рисунках Б. Серебрянского к «Шах-наме», в изящных заставках П. Зобнина к «Комде и Модан», в иллюстрациях П. Кранцевича к рассказам таджикских писателей и во многих других работах художники пытаются передать великий пафос труда и ратных подвигов человека, стремятся воплотить в своих рисунках думающего, творящего, держащего современника нашей эпохи. Эти работы свидетельствуют о том, что художники-графики Таджикистана в своих исканиях стоят на верных идеологических позициях и пользуются единственно правильным изобразительным методом социалистического реализма.

В насыщенных тонким юмором Востока рисунках Орлова к книге «Таджикский народный юмор», в своеобразном оформлении обложки и интересных иллюстрациях В. Куколева («Волшебная коробочка» С. Юсуповой и Яновской), в полных стремительного движения, красочных рисунках П. Зобнина к «Фархад и Ширин» А. Навои, так удачно перекликающихся с классической миниатюрой и, наконец, в оригинальных белых силуэтных заставках Б. Серебрянского («Смерть ростовщика» С. Айни) лучше всего видны характерные особенности книжной графики конца 40-х годов.

В начале пятидесятых годов коллектив художников пополняется способной молодежью. В это время здесь работают В. Щедрин, К. Туренко, Д. Винокуров, В. Горбунов. Здесь начинает свою творческую и административно-педагогическую деятельность П. Кранцевич, много работает горячо любящий свое дело молодой художник А. Винников. Пробуют свои силы в книжной графике Ал. Диков, А. Ефимов, Т. Королева, В. Будный, Н. Невари-

каша, М. Хошхаян и др. Особое место в таджикской книжной графике занимает творчество П. Зобнина и Б. Серебрянского.

Павел Васильевич Зобнин один из немногих пионеров таджикской книжной графики. В 1935 году Таджикгосиздат готовил к печати книгу «Знатные люди Таджикистана». Был объявлен конкурс на выполнение супперобложки. Первую премию жюри присудило молодому художнику П. Зобнину. Это событие оказалось решающим в определении всего жизненного пути тогдашнего сотрудника отдела землеустройства Наркомзема Таджикской ССР. За время работы в издательстве П. Зобнин оформляет и иллюстрирует около 150 различных наименований художественной литературы, выставляет десятки плакатов. Область художественной деятельности П. Зобнина чрезвычайно разнообразна и широка: он иллюстрирует книги таджикских классиков, работает над художественным оформлением книг современных советских писателей, иллюстрирует поэтические произведения, народные сказки и с большой любовью и теплотой работает над книгами для детей.

П. Зобнину подчас не хватает широкой художественной эрудиции, более смелого полета художественного воображения, но никто из художников-графиков нашей республики не стоял так твердо и незыблемо на раз избранном творческом пути, как он.

Свои знания и творческое вдохновение Павел Васильевич черпает в жизни и труде народа. Именно поэтому его иллюстрации и рисунки отличаются глубоким пониманием жизни народа, с завидной искренностью и теплотой рисуют картины его труда и быта, раскрывают характеры литературных персонажей, их мечты и стремления, радости и страдания. С другой стороны, лаконичность и простота художественного изложения, повествовательный язык рисунка, которым чаще всего пользуется П. Зобнин, делают его творчество понятным и впечатляющим. Художник заставляет читателя проиллюстрированной им книги смотреть на жизнь глазами оптимиста, верящего в торжество светлой человеческой мысли, прогресса, справедливости и мира. Может быть, именно поэтому он так много работает в области оформления детской книги. Недаром ведь на доброй половине выпущенной Таджикгосиздатом детской литературы стоит имя П. В. Зобнина.

Детская книга—особый и сложный раз-

дел книжной графики. Здесь художник выступает не только иллюстратором книги, но и ее соавтором. Чаще всего в детской книге куда больше места уделяется рисунку, чем тексту. Поэтому язык рисунка детской книги должен быть предельно прост и выразителен: здесь недопустимы ни слишком сложная композиция, ни необычный ракурс и, конечно, совершенно неприемлемы какие бы то ни было формотворчество или субъективное экспериментаторство. Чёткий контур рисунка, естественная расцветка, вместе с тем красочность и жизнерадостность иллюстрации обязательны в книге для детей. Маленькими читателями лучше всего воспринимается повествовательный характер иллюстрации. Цветовое решение (имеется в виду расцветка отдельных предметов, животных, лиц, рук и платья людей) должно быть особенно продуманным. Нельзя в угоду, скажем, общему гармоническому сочетанию рисунка окрасить лицо человека в лиловый цвет (как нам однажды довелось видеть в представленном на просмотр рисунке молодого художника из издательства). Жесты людей должны быть безупречно верными и точными, повадки животных предельно правдивыми и естественными.

Все эти требования успешно выполняют П. В. Зобинным. За четверть века он создает целую галерею иллюстраций, многие из которых отличаются добросовестностью исполнения, пониманием задач детской книги, хорошим знанием психологии ребенка.

Подобно П. Зобину, во всех областях графики много и плодотворно работает Борис Иванович Серебрянский. В Таджикгосиздате он начал работать в середине 40-х годов. Художник большого внутреннего темперамента и незаурядного воображения, Серебрянский первыми же работами привлек внимание любителей и ценителей графики. Отличительной его чертой является свежесть и вдохновенность замысла, смелое и свободное изложение.

Больше всего Б. И. Серебрянский работает над художественным убранством и иллюстрациями к книгам таджикских классиков. Именно здесь лучше всего раскрывается самобытное, интересное художественное дарование Серебрянского. Почти с начальных же шагов своей деятельности в Таджикистане он начинает свою большую работу над иллюстрациями к «Шах-наме». Этот благодарный литературный материал вдохновил художника на целую серию станковых и книжных рисунков. В некоторых из

них он поднимается на значительную высоту и становится в ряд лучших оформителей и иллюстраторов «Шах-наме» за пределами республики.

Великие героические деяния литературных персонажей прошлого, жизнь, полная интересных, сказочных событий, мужество, благородство людей, высокий пафос происходящих событий склонял художника к торжественно приподнятому, насыщенному острыми драматическими положениями рисунку. Достоинства и мастерство Серебрянского настолько бесспорны, что мне кажется целесообразным и полезным для дальнейших работ художника отметить один, на мой взгляд, принципиальный недостаток в самом решении той или иной темы или сюжетного положения. Стремясь передать в рисунках настроение торжественной приподнятости людей, художник решает эти задачи внешне эффектными, подчас даже вполне выразительными, но никак не убедительными средствами. Обилие сложных ракурсов, стремительность рисунка, декоративные жесты, необычайные изгибы фигур людей, вздыбленные кони—все эти и многие другие эффектные, но малоубедительные приемы порой подменяют психологическую трактовку образа.

Вот одна из иллюстраций. Перед воротами крепости остановилась вздыбленная лошадь, всадник в боевых доспехах привез письмо. Весь рисунок выполнен в исключительно стремительном темпе, и лошадь, и всадник снабжены достаточным количеством различных дополнительных аксессуаров. Видно, очень быстро летел всадник на своем породистом коне и вдруг остановился перед стражей крепостных ворот—натянулась узда, высоко взметнулись передние копыта, лошадь в резком движении изогнула голову. Вся эта поданная таким образом сцена должна убедить в важности происходящего и, главное, подчеркнуть значение привезенного письма. Но в рисунке нет того, что дало бы ощущение важности происходящего.

По аналогии, невольно вспоминается всем известная изумительная картина Яна Веермеера Дельфтского. Там все спокойно. Даже на лице читающей нет ничего, кроме глубокой, предельно глубокой сосредоточенности. И странное дело—именно эта сосредоточенность и убеждает. Стоит человек, он и здесь и не здесь. Все его мысли, все его существо ушло куда-то далеко-далеко. Смотришь и веришь, всем сердцем веришь, что письмо для женщины—целый,

какой-то неведомый нам, но важный, большой мир. Большой мир в маленьком, спокойно лежащем в руках письме. И ведь больше-то ничего и нет. Драпировка, фрукты, окно и стоящая перед ним женщина с письмом в руках. Ни единого жеста, никакой стремительности, никаких вообще заметных эффектных приёмов. Всё спокойно, тихо и вместе с тем полно ритмом жизни, полно внутренней динамики, динамики человеческих чувств.

В искусстве нет и не может быть никаких рецептов. Но думается, что это сравнение помогает убедительнее передать то, что понимается под психологической трактовкой образа и драматической ситуацией. А ведь Серебрянский умеет! Он часто подходит к решению отдельных образов и отдельных ситуаций именно с этих позиций. Вспоминается рисунок (я имею в виду новый, еще не вышедший в свет, но сданный в печать рисунок к «Шахнаме») расправы братьев над Сивашем. Здесь стоящая спиной, несколько сгорбленная фигура Сиваша с поднятыми к лицу руками полна внутреннего драматизма. Именно она наиболее полно и глубоко передает трагизм ситуации. Здорово сделано! Ни одного лишнего жеста, никаких дополнительных атрибутов— без внешнего движения, но в то же время предельно динамично и исключительно убедительно.

Лучшим достижением в психологическом рисунке Б. И. Серебрянского мы считаем образ «Зохака». Это не тот стандартный тип, каким обычно принято показывать злодеев в рисунках. Он дан оригинально, интересно и, самое главное, жизненно; не в злодействе мы видим нового «Зохака», а скорее,— в каком-то иступлении, отчаянии, каком-то сомнении, а может, даже в угрызении совести, безысходности и неоправданности своего злого начала. Впечатление от «Зохака» Серебрянского может быть и спорным. Но одно несомненно—рисунок раскрывает внутреннее содержание образа, сочетающего какие-то человеческие начала и «коварного змия».

Нам кажется, что Борис Иванович стал на правильный путь, что он нашел то верное, что упорно и настойчиво искал. Отрешившись от внешней эффектности в пользу жизненной правды и психологической трактовки, всемерно повышая свое профессиональное мастерство, талантливый художник Б. И. Серебрянский порадует нас многочисленными новыми рисунками.

П. В. Зобнин и Б. И. Серебрянский на-

чали свой творческий путь раньше всех из ныне работающих в книжной графике Таджикистана художников. Сейчас здесь занято много художников. Оформительскую группу Таджикгосиздата возглавляет способный художник и энергичный организатор П. В. Кранцевич. Коллектив полон творческих сил и замыслов. Под руководством Кранцевича и технического редактора А. Винникова художественный отдел Таджикгосиздата стал настоящей школой книжной графики. Художники теперь могут записать в свой актив не один десяток книг, хорошо и красиво оформленных и содержательно иллюстрированных. Среди них рассказы таджикских писателей, проиллюстрированные Кранцевичем, «Арофа» (художник К. Туренко), «Мактабхон ман»—работы Щедрина, «Пулат и Гульру», оформленная художником Д. Винокуровым.

Области графики большие, и в сравнительно коротком обзоре не остановишься на всех ее разделах. Но нам хотелось бы еще упомянуть сатирическую графику и карикатуру, которые широко популярны благодаря журналу «Хорпуштак». Здесь мы наряду с уже знакомыми нам художниками встречаем ряд молодых имен, но без успеха пробующих свои силы: Х. Расулова, М. Сабирова, Д. Сафаева, Р. Хусейна и др.

Заметный рост виден в работах Х. Расулова. Просматривая его рисунки, сопоставляя их, ясно видишь, как крепнет перо художника, как все быстрее освобождается он от присущей порою молодым схематичности и скованности.

Привлекает внимание его рисунок в январском номере журнала «Хорпуштак». Автор интересно разоблачает такой пережиток прошлого, как многоженство. Созданный им тип многоженца оригинальнее многих других подобных же типов, кочевавших из рисунков в рисунки своими брюшками и изуверскими повадками. Его многоженец решен интереснее, чем его предшественники. Перед нами—тунеядец в модном пиджаке, ухмыляющийся, несколько игривый... Во всем его облике—напыщенность и самодовольство.

Художник, в данном случае, пошел по пути психологического решения темы. И это отрадно, ибо умение передавать психологию изображаемого человека, т. е. умение выразить в рисунке сущность того или иного характера, и является верным признаком профессиональной зрелости художника.

Правда, в этом рисунке Х. Расулову еще не удалось добиться той хлесткости и остроты характеристики, которые подняли бы его до высот типизации, но тем не менее мы можем зачислить этот рисунок в актив быстро растущего художника.

Подтверждает нашу мысль и серия его рисунков, появившаяся на второй странице обложки второго (февральского) номера журнала «Хорпуштак». Они перекликаются с темой его предыдущей работы. Избран повествовательную форму, Х. Расулов удачно передал логическую связь в уродливом воспитании ребенка, когда одно тянет за собой другое, и, в конечном итоге, формирует типы «белоручек», «стиляг» и иных потребителей жизни.

Х. Расулов—художник большой наблюдательности, много и упорно работающий над повышением своего мастерства.

Все вышеуказанное позволяет сделать

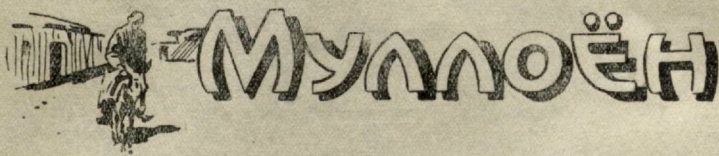
вывод, что искусство графики в Таджикистане находится на подъеме. В этой связи Союзу художников Таджикистана надо подумать о выставке книжной графики. Такая выставка показала бы, как с каждым годом улучшается выпускаемая в Таджикистане книга, как растет мастерство художников и лучше становится их рисунок, глубже и содержательнее — художественная мысль, смелее и интереснее язык изложения.

Коллектив графиков Таджикистана состоит главным образом из молодых художников. Многие из них не имеют на своем лицевого счету и десятка оформленных книг. Но тем не менее эти книги свидетельствуют о незаурядных художественных способностях. Они говорят о том, что наши художники стоят на верных реалистических позициях, что они повседневно совершенствуют свое мастерство в трудном и благородном искусстве оформления книги.

—————

Сатира и ЮМОР

Абдусалом Дехоти

В один из летних дней моего детства, должно быть, летом 1920 года, все наше семейство, набрав подарки и погрузившись на арбы, отправилось, глотая дорожную пыль, а гости к нашим дальним родственникам, на свадебный пир. Кишлак, в котором жили эти родственники, назывался коротко—Муллоён, кишлак мулл.

Не знаю, оттого ли, что так назывался кишлак, а может быть, и наоборот, но всегда, в любом случае, слово «мулло» употребляли при обращении ко всем его жителям—к мужчинам, женщинам и даже малым детям. Я уже слышал о взрослых, что с этим словом обращаются обычно к человеку, учившемуся в школе и умеющему читать и писать. Поэтому кишлак Муллоён казался мне кишлаком, где живут одни муллы—грамотные люди, и я был искренне убежден,

Что больше мулл не видывал, чем в этом кишлаке.
«Мулло»—ученый, стало быть,—у всех на языке. Хола-мулло, янга-мулло—здесь женщины звали так. Мужчин же всех: мулло-ака или мулло-амак. А стариков—мулло-бобо, детей—мулло-ука. «Мулло», короче, каждый миг срывалось с языка.

Слово «мулло» приставлялось не только к простым, односложным именам, но и к

именам, усложненным тем или иным прозвищем, как, например, Мулло Саидабор, то есть Мулло Саид праведный, либо Мулло Абдуразык аксакал, что означает—староста Мулло Абдуразык.

Наши родственники из кишлака Муллоён—Мулло Ато, Мулло Вафо и Мулло Сафо—были родными братьями. Взрослые всю дорогу предупреждали меня, что, почитая старших, я и жен этих братьев должен величать их полным титулом: янга-мулло старшая, янга-мулло средняя, янга-мулло младшая. Даже к девятилетней девочке Муаттар, которая и была-то старше меня всего на восемь месяцев и в жизни не слышала о книгах и школе,—даже к ней я должен был обращаться не иначе, как ойти-мулло.

Признаться, все это ввергало меня в смущение. Я тяготился этикетом и, возненавидев длинные имена и пышные титулы, был страшно доволен, когда на четвертый день свадебного туя мы собрались домой.

Но накануне отъезда произошел случай, смешавший все мои представления. В разгар пиршества, связанного с приглашением новобрачного в дом родителей жены, Мулло Ато и Мулло Сафо, старший брат и млад-

ший, поскандалили между собой. Теленок старшего залез в виноградник младшего.

— О, аллах, да остаться бы ему без хозяйина! Издохни, поганец! — приговаривал Мулло Сафо, избивая теленка.

Первый подняла крик янга-мулло старшая, жена Мулло Ато.

— Ой-ой, ваш младший брат призывает на наши головы беду!—кинувшись к мужу, завопила она.—Он сказал, чтобы все наши вещи остались без хозяйина!

Едва услышав причитания жены, Мулло Ато разом вспыхнул и понесся в виноградник, словно выпущенная из лука стрела. Схватив брата за шиворот, он обрушил на него град ударов.

— Проклятый,—говорил он, замахиваясь и опуская руку. — Нечестивец, если поступить согласно документу, то земля твоя отодвинется назад на три газа¹ и твой виноградник станет моим... Сирота ты несчастная, я думал,—ты человек...

— Вретел!—огрызнулся Мулло Сафо.—В каком документе это написано?

— Достань из сундука, я покажу этому слепому! — приказал старший брат жене и отпустил младшего.

Янгамулло старшая бегом принесла испанную бумагу и передала мужу.

— Вот, слепец, смотри! — ткнул Мулло Ато пальцем в бумагу.—Где-то здесь... вот тут, под этим пятном написано откудава и докудова моя земля...

Над бумагой одновременно склонилось несколько голов, однако никто не смог сказать, что там написано на самом деле. Мулло Ато, продолжая бормотать, водил пальцем по строчкам.

— Найти бы, кто прочел, он сразу докажет,—сказала его жена, янгамулло старшая, и вдруг мгновенно, будто что-то вспомнив, взяла из рук мужа бумагу.

— Идите сюда,—сказала она, направившись во двор к жене почтенного Мулло Абдуразыка аксакала, которая была много старше ее и поэтому почтительно величалась «оямулло» — матушкой. Та, вняв просьбе, водрузила на нос очки, долго вертела в руках бумагу, разглядывая ее и так, и этак, потом с трудом выдавила: «го... го...ду... ду... го-ду...».

— Глаза не видят,—сказала она в конце концов.

— Написано, сойти ему в могилу, так мелко, что в глазах рябит.

— Жалко,—вставила янгамулло старшая. —Если бы было написано, как в «Хафтияке» или «Чор китобе»*, и вы быстро прочли бы, и я!

..Много позже я узнал, что текст и этих книг они читали наизусть, как придется—что вспомнят, то и чешут...

Документ побывал в руках у всех женщин—матушек и тетушек, жен братьев, соседей,—словом, у всех этих оямулло, янгамулло, холамулло и даже маленьких девочек—ойтимулло. Выход из затруднительного положения придумала янгамулло средняя, жена Мулло Вафо.

— Неправильно написано,—сказала она вдруг, указывая на буквы арабского алфавита «син», «шин» и «ё».—Смотрите, какой у них длинный хвостик. Почерк мужчины должен читать мужчина. Пусть прочтет аксакал—бобо.

Оямулло, направляясь к мужу, почтительно Мулло Абдуразыку аксакалу, неведомо почему вздохнула.

А Мулло Ато и Мулло Сафо не унимались. Перебранка между ними вспыхнула с новой силой. Гости, начавшие уже расходиться, услышав шум, вернулись разнимать взявшихся за грудки братьев. Появился и Мулло Абдуразык аксакал. Он ступал важно, с достоинством печатая каждый свой шаг; в руках у него были четки.

— В чем дело?—сказал он.—Безрассудные, умереть вам, если деретесь в день свадьбы!

— Да паду я вашей жертвой, аксакал-бобо, — кинулся ему навстречу Мулло Ато.—Прочтите ему эту бумагу, пусть, сирота нечестивая, увидит правду.

Аксакал прикрыл глаза и долго, очень долго изучал документ.

— Проклятая старость,—сказал он наконец с кислой миной на лице. — Вот уже три-четыре года, как посмотрю на написанное, так и кружится голова, так и кружится, будто мельничный жернов...

Сказав это, он поднял голову и внимательно обвел глазами всех собравшихся, испытывающе заглядывая в лицо каждому, но все прятали в смущении глаза, и тогда Мулло Абдуразык аксакал принял другое решение.

¹ «Хафтияк» и «Чоркитоб» — мусульманские религиозные книги.

¹ Газ—мера длины, равная примерно 1 метру.

— Одержимые! Вы—муллы и дети мулл, а спорите из-за пустяка. Примиритесь! Бумага никуда не убежит. Приедет мой мирза из города, он прочтет, тогда и придумаем что-нибудь.

Этим восстанавливающим мир решением все, кроме повздоривших братьев, остались довольны; тяжкий груз смущения упал с плеч отсутствующих, они легко и свободно вздохнули...

...С тех пор утекло много воды. Вторично в кишлак Муллоён я попал только через тридцать восемь лет—в феврале нынешнего года. Сказать правду, я не сразу узнал те места: от старой, в ухабах и ямах, дороги не осталось и следа. Широкая асфальтированная улица привела меня к зданию школы-десятилетки. Исчезли подслеповатые, того и гляди развалятся, кибитки, стоят светлые, просторные дома... Колхозный дом культуры... Когда-то тут была кукнорхана, место, где травило себя наркотиками не одно поколение жителей кишлака мулл...

Однако удивительнее всего, на мой взгляд, было то, что люди не обращались теперь друг к другу со словом «мулло». Из знакомых мне родственников остались в живых только Мулло Сафо и его жена, янга-мулло младшая. Остальных я видел в первый раз. И, когда мы разговорились, вспоминая прошлое, Мулло Сафо сказал мне, что кишлак их теперь не отличается от города, да и название у него другое.

— Какое?—спросил я.

— Донишабад,—ответил он.

Донишабад, город знания... Я пробыл в нем два дня и могу подтвердить, что теперь-то он соответствует своему названию. Потому что люди здесь сплошь образованные. Многие из них закончили вузы, работают агрономами, врачами, техниками, учителями...

— Из неграмотных грамотеев я да твоя янга-мулло младшая остались,—смеясь сказал Мулло Сафо, которому, по собственным словам, уже семьдесят лет.

„По норме Хайяма“...

Глянув на заголовок, читатель, разумеется, придет в недоумение: заголовок покажется ему по меньшей мере странным.

— Что это за «норма Хайяма»?—может подумать он.—И причем здесь великий поэт и ученый?

Но не причем тут прежде всего автор. Не будь такого заголовка—не было бы и рассказа. Человек, который поведал об этой истории—мой давний приятель Ибрагим-Зода, съевший на бухгалтерском деле собаку, так и начал:

— Хотите о «норме Хайяма» послушать рассказ?...

Характер у Ибрагим-Зода, скажу во избежание дальнейших недоразумений,—очень покладистый. Человек он мягкосердечный, уступчивый и всегда спокойный, ровный в обращении с кем бы то ни было—словом, из тех, кто побеждает гнев кротким словом.

Осенью прошлого года,—говорил он, протирая очки,—командировали меня в колхоз «Гайрат» помочь составлять годовой отчет. Когда-то я долго работал там главным бухгалтером и хозяйство артели,

всех её членов, от стара до мала, знал, как свои пять пальцев, потому что в день не раз и не два приходилось проводить через бухгалтерские книги. Бухгалтерия, говорят—зеркало предирятия, а если так (и тут гордая улыбка осветила лицо моего приятеля), то бухгалтер — человек, который держит это зеркало, оинадор!..

Такого высокого мнения был Ибрагим-Зода о своей профессии и при случае всегда подчеркивал это. Но не будем отвлекаться от сути его рассказа.

— Потом,—продолжал он,—я перешел на работу в другое учреждение. От колхозных дел, естественно, отошел... Но знаете, родных нет, а по родной стороне сердце нет-нет да и заносит. Возвращаясь в те места через восемь лет, я здоровался с каждым знакомым кустиком, волнуясь, словно любленный, для которого, раз речь идет о Хайяме, «день без любви—потерян»... Перемыны в колхозе громадные, и радость мою по этому поводу ни в какой дебет-кредит не уложишь. В бухгалтерии—молодежь: раньше работали рядовыми колхозниками, а

сейчас поокончили бухгалтерские курсы да финансовые техникумы, кое-кто уже в институтах заочно учится. Короче, времена бегут и люди растут... Чудо чудеснее любого чуда, хотя и не такое уж необычное! И только двое из моих старых знакомых, Барот и Раджаб, меня огорчили...

Ибрагим-Зода нахмурил брови, на лице — брезгливость и отвращение. Вздохнул.

— Славными ребятами помнил их, а тут, как стали счетоводами, будто какой-то злой джин сел на них. Сел и сверлит, сверлит и жужжит. На работу являются невыспавшимися, работать не работают, а портят бумагу да на счетах стучат с какой-то злостью. Шак-шук, шак-шук!... Постучат для вида, потом начинают:

«Друг, — говорит один другому, — не варит, черт подери, механизм, а?»

«Да-а, крепко вчера... Та, последняя, была лишней!»

«Вчера лишней, а сегодня не лишнее...»

«Чего крутить быку хвост, возьмем его за рога. Идем подремонтируем немного...»

С этими словами друзья вставали и уходили. «Ремонт механизма» затягивался на два-три часа. Головы, конечно, после такого «ремонта» работали ещё хуже, в документах что ни цифра, то ошибка. Им выговаривать начнешь — обернутся горлинкой невинной: «Муаллимджан! простите, конь на четырех ногах и то спотыкается».

Ну что с ними делать?

Однажды истощилось моё терпение, и сказал я друзьям:

— Вино входит — ум выходит. Не от умения ваши ошибки, а от чрезмерного увлечения алкоголем. Да, да, кто вино любит, сам себя губит — и работу свою, и здоровье. Приходилось вам слышать, как Омар Хайям...

— О-о, Омар Хайям! Великий человек! — прервал меня Раджаб, ткнув пальцем воздух и пошатнувшись.

— Он наш пири, — поддержал его Барот. — Старейшина любителей выпить... ай да молодец!

— Понимать философию великих таким образом — ошибка, — возразил я. — Большая ошибка... Но не об этом сейчас речь. Допустим, как вы изволили сказать, Омар Хайям старейшина любителей выпить.

Однако вам-то известно, что он говорил? Хайям...

— Знаем, муаллимджан, — вновь оставил меня Раджаб. — Вино пей, будь весел, не грусти — говорил!.

— Если считаете меня муаллимом, то извольте выслушать до конца, — сказал я, постаравшись придать голосу железные нотки.

— Хорошо, я слушаю вас, — навалился Раджаб на стол, с пьяной ухмылкой сунувшись ухом чуть ли не к самым моим губам. Я отвел лицо.

Хайям сказал:

Если пьешь ты вино, то лишь с самыми
мудрыми пей
Ли с самой прекрасною, с той, что
тюльпана нежней
Слишком много не пей, редко-редко
встречайся с вином
Ведь иначе его оскверняешь ты жаждой
своей.

— Хорошо сказал, б-благословенна память его отца! «С мудрыми пей, умно значит...»

— Умных людей много, — вставил Барот, — но где нам находить каждый день ту, «что тюльпана нежней», да еще по нескольку раз?..

* * *

Вино с разумом не ладит. Людей, как говорится, больше погибает в вине, чем в воде. Ведь эти два неразлучных мункарнакира, два ангела, усевшиеся на плечи людей и колхоза, дошли в своем беспутстве до того, что начали потихоньку таскать из дому вещи. Сегодня рубаху, завтра еще что-нибудь... «Обмоем» — это было любимое их словечко. Встретят кого-нибудь из знакомых со сверточком в руках, — «Что купил?» — «Носки»... — «Обмыть надо, чтобы долго носились»...

Однако два дня после нашего разговора было тихо: речи о «ремонте головы» друзья-субутыльники не заводили. Работа шла как по маслу. Я уже возгордился своим педагогическим талантом... и, улы (Ибрагим-Зода вздохнул) взглянул сам себя: утром третьего дня Раджаб принялся шепотом, чтобы я не слышал, искушать Барота. Правда, тот на соблазны не поддался — тоже шепотом отбивался: «Умолкни, корень зла... Скорпион!..»

Потом я узнал, что Барот накануне был взят в оборот родственниками: от него

¹ Муаллимджан — дорогой учитель.

ушла жена—позор на весь белый свет, и родители пригрозили забыть его имя.

Короче говоря, стрелы Раджаба на этот раз в обычную мишень не попадали. Загрустил он, заскучал, а потом... что же вы думаете он сделал потом?.. Да-а... Раджаб обратился ко мне, подошел с такой, знаете, любезной до приторности улыбочкой.

— Муаллимджан, — говорит,—я крепко запомнил ваш драгоценный совет, что будет, если мы так... умно, по норме Хайяма?

— Что «что будет?» — сделал я вид, будто не понимаю, о чём говорит.

— Норма Хайяма... вместе с вами... по рюмочке, а?

— Нет-нет, во время работы ни в коем случае!—энергично запротестовал я, а у самого внутри все похолодело: добра пожелал, сам, думаю, в беду попал... Но что делать? Раджаб стоит над головой, улыбается все так же любезно-приторно, и я, не найдя ничего лучшего, — хорошая мина при плохой игре — собрался с духом, сказал: Заговорил, так надо договаривать. Хорошо, только вечером, после рабочего дня.

Неприятно, конечно. Но, как сказал Хайям,

Запрет вина—закон, считающийся с тем,
Кем пьется, и когда, и много ли, и с кем.

Вот «с кем»—тут похвастаться не могу.

На утро Раджаб пришел в контору с опухшим после похмелья лицом, глаза—красные, весь взъерошенный. Едва вошел—сразу ко мне.

— Муаллимджан, вчера вы обманули меня, даже норму Хайяма—и ту уменьшили. Когда ушли, мне обидно стало... Благословенны будут друзья, выручившие меня. Вот тогда вышло умно, прямо по норме Хайяма! Проклятье,—ткнул он себя в голову,—винтики тут опять шалят...

Вечером собрались у одного из колхозников по случаю прибавления в его семье. Поздравили с первенцом. Дастархан¹ ломился от яств. Раджаб, хоть и незванно, но тут как тут. При виде бутылок глаза его заблестали молниями.

— Муаллимджан, сегодня норма Хайяма будет отвечать всем требованиям,—сказал он и нахально улыбнулся.

* * *

Слово взял косагуль².

— Дети—самая дорогая радость для че-

ловека,—начал он свой тост за нового гостя на земле. Все согласились с ним.

— А сильный рост! За него надо выпить до конца,—сказал Раджаб, опрокинув рюмку в рот одним движением.

Второй тост предложил кто-то из пожилых и поэтому особо почитаемых людей. Он поднял бокал за здоровье родителей новорожденного.

— Отец и мать подобны яблоне, ребенок—яблоку...

— Ого!—воскликнул Раджаб и поднялся, прерывая оратора. — Сказать правду, этот тост сильнее первого, для него рюмка мала,—я, нимало не смущаясь осуждающих взглядов присутствующих, он перелил рюмку в пиалу, долил пиалу из бутылки, вылил её в свой бездонный колодез.

Веселье продолжалось. Гости, собравшиеся в двух смежных комнатах, попивали чай, шутили, смеялись, слушали своих колхозных певцов и музыкантов... Один Раджаб не отрывался от дастархана. Событийников здесь у него не было, соблазнить никого не мог. Из соседней комнаты донесся веселый шум и аплодисменты.

— Кажется, там тоже произнесли сильный тост,—мигом поднялся Раджаб.—При соединимся к нему всем сердцем!—сказал он, наливая сам себе и тут же выпивая.

Косагуль, не дававший гостям скучать и хорошо знавший нрав Раджаба, подмигнул одному из своих помощников. Тот наклонился к уху нашего бухгалтера:

— Сделайте одолжение, выйдем на секунду...

Раджаб не осмелился не последовать приглашению, однако до самого порога не отрывал глаз от дастархана, будто оставил там свое сердце...

* * *

— Сорняку долго в поле не жить, рано или поздно его вырвут,—сказал в заключение своего рассказа мой приятель Ибрагим-Зода,—Раджаба выгнали из колхоза. Свообразное толкование мудрых стихов Хайяма привело его на скамью подсудимых. Решив отомстить, он напился и полез драться. Пострадавшие, видимо, не остались в долгу...

— В район его, в милицию!

— Хулиган проклятый!

— Все мы свидетели...

Перекрывая этот гул возмущенных голо-

¹ Дастархан—стол, уставленный угощением.

² Косагуль—виночерпий, томидз.

сов, в форточку моего окна влетел вопль Раджаба:

— Муаллимджан, спасите!. Они клеветают... Я не пьян, я только чуть-чуть... умно, по норме Хайяма...

Спасать? Я не «ханжа сухой»—«рудник текучего рубина» хорош в дни празднеств, если, конечно, в меру. Пить до дна,—говорится в народе,—не видать добра... Жалко

мне стало Раджаба, но, услышав это издевательское «по норме Хайяма», сердце свое обратил в камень. Сказал же мудрый Хайям:

Не ставь ты дураку хмельного угощенья,
Чтоб оградить себя от чувства отвращенья...

И я подумал: «Ошибаетесь, Раджаб. По делам и возмездие»...

Перевел Лев Кандинов.

Банний день Остапа Бендера

(Литературная пародия)

— Объявляю на сегодня банний день, — сказал Остап и кинул свою мощную фигуру в кресло, которое ему недавно подарила Пусенька Кукишвили, девушка 64 лет.

— А мне можно? — вежливо блестя глазами, спросил Паниковский.

— Вы пойдёте в женскую, ибо от мужчины у вас уже ничего не осталось, — сухо произнёс командор, не отрываясь от газеты.

— Я старый, я больной, меня никто не любит, — закончил Паниковский, утирая глаза манжетом цвета глаз цыганской красавицы Кармен.

— Обратитесь в центральную экспериментальную лабораторию оживления и омоложения, — сказал Остап, — там помогут.

Но в баню Паниковский всё-таки пошёл. Он увязался за Остапом, шёл как-то нерешительно, бочком, и часто падал, наступая на штрипки от красных кавалерийских штанов, которые он украл недавно в краеведческом музее города Черноморска.

На старом, полуразвалившемся здании сияло несколько огромных золочённых вывесок:

БАНЯ ЧЕРНОМОРСКОГО БАННО-ПРАЧЕЧНОГО ТРЕСТА.

**ПАРИКМАХЕРСКАЯ ЖАНА АБРАМОВИЧА. ТРЕХМЕСЯЧНАЯ ЗАВИВКА
С ГАРАНТИЕЙ НА ГОД.**

РАЗВОДИТЬ ОГОНЬ В ПАРНОЙ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

— М-да, — хмыкнул Остап, деловито проверяя, крепко ли держатся вывески. — Из этого золота можно было бы наделать зубов на целую роту таких недоносков как вы, Паниковский.

Конечно, если вставлять вам не больше двух зубов — с десятком вы уже опасны для общества!

— Я старый, грязный старик, я хочу помыться, — вновь захныкал Паниковский. — У меня ноги грязные...

— У всех ноги грязные, — неумолимо сказал Остап и толкнул тяжёлую дубовую дверь.

— Сдаётся мне, вашу баню построили еще при Владимире Мономахе, а, девушка? — с очаровательной улыбкой сказал Остап кассирше, незаметно вытаскивая из око-

шечка два билета. — Да, отсталая техника... В Монтевидео на каждую человеко-индивидуальность положена отдельная мочалка, а у вас я вынужден мылить своё благородное тело той же мочалкой, что и этот старый иднот, — он указал пальцем на Паниковского, — рискуя заболеть одновременно раком, склерозом вен, сибирской язвой и желтухой!

Ослепительное красноречие Остапа и его улыбка покорили девушку, и она молчала.

— До скорой встречи, мадам, — мило улыбнувшись, сказал Остап. — Спешу в Лиссабон на международную конференцию владельцев граммофонов выпуска 1912 года. Не хотите ли получить какой-нибудь португальский сувенир? Ну там чулочки с пяткой цвета заката на Соломоновых ос-

тромах или шляпку «мадмуазель Цецилия едет в Мозамбик»? Нет? Адыо! Пишите письма!

Паниковский был уже в раздевалке. Быстро скинув с себя алые штаны и рубашку в жёлтую крапинку — больше на нем ничего не было, — он бодрой рысью потрусил в парную.

Там было пусто. Единственная шайка с клеймом «Чистота — залог здоровья» си-

— Но в чём же я её смеаю! — возопил старик, подняв руки.

— Знаете, Паниковский, вы меня просто поражаете, — ответил Остап. — В наш век пылесосов, тракторов и дизель-электроходов вы берёте на себя смелость заявить, что в бане нельзя обойтись без таза. Вы несправимый человек!

Паниковский старчески всхлипнул, кряхтя нагнулся, подставил свою сморщенную

ротливо белела на каменной скамейке. Паниковский, дрожа и захлёбываясь от восторга, наполнил её, но тут откуда-то сбоку вынырнула мускулистая рука Остапа и схватила шайку. Старик вцепился в тазик обеими руками, но Остап так резко дернул таз, что тело Паниковского, описав дугу, шлепнулось в двух шагах от командора, у самого крана.

— Негры племени ням-ням не моются, а этому выродку-интеллигенту надо, видите ли, ошпарить свои благородные кости кипятком! — негодуя сказал Остап, намыливая голову мылом. — Мойтесь прямо из-под крана и не делайте глупостей!

— Но ведь вода горячая! — простонал Паниковский.

— Там есть и холодная, — вежливо сказал Остап, продолжая намыливаться.

спину под один из кранов и неуверенно отвернул его.

Воды не было.

Паниковский мужественно простоял под краном пять минут, — разгизаться ему не хотелось — но вода не шла.

— Эй, вы, потомок гориллы, налейте-ка воды в таз! — крикнул ему Остап.

— Нет воды! — мрачно сказал потомок гориллы.

— Паниковский, не шутите, я в мыле! — угрожающе произнес Остап, шагнул к старику. — Вы знаете, как я однажды наказал человека, ответившего мне точно так в точно таких же условиях? Я просто заставил его съесть мочалку, которой мылился я, мой неродной папа турецкий султан и все родственники до пятого колена. Она весила два килограмма шестьсот граммов. Не де-

лейте глупостей, старик, не будите во мне зверя!

— Но воды действительно нет! — заплакал Паниковский.

— Тогда подавайте сигнал «СОС»: терпим бедствие, спасите наши души! И давайте быстрее, я не привык стоять в мыле.

Паниковский подошел к двери, элегантно прикрываясь одной рукой.

— Господа, господа, прошу вас, принесите воды! — гремел Паниковский.

— Мы в мыле, я прошу вас, же ву при!

Через несколько минут пришла подслеповатая старушка с закопченным чайником и стала поливать Остапа.

— Потише, мадам, горячо, — говорил Остап, поживаясь под струей. — Я ведь не какой-нибудь лавочник, я частный зубной врач, отец трех семейств.

Паниковский, все еще стыдливо прикрываясь, жался в углу.

— Что вы там жметесь, Апполон? — спросил Остап, протирая глаза. — Ах, вы стесняетесь! Вы боитесь, что ваш экзотический вид сразит эту целомудренную девушку, и она бросится на вас! Не бойтесь!

Время вооруженных нападений на первосортных мужчин давно прошло.

Оделись они быстро. Остап завернул узелок с бельем в огромную афишу, предварительно снятую им со стены, и они вышли в коридор. Но тут их остановила банщица.

— Граждане! — сказала она. — Вы не заплатили за коммунальные услуги. — Где ваши билеты?

— За коммунальные? — ехидно спросил Остап. — А за индивидуальные? А за морально-философские? А вы знаете, что в Парагвае вообще отменена билетная система? А что, если я сейчас пожалуюсь товарищу Киндзимерандзи? Вы знаете, что сделает с вами товарищ Киндзимерандзи? Котлету де-валяй сделает из вас ответственный товарищ Киндзимерандзи. Ах, мадам, мне жаль вашего мужа-пьяницу и мальчика-рахитика!

И, сказав это, Остап решительно вышел из здания. Паниковский, приняв угрожающий вид, молча шел следом, скорбно наступая на штрипки от штанов — он опять забыл завязать их.

Наш календарь

М. Явич

Поэт-трибун

(К шестидесятилетию со дня рождения П. Сулеймони)

П. Сулеймони.

Есть люди, которые не могут умереть. Они всегда живы. Живы в десятках сегодняшних дел, в духе нашей сегодняшней стройки, их мысли злободневны, современные, они идут в ногу с нами, они, как и мы, строители нового. Таких людей много. Среди них— поэт, жизнь которого посвящена народу, его делам, мечтам, любви. Каждая его строка наполнена боевым наступательным духом созидания.

Небольшой сборник стихов. На обложке — Пайрав Сулеймони. Перечитываешь и на память невольно приходят слова В. Маяковского;

В курганах книг,
похоронивших стих.
Железки строк случайно обнаруживая,
Вы
С уважением
ощупывайте их
Как старое,
но грозное оружие.

Впрочем, это не отдельные строки—вся его жизнь образец верного служения революции, к которой пришел поэт сложной, но верной дорогой.

Маленькая книжка стихов—это все, что осталось от поэта. В чем же секрет его бессмертия? Почему так помнят и любят Пайрава?

Поэт прожил всего 34 года.

Но какие это были годы. Феодализм с его изуверством и мракобесием. Разгул реакции в Бухаре. Победа народа. Со-

циальная и культурная революция. Первая пятилетка.

Такой же сложный путь пройден и поэтом,—от эпигонских романтических газетей к поэзии социалистического реализма.

«Книга жизни переворачивала страницы века. И каждый байт, каждое стихотворение в этой величественной книге давал и тебе незабываемые уроки жизни. Ты был одаренным, но непокорным учеником. Но у тебя был прекрасный учитель. Он много дал тебе... Ты буйно тянулся вверх, как весенняя трава. Ты отважно шагал вперед. Ты не знал страха. На твоём пути встречались камни. Ты спотыкался и падал. Вставал и снова шел вперед. Только вперед».

Так написал о поэте Хаким Карим—превосходный писатель-новеллист, мужественный солдат, погибший в годы Отечественной войны.

Чувство современности сближает нас с Пайравом.

Нам близки его стихи, написанные почти 30 лет тому назад. Они до сих пор не потеряли своей актуальности, они заражают нас своей взволнованностью, заинтересованностью в судьбах современников, а его лирические стихи до сих пор покоряют нас своей искренностью, страстностью, глубиной чувства, как покоряли и 30 лет назад.

Лирическая тема всегда занимала в творчестве Пайрава ведущее место. Именно через личное, взволнованное, интимное приходит поэт к пониманию большого, общественного. Вся жизнь, весь мир, все со бытия, становятся для него не только общественным, но и глубоко личным делом.

Боль за чужую исковерканную жизнь,

за поправные права человека, ненависть ко всему, что коверкает эту жизнь, ко всему, что подавляет и унижает волю и свободу человека, пронизывает творчество поэта.

Боец и лирик, трибун и романтик—так сложился этот большой талант. Поэтому так интересно проследить путь формирования поэта.

...Представим Бухару на рубеже XX века. Узкие улицы, сжатые глухими стенами двухэтажных и трехэтажных домов, напоминали могилы, грязь на улицах невообразимая, густая, как каша, и вонючая. Вспоминая Бухару того периода, С. Айни писал: «Старые медресе, построенные три или четыре столетия назад, донны удивляющие нас своим великолепием, как бы олицетворяли феодальный строй, внешне нарядный, величественный, сверкающий, а внутри темный, удушливый, смрадный, невыносимо тесный. В этих зданиях выражено лицемерие и жестокость феодализма...»

Да, Бухара была такой же, как несколько столетий тому назад. Казалось, все это вечно и незаблемо.

Но это только казалось.

На рубеже XIX—XX веков в Бухаре мучительно и медленно начинает развиваться капитализм. Молодая торговая буржуазия не могла развиваться без расширения внутреннего и внешнего рынка, без широких связей с Россией. Гнет эмира и фанатизм духовенства мешали им. Естественно, что для бухарской национальной буржуазии были типичны либеральные настроения. Ограниченная монархия, новомодные школы, развитие национальной культуры—вот о чем мечтали представители национальной буржуазии.

С познанием России приходило познание мира. Ведь феодальное духовенство искусственно ограничивало мир стенами бухарского оазиса. Вместе с заказами крупных лодзинских и московских фирм приходили книги, приходила могучая русская культура. Имена Пушкина и Герцена, Белинского и Чернышевского стали рядом с именами таджикских поэтов и просветителей.

Отец Пайрава, крупный торговец каракулем, был связан торговыми интересами не только с городами Средней Азии, но и с петербургскими и московскими фирмами. Это был широко образованный человек, прекрасно знавший родную литературу и историю.

Двоюродный брат матери поэта—Мусоджон Саидджонов,—который кстати пользовался очень большим влиянием на будущего поэта,—был широко образованным человеком, блестящим знатоком истории Средней Азии. Он хорошо знал и любил родную литературу.

После революции 1905 года он открыл в Бухаре первый книжный магазин и первое книжное издательство «Китобхонаи маарифат», где в течении многих лет была сосредоточена литературная жизнь Бухары.

Сильны в семье были и поэтические традиции. Здесь не только знали и любили поэзию, но и сами писали стихи. Особенно сильна была эта поэтическая жилка в семье — матери Пайрава. Талантливым поэтом был дядя Пайрава, писавший под псевдонимом «Мухлис». Стихи дяди поэта Садриддин Айни включил в «Антологию таджикской поэзии» под псевдонимом «Шоик».

С первых дней своего детства мальчик был окружен стихами.

С детских лет будущего поэта окружали люди, с ненавистью относящиеся к гнилому воздуху разлагающегося бухарского ханства. Он слушал слова о свободе, о России, о революции.

А напряжение в стране все нарастало. Чем сильнее становились либеральные настроения в стране, чем громче доносились революционные раскаты извне, тем ожесточеннее становились реакционные силы.

После Великой Октябрьской революции Бухарский эмират становится центром контрреволюционной деятельности. Он является опорной базой для басмаческих шаек в Туркестане, сборным пунктом остатков разгромленной российской белогвардейщины.

Эмир объявляет «священную» войну против джадидов, против кафилов, неверных, против всех тех, кто пытался расшатать основы эмирата. Реакционные элементы в Бухаре пытались уничтожить все мало-мальски прогрессивное, передовое.

Рассказывая об этих страшных днях, когда кровь невинных людей заливала улицы Бухары, когда никто не был защищен от алчности судьи, мести соседа, ненависти врага. Когда можно было любое убийство, любое преступление прикрывать словами—он был джадид,—Айни в своей повести «Бухарские палачи» писал:

«Чтобы разобраться, кто джадид, а

кто не джадид, судьи Бухары, творящие суд на основе шариата, поясняли:

— Всякий, у кого на рубашке есть пуговица,—джадид.

— Всякий, кто носит короткий пиджак,—джадид.

— Всякий, у кого борода подбрита и у кого длинные усы,—джадид.

Всякий, кто обучает своего сына в новометодной школе, кто читает газеты,—безусловно джадид...

Джадидов же нужно хватать и убивать».

Бухара утопала в крови, а Пайрав, как бы бросая вызов фанатизму и изуверству, продолжал учиться в русской школе, ходил в европейском платье. Правда, пробираясь из Бухары в Каган, где находилась его школа, он надевал поверх форменной одежды халат и чалму.

Но опасность быть изувеченным или просто убитым на улице первым попавшимся фанатиком была слишком велика. Страстный, впечатлительный юноша не умел и не хотел скрывать своей ненависти к фанатичному изуверству ислама.

В конце концов отец был вынужден забрать Пайрава из школы и заставить его скрыться от ярости фанатиков в женской половине своего дома. На улице юноша мог выходить лишь под паранджой.

Это вынужденное заключение продолжалось около двух лет. Все это не могло не наложить свой отпечаток на впечатлительную душу юноши.

Может быть, впервые так глубоко задумывается он над страшной несправедливостью окружающей его жизни, о тяжелом безвыходном положении эксплуатируемых масс, о страшном произволе бухарского эмира. Поэтому с такой радостью встретил поэт бухарскую революцию 1920 г.

Пришла республика, страданий сбросив бремя,

О, молодое племя,

Твое настало время

Сквозь окна из-за стен флаг излучает алый

Свет новый небывалый

На площади кварталы.

(Пер. С. Липкина)

Да, именно «встретил», «встретил» как свидетель, а не как участник.

В первую очередь, он увидел в ней свое собственное освобождение и освобождение тысяч пленных, которые томились в тюрьмах эмирата.

Плененным голубем ты стонешь от бессилия
Твои разбиты крылья
И ты в тисках насилия
Я заключен в тюрьму, как раненная птица
Вокруг меня темница
Душа моя томится.

Говоря о пленниках, он понимал под ними не только тех, кто активно боролся против эмира, сидел в тюрьмах и зинданах, а главным образом тех, кто как он сам скрывался от эмирской реакции и не имел возможности открыто высказывать свои симпатии, антипатии, свои мысли.

Вспоминая эпоху реакции, поэт с болью пишет о сотнях и тысячах жертв эмирского террора, о реках крови, которыми палачи по приказу эмира залили землю.

О юноши, ваш стан согнулся тополевым,

Терзают вас оковы,

Измучил гнет суровый

И женщины и мужчины удел жестокий страшен,

И кровью их окрашен

Простор полей и пашен.

И здесь мы ясно видим, кого подразумевает Пайрав под «юношами с тополевыми станами». Он подразумевает здесь, конечно, младобухарцев, пытавшихся использовать февральскую революцию 1917 года и страх эмира перед нарастающим революционным движением в своих буржуазно-националистических целях.

Но пытаюсь захватить власть в свои руки, джадиды просчитались. Им не удалось ни захватить власть, ни склонить эмира к уступкам. Правительственный террор захлестнул страну, сделав из джадидов «мучеников за правду».

Искренность поэта не вызывает сомнения, его радость приходу революции несомненна, но при всем этом стихотворение, как вы видели, написано под несомненным влиянием идей джадидизма. И все же это стихотворение, являющееся попыткой выйти из узкого круга любовной тематики и обращения к политической лирике,—говорит о том, что в душе поэта происходили серьезные сдвиги.

Но путь от романтизма восторженного юноши к революционной романтике не был прямолинейен и прост.

Да, «—пришла революция страданий сбросив бремя» и восторженному юноше казалось, что на земле немедленно наступит «золотой век» всеобщего счастья и свободы.

А в действительности все было иначе. В сущности говоря, первые годы револю-

ции внешне мало что изменили в семье Пайрава. Те же разговоры о литературе, перемешивающиеся с разговорами о торговле, все такие же горячие споры вызывали та или иная строчка Хафиза, воспевающая «жестокую красавицу» и все так же под густой сеткой паранджи оставалась женщина Востока. Все так же страстно воспевалась «любовь» в стихах поэтов, и все так же холодно изгоняли это слово из жизни, заменяя его словом «расчет».

И скоро этот страшный разрыв между словом и делом, между тем, чему он привык верить и тем, что происходило вокруг него в действительности, Пайраву суждено было почувствовать на себе.

Поэту шел 22-й год. Воспитанный на романтической любовной поэзии Востока, влюбленный во все прекрасное, Пайрав мечтал о какой-то особенной любви.

К этому времени относится его встреча с Н., оставившая глубокий след в его жизни. Девушка покорила его не только внешней красотой, но главным образом тем, что она не была похожа на других женщин, которые в то время окружали поэта. Это была первая, свободная женщина.

Именно о такой женщине говорил впоследствии Пайрав в своем стихотворении «Свободу женщинам Востока».

Ты — полноправный человек,
Венец природы, гордость мира!

А в это время отец решил его женить. В этом случае меньше всего интересовались желаниями самого поэта. Брак это была такая же коммерческая сделка, как и покупка или продажа крупной партии какаюла.

Вопрос о браке Пайрава давно уже был предreshен. По соседству жил дядя поэта, на его дочери маленькой Мухаббат, двоюродной сестре Пайрава и должен был жениться поэт. По давней традиции дети были сосватаны в колыбелях.

После свадьбы молодые поселились в доме родителей мужа. Но счастья в новой семье не было, и Пайрав воспользовался первым подходящим предложением, чтобы уехать из дома. Его дядя направляет его на работу в Афганистан в качестве посла во вновь организованное там Бухарское посольство. Он берет с собой Пайрава в качестве переводчика и секретаря. Через год поэт возвращается домой.

Но время и поездка не излечили Пайрава. Молодой поэт, — человек больших

чувств, больших страстей, до конца верен своему чувству:

Я болен любовью, я тяжко страдаю.
Спасенья не надо, я так полагаю.
Мне легче, когда в неведении сладком
О встрече мечтаю,—в разлуке сгораю.
Мне лучше, когда я повсюду украдкой
Ищу, нахожу, нахожу и теряю.
Как быть без тебя мне, как быть мне с тобою?
Ведь гибельной встреча окажется, знаю...

А жизнь наступала на Пайрава,—непопятная, сложная, противоречивая...

Что сказал я, что время приказывает мне
молчать.
Что сделал я, что меня, как Мансура, тянут на виселицу
Какие проклятия слышал я от этого времени
Каких только ударов не вытерпело мое сердце от ударов судьбы.

Все ясней и ясней становится для Пайрава ложь окружающих его людей, несбыточность его мечтаний, невозможность найти счастье в любви. Пайрав разрывает рамки замкнутых личных переживаний, интимная тема в его стихах перерастает в социальную.

Он пишет свое знаменитое стихотворение «Ночь разлуки с мыслями о любимой» и в «этой теме и личной и мелкой, перепетой не раз и не пять» у Пайрава зазвучала большая социальная тема. Ведь в этой любви у Пайрава и страстный протест против окружающего его лицемерия, против неумолимых законов «расчета» и «традиции» и тяга к новой жизни, к свободе, к правде чувств и отношений. В первое время все это олицетворялось у него в его любви.

Но постепенно он начинает многое пересматривать, на многое начинает смотреть другими глазами и если Маяковский некогда писал:

Я ж с небес поэзии бросаюсь в коммунизм
Потому что нет мне
без него любви.

то по сути дела это же чувство звучит и у Пайрава.

Но проснулся я и понял—вот свобода!—
Я за призраком гонялся год за годом.

Призрак у Пайрава это не только несчастная любовь, но и те догмы, которым его обучали в лавке его отца.

И весь его лирический цикл тех лет свидетельствует о той большой борьбе, которая происходит в поэте, о той борьбе, в которой поэт очень медленно и очень трудно отходит от прежних идеалов и подходит к пониманию нового.

Особенно внимательно прислушивался он к мнению русских товарищей о своих переводах.

В эти годы он очень много переводит. Так он перевел «Мятеж» Фурманова, «Железный Поток»—Серафимовича, «Десять дней, которые потрясли мир»—Д. Рида, работал над переводом «Ревизора»—Гоголя, перевел некоторые стихи А. Жарова и других советских поэтов. Очень хорошо знал и любил Сергея Есенина, знал наизусть, перечитывал персидский цикл.

Но, пожалуй, самым любимым поэтом Пайрава был Маяковский. Много раз Пайрав пытался переводить Маяковского на таджикский язык, но каждый раз уничтожал переводы. Говорил, что у него не хватает таланта и знаний, чтобы перевести Маяковского.

В эти годы все более зрелым становится и поэтическое мастерство писателя и его мировоззрение, своими стихами поэт все больше и больше выходит на «передовые позиции классовой борьбы». Все больше и больше расширяется тематический круг поэзии Пайрава. По-прежнему волнуют поэта темы международные, темы укрепления женщины. Все шире отражается в его стихах жизнь республики.

Ведущая тема поэзии Пайрава—тема противопоставления двух миров,—осмысливается поэтом в этот период глубже, конкретнее. Он пытается осмыслить эту тему в классовом и историческом разрезе. Все чаще и чаще возвращается он к исторической тематике, стараясь через историческую тему по-новому, глубже понять настоящее. Это и стихи «1905 год», и его поэма «Кровавый трон» и незаконченная поэма «Башня смерти» и многие другие. Но, как уже говорила, историческая тема для Пайрава это не уход от действительности, как часто бывает в литературе, а лишь способ более глубокого осмысления этой действительности.

Именно в эти годы написаны самые сильные антиимпериалистические стихи Пайрава Сулаймони,—такие как «Жертва улицы буржуазной Европы», «Дело твоих рук», «Сидящему на троне», «Милитаристам Японии». Все эти стихи объединяет страстный поэтический темперамент поэта, его ненависть ко всем тем, кто виноват в том, что:

Все еще мир
не свободен от крови
Все еще памятью
даты поливы.

Все еще льются
сиротские
вдовьи слезы
Осенние ливни войны.

Его волнует землетрясение в Иране, революция в Китае, события в Афганистане. С гневным словом обращается он к милитаристам Японии и к колонизаторам Индии.

Новая тематика, политическая направленность стихов, новые элементы в словарном составе,—все это, как мы уже видели, вызывает необходимость введения новой ритмической организации стиха. Пайрав воспринимает ритм стиха, как силу, которая диктуется и оформляется идейно-тематическим материалом. Все сильнее и сильнее чувствуется влияние В. В. Маяковского на его творчество. Влияние поэзии Маяковского—это влияние поэзии действенной, активной, познающей и преобразующей мир. Оно сказывается и в выборе темы, и в чувстве современности и в постоянном поиске нового.

Страна социализма—«ударная бригада» всего трудящегося человечества. Таджикистан это яркий маяк на границе Востока, освещающий путь к социализму для всего человечества. Это чувство переднего края никогда не покидает поэта. И когда он пишет стихи, посвященные строительству Вахшстроя, то они звучат, как рапорт трудящимся всего мира:

Слушайте!
Вам!
Пролетарии мира!
Мчится весть над горами взлетая:
Там, далеко на Pamire,
Меж горных хребтов
Гиндукуша, Алтая,
Горячей порой
Под капиталистов злобный вой
Построен Вахшстрой!

Биография Пайрава, неразрывно слитая с его творческой эволюцией, сама по себе оказывается для нас серьезным подспорьем, когда мы говорим и думаем о том, что значит знание жизни для писателя, для поэта. К сожалению, очень часто мы сводим знание жизни к бесстрастному учету тех или других жизненных фактов, явлений, событий, противоречий и забываем главное, то, что когда-то говорил Гейне: «Сердце поэта—это мир и поэт—это сердце мира».

Знать жизнь означает для поэта переживать, чувствовать, раздираться противоречиями и конфликтами жизни, не в качестве описателя, наблюдателя, регистратора

событий, нет! Поэт должен быть живым участником событий, не созерцателем, а деятелем, более того,—борцом.

Знать жизнь—это ощущать, что без разрешения больших жизненных проблем и противоречий, без разрешения больших социалистических задач, стоящих перед страной—поэт не может быть лично счастлив, не может быть радостен, не может разрешить свои внутренние беды, трудности противоречия. Необходимо, чтобы для поэта внутренне лично был необходим коммунизм. Дзержинский как-то сказал:—Социализм—это общество людей, для которых необходимо жить в коммунизме. Именно таким человеком был Пайрав. Жизнь страны, и проблемы, стоящие перед страной, были для него личными, интимными, лирическими проблемами. Проблемами любви и ненависти. Отчаяния и счастья. Именно такому знанию жизни и учит нас жизнь Пайрава Сулеймони.

Но его жизнь оказывается для нас сейчас уроком и в другом отношении. Сейчас, когда создаются принципиально новые, совершенно невиданные отношения между людьми, совершенно новый лирический строй души человека, как никогда остро стоит проблема новаторства формы новаторства средств выражения этого нового строя чувств и мыслей. Но при решении этой проблемы зачастую совершаются две ошибки. Иногда новая форма оказывается продиктованной не внутренними законами эволюции стиха, а рассудочными соображениями. Но ведь современный стих впитал в себя весь многовековой путь поэтического развития. Даже отрицая старое, он стоит на плечах старого стиха, его древних достижений. Но встречается и другая

ошибка: многовековая культура стиха, как тяжелая глыба, придавливает робкий росток поэтического новаторства. Поэт всеми силами вырывается из затверженных готовых форм и поэтических оборотов. Пытается сказать по-новому, по-иному, но услужливая инерция сильнее, фразы заворачиваются в привычное, само собой разумеющиеся формы языкового мышления.

Пайрав на заре нашей поэтической жизни сумел избежать обеих этих опасностей. Пайрав был хорошим и рачительным наследником таджикской поэтической культуры. Он дышал и жил в атмосфере ее поэтических законов и тенденций. Сумев отказаться от вещественной собственности своего отца, он не отказался от богатейшего наследия своих поэтических отцов и прадедов. Но он не был хранителем их музея, сторожем поэтических кладовых прошлого... Лирическая мука освоения нового содержания нашей жизни оказалась для него поэтической мукой слова. Он искал такого нового слова, которое будет и новым и вместе с тем подчиненным объективным законам таджикского языка. Языка общенародного и языка поэтического. Говорить новое, не выдумывая его произвольно, а прислушиваясь к действительной музыке народной речи. Не всегда это Пайраву удавалось. Иногда, скажем резче, часто он ошибался и оступался. Но сами попытки и ошибки его очень дороги для нас и вместе с тем очень актуальны для нас в той борьбе за наилучшее поэтическое осмысление новой коммунистической действительности, которую мы ведем сейчас. И тут Пайрав оказался рядом с нами. Участником наших поэтических споров и открытий.

Шолом-Алейхем

(К столетию со дня рождения)

Литературное имя «Шолом-Алейхем» (восточное «салам алейкум»), что означает в переводе «мир вам», выбрал себе, вступая на писательский путь, 20-летний Шолом Рабинович. Это имя он оправдал своей жизнью, своим творчеством. Шолом-Алейхем своим мягким юмором, в котором слышна тихая печаль, своей любовью к простому труженику и умением находить черты глубокой человечности даже в смешных и жалких людях, в «маленьких людях с маленькими возжеланиями» снял себе любовь народа, стал истинно народным писателем.

А. А. Фадеев во вступительном слове на вечере, посвященном 80-летию со дня рождения Шолом-Алейхем, 19 апреля 1939 г., так охарактеризовал значение этого «классика еврейской литературы»:

«Народность Шолом-Алейхема прежде всего в его социальном гуманизме, любви к людям труда, вниманию к человеческой личности (особенно—формированию личности ребенка), в умении черпать полными пригоршнями из богатейшего источника народной мудрости, в том гениальном юморе, который великий Горький назвал «печальным и сердечным», и который сближает Шолом-Алейхема с Диккенсом, Твенем и Чеховым. Наряду с лучшими именами человечества мы поднимаем прекрасное имя Шолом-Алейхема, как символ братства, интернационализма, человечности, против каннибализма и мракобесия».

Значение Шолом-Алейхема как великого писателя-гуманиста нашло свою высокую оценку в том, что в инициативе Всемирного Совета Мира 100-летие со дня рождения Шолом-Алейхема отмечается ныне демократической общественностью всех стран как праздник мировой культуры.

Шолом-Алейхем придал многим своим новеллам форму монолога, предоставляя своим словоохотливым героям возможность самим нарисовать автопортрет, рассказать о себе, о своих мытарствах, излить свое горе, поделиться мыслями и рассуждениями, спросить совета у терпеливого слушателя. Таким терпеливым слушателем бывал

иногда и сам Шолом-Алейхем, к которому запросто приходили его герои.

Близость к простому честному народу Шолом-Алейхем ценил выше всего—это выражено великим писателем в его заветности:

«Где бы я ни умер, пусть меня похоронят не среди аристократов, знати и богачей, а среди простых рабочих, с подлинным народом, дабы памятник, который потом будет воздвигнут на моей могиле, украшал простые могилы вокруг меня, а простые могилы дабы украшали мой памятник, как простой честный народ при мой жизни украшал своего народного писателя».

Юмор Шолом-Алейхема мягок и лиричен, в нем нет издевки, он помогал людям жить и бороться. Писатель не смеется над народом, а смеется вместе с народом, он призывает читателя посмеяться от души над смешным: «Смеяться полезно, врачи советуют смеяться».

Шолом-Алейхем саркастичен, язвительен, насмешлив тогда, когда рисует портреты богачей, для которых единственный бог—золотой телец, как, например, герои сатирического романа «Сендер Бланк». С такой убийственной едкостью и реалистичностью изобразил он киевских биржевиков и банкиров в пьесе «Якнегов», что те, узнав себя в действующих лицах пьесы, добились у властей конфискации ее.

А. Н. Толстой видел заслугу Шолом-Алейхема в том, что он превратил юмор в боевое оружие: «Он отдавал своему народу свой юмор, чтобы этим тонким и умным оружием, которое нельзя ни отнять, ни

уничтожить, народ боролся в нечеловеческих условиях за право быть и чувствовать себя человеком».

Важнейшие герои шолом-алеихемовского творчества—любимый самим автором честный труженик, философ-оптимист Тевье-Молочник и ставший нарицательным именем вечный неудачник—фантазер Менахем-Мендль—монументальные фигуры общечеловеческого звучания.

С большой сердечностью и лирической теплотой изобразил Шолом-Алейхем детей, их жизнерадостность и неукротимое влечение к свободе, к красоте природы, весенней прелести, солнечным золотым лучам, «...в жизни, описываемых мною юных героев,—сказал Шолом-Алейхем—много событий и черт из жизни самого автора...»

Шолом-алеихемовский юмор своеобразен и неповторим: он одновременно вызывает смех и исторгает слезы у читателя. Великий пролетарский писатель А. М. Горький, прочитав повесть «Мальчик Мотл», писал Шолом-Алейхему:

«Книгу Вашу получил, прочитал, смеялся и плакал. Вся она искрится такой славной добротой и мудрой любовью к народу, а это чувство так редко в наши дни».

В ответном письме Шолом-Алейхем, который был тогда тяжело болен, благодарил Горького за письмо, подействовавшее на него «лучше всяких велемудрых профессоров и хитро придуманных лекарств».

Шолом-Алейхем дорожил дружбой Горького, испытывал чувство глубокой привязанности к нему и высоко глубокой привязанности к нему и высоко ценил его как «властителя дум», «человека с огромным талантом и золотым сердцем». Одна из героинь Шолом-Алейхема, разъярясь своему

отцу, кто такой Горький, говорит: «Горький нынче почти первый человек в мире».

Шолом-Алейхем сочувственно относился к идеям первой русской революции. Устами одного из своих героев он высказал собственную веру в то, что «наступит то счастливое время, о котором говорил Карл Маркс, Август Бебель и все добрые и умные люди». После «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 года он пишет песню-памфлет «Спи, Алексей», направленный против царя и его бездарного правительства. С истинно щедринской силой сатиры он пишет политический памфлет «Революция по ту сторону Самбатюна», в котором зло высмеивает «конституцию» 17 октября и царский манифест о даровании народу «свобод». После поражения революции 1905 г., Шолом-Алейхем не теряет веру в торжество народного дела, он говорит своим детям: «Вы увидите, в России еще будет великая революция... Но только бы скорее». Он не дождал до Великой Октябрьской социалистической революции, которую он предчувствовал.

Свою двухтомную автобиографическую повесть, которую он писал до последних дней своей жизни, названную им «творением творений, «книгой книг», «песней песен души» Шолом-Алейхем заканчивает бодро звучащей фразой «Человек—это то, чем он хочет быть», которая перекликается с горьковским «Человек—это звучит гордо».

Имя Шолом-Алейхема, писателя-гуманиста, пришедшего к читателю со словами «мир вам» на устах, произносится с уважением всеми, кому дороги прогресс, мир и дружба народов.

С. Гуревич

По горячему следу¹

Эта книга о суровых временах гражданской войны на Дальнем Востоке и в Средней Азии... Казалось бы, что можно нового сказать о тех грозных и мятежных днях после «Чапаева» и «Разгрома», романов Н. Островского и шолоховского «Тихого Дона» и многих других произведений о гражданской войне, заслуженно вошедших в золотой фонд советской литературы. Конечно, книга Г. Шелеста не может быть поставлена в один ряд с названными выше произведениями, в ней нет тех ярких и глубоко запоминающихся характеров, в ней нет того эпического размаха и широты изображаемых явлений, что является неотъемлемым качеством лучших произведений о гражданской войне. И все же читатель с большим интересом прочтет книгу «Горячий след», посвященную тем дням, о которых поется: «этих дней не смолкнет слава, не померкнет никогда»... Но дело не только в эпохе, изображенной в произведении, книга привлекает правдивостью и искренностью изложения, она написана хорошим языком, живо и увлекательно.

Ее автор—участник революции и гражданской войны. С 1918 года он воевал на Дальнем Востоке вместе с прославленным героем Сергеем Лазо. В рядах Красной Армии он прошел путь от рядового солдата до командира бригады. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1924 году он попадает в Среднюю Азию, где принимает активное участие в борьбе с басмачеством. Все пережитое писатель и стремится воспроизвести в своем произведении. В книге собрано 20 рассказов и одна повесть. Все они связаны не только единством действия,

но зачастую и общностью героев. Каждый рассказ, небольшой по объему, представляет вполне законченное произведение и вместе с тем является необходимым звеном в общей композиции сборника. Автор мастерски умеет выделить наиболее характерное и яркое в многообразной и сложной обстановке борьбы за власть Советов, передать напряженность этой борьбы. Всех героев от командира до рядового бойца объединяет горячая вера в правоту революционного дела, страстная мечта о светлом будущем.

За правду революции погибает безмянный чешский революционер, расстрелянный на одном из сибирских разъездов. («Начало»). Во имя великой идеи идет на гибель Мишка Соболев. Зверски истерзанный врагами, он прерывающимся голосом, задыхаясь в бреду, продолжал петь: ...Это есть наш последний и решительный бой. («В те дни»). Убежденность в правоте своего дела заставляет бойца Губанова убить родного брата, оказавшегося в лагере врагов («Братья»)...

Борьба не на жизнь, а на смерть... Она разделила людей на два непримиримых лагеря. И противопоставляя эти два мира, автор утверждает мысль об идейном и моральном превосходстве борцов революции над отживающим старым миром. В рассказе «Идея» эта мысль выражена особенно четко: спасая свою жизнь, один из пленных офицеров с готовностью убивает по приказу красного командира двух своих товарищей, также попавших в плен. Этот поступок привел в изумление партизан, они правильно увидели в нем проявление слабости врага и неизбежность его гибели. «Нет у них никакой идеи, живут они сами по себе. Теперь самое главное—не нам от них бе-

¹ Г. Шелест. Горячий след. Таджикгосиздат, Сталинабад, 1956 г.

жать, а им бежать надо на край света», — говорит один из героев рассказа.

Но и в эти суровые дни в сердцах бойцов горела не только ненависть к врагу, но и любовь к людям, забота об их будущем. Полон глубокого смысла эпизода, спасения маленькой девочки, оставленной родителями в одном из жарких боев, в повести «Горячий след». Красноармейцы с трогательной заботой относятся к ней. «Странным был этот детский плач среди небритых, обвешенных оружием мужчин. Они не терялись в атаках на пулеметы, но сейчас не знали, что делать с плачущим ребенком. Стояли и разговаривали вполголоса смущенно». И когда один из бойцов возразил, что девочку-то белогвардейская, комбат ответил: «Собственно говоря воюем за ребячье счастье». Эта устремленность в будущее характерна для многих рассказов сборника. Не случайно некоторые из них оканчиваются своеобразным лирическим отступлением автора, обращенным к современным дням.

Открывается книга повестью «Горячий след». Написанная в форме воспоминаний, она отличается фрагментарностью повествования, здесь нет последовательного изложения событий, автор воспроизводит лишь отдельные эпизоды из жизни и быта одного батальона, переформированного впоследствии в полк, но, написанные умелым рассказчиком, они выразительно передают жизнь тех лет. Вот мы видим суд над красноармейцем, который забрался в церковь и взял с престола золотой крест. Бойцы сурово осуждают мародера, приговорив его к расстрелу, и только просьба местных жителей спасает его от смерти. Запоминается эпизод, рассказывающий о партийном собрании: Мефодия Ковалева не приняли в партию из-за трусости. Партийные и беспартийные единодушно решили: коммунисты не бывают трусами. И стремясь искупить свою вину перед партией и товарищами, Ковалев отправляется в лагерь врага. «Вернулся он назад, — пишет автор, — с прострелянным плечом. Зато в руках у него был трофейный пулемет...»

В повести выразительно написаны массовые сцены: митинги, собрания, автор мастерски использует здесь многоголосые диалоги. Вот описание одного митинга в Кукане:

...Появились ребятишки, мужики, бабы. Они сгрудились у колодца. Группа парней

и подростков пришла с плакатами из выстиранного кумача. Между двумя палками растянулся кривобуквенный лозунг — «Трепещите, тираны! Восставший пролетариат предаст вас смерти!»

Плыл весенним полководьем говор:

— Это перед наступлением...

— Главнокомандующий приехал.

— Вчера я его видел. По повадке — из нашего брата, рабочих.

— Хы, рабочи!.. Из генеральского класса он. За большие миллионы купленный.

— Кто купленный? Тебя это, подлеца, купили... Морда с глазами.

— Чего ты? Что слушал, то и говорю...

— Батало коровье...

— Белым теперь совсем крышка...

— Отбегались...

— Маньча, иди сюда, отседа видней.

— Батюшку-то, девки, пропустите...

— Васька третьёво дни отцу объявил. «Уйду, грит, с Красной Армией». Мать плачет...

— Это их Никишка-кузнец сманывает».

Из этой многоликой массы автор выделяет комбата Бакутина, комиссара Авдеевко, здесь и рядовые бойцы Петушков и Ковалев, здесь и местные жители. Особенно удался автору Булдигеев, старый вояка, заслуживший еще в годы русско-японской войны два георгиевских креста.

Писатель показывает своего героя в различных жизненных ситуациях. Внешне суровый, он проявляет удивительную чуткость, заботясь о судьбе маленькой девочки, он один, не страшась, идет на медведя, мы видим его важно беседующего с главкомом, в толпе местных жителей во время танцев, — и т. д. Как и многие, он не прочь помечтать о жизни при коммунизме. Запоминается его образная речь. Уже при первом знакомстве с ним, в рассказе про атамана Семенова, слышится народный язык, одобренный крепким словом и юмором. Это о нем говорит один из героев повести: «Вроде неприкметный дед, как осенний лист, а духом могоуч.

К сожалению, не все герои в повести нарисованы столь же выразительно. Многие из них лишь бегло очерчены, бледны и схематичны. Этот упрек относится в первую очередь к образу комиссара Авдеевко. Не совсем удался и один из главных персонажей повести — Бакутин. Автор не сумел найти для него выразительных красок, наделив этот образ неповторимым и, ему одному присущими чертами.

Это тем более обидно, что Бакутин проходит почти через всю книгу. Но, возвращаясь к нему в последующих рассказах, автор существенно не углубляет характер этого героя. Тем большую значимость приобретает найденная художественная деталь, умение автора показать своего героя в таких обстоятельствах, когда с наибольшей выразительностью раскрывается основное в его характере.

С этой точки зрения удачен на наш взгляд рассказ «Вдвоем», где с большой теплотой и любовью нарисован прославленный герой гражданской войны Сергей Лазо. В одном небольшом эпизоде вырисовывается благородный образ мужественного борца революции, умевшего стойко переносить трудности в борьбе и поддерживать упавших духом товарищей. В образе Лазо писатель подчеркивает прежде всего его идейность, несокрушимую веру в победу коммунизма, и эта вера помогает ему переносить все тяготы. «Человек, — говорит он, — в борьбе должен быть, как кремень. Временами приходится тяжело. Но тяжесть несправедлива с великой целью, за которую мы боремся». О гражданской войне в Средней Азии повествуют рассказы, выделенные автором в цикл «Ходжентские зори».

Здесь особенно сильно звучит тема дружбы народов — одна из ведущих тем книги. На борьбу с басмачеством в далекие районы Бухары приезжают командиры Бакутин, Томир, летчик Ласкин, красноармеец Докин, с ними плечом к плечу сражаются таджики, узбеки, татары. Боец Ахмед Галиев свято хранит память о политуке Гордоне, истерзанном эмирскими палачами, но до последнего дыхания повторяет: — «Жил большевиком, умру большевиком. («У стен Бухары»).

Мужественно принимают смерть красноармейцы Роман Докин и Юсуф Максудов. Басмачи сжигают на костре... «—Прощай, Юсуф! — крикнул Докин, вспыхнув зеленым пламенем.

Над столбом поднялся серый дым, и стоящие вокруг басмачи услышали:

Вставай, проклятым заклепанный, Весь мир голодных и рабов. Принимая смерть, Докин пел «Интернационал» — великий гимн коммунистов». («Негасимый факел»).

Книга «Горячий след» свидетельствует о незаурядных литературных способностях ее автора. И следует пожелать Шелесту смелее обращаться к изображению нашей современной жизни.

Н. Садыкова.

Не в ладах с нормами языка

Все чаще на страницах «Литературной газеты» и литературных журналов появляются статьи, посвященные вопросам художественного мастерства, стилю и языку выходящих произведений.

И этот обострившийся интерес к языку вполне понятен. Литература в нашей стране стала поистине всенародным делом. Задачи литературы, роль писателей и их творений в построении коммунизма, повышение художественного уровня, внимательное, бережное отношение к языку — этот круг тем волнует в равной мере и писателей, и читателей.

Именно потому за каждой статьей и выступлением писателя следуют сотни писем читателей.

Так, например, статья А. Югова «Эпо-

ха и языковой «пяточок» в «Литературной газете» вызвала многочисленные отклики писателей, критиков и читателей — всех тех, кому дорога литература, кто с любовью относится к языку, к слову. А. Югов обрушивается на запретительные пометы лексикографов, высмеивает манерную и безвкусную речь, приводит примеры коверканья русского языка.

Особенно непростительно, когда «небрежение к родному языку» проявляют литераторы. Писатели, по определению А. Югова, — зодчие художественного слова. Это очень верно. Из сокровищ народного языка они создают произведения искусства, которые становятся достоянием народа, и, в свою очередь, воздействуют на его языковую культуру. И если писатели и жур-

налисты искажают язык, то их ошибки размножаются в десятках тысяч экземпляров, усваиваются широкими читательскими кругами.

Именно потому такое большое значение приобретает вопрос о бережном, внимательном и требовательном подходе к языку литературных произведений.

Наряду с изданием отдельных книг, с выпуском журналов и альманахов, с радиовещанием—проводником литературы в массы является газета. Многие стихи и рассказы впервые увидели свет на страницах газет, постоянно присутствуют в газете такие публицистические литературные жанры, как очерк и фельетон. Об одном из этих жанров—о фельетоне—и идет речь в этом письме.

История фельетона в русской прессе связана с такими блестящими именами, как Пушкин, Белинский, Герцен, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Гольций. Фельетон стал неотъемлемой частью советской публицистики. Замечательными мастерами этого жанра были Маяковский, Демьян Бедный, Михаил Кольцов, Ильф и Петров. С интересом разворачивает сегодняшний читатель газету, в которой напечатаны фельетоны С. Нариньяни, Д. Заславского, Леонида Ленча, остро и гневно высмеивающие туеядцев и чинуш, взяточников и пошляков. Авторы фельетонов на конкретных примерах клеймят нарушителей советской морали, возбуждают в читателях гнев и ненависть ко всему, что тормозит наше движение вперед.

В местных газетах тоже нередко появляются фельетоны. Обращение наших журналистов к этому злободневному, полемическому жанру газетной публицистики, стремление создать яркие, образные, запоминающиеся фельетоны обеспечивает жанровое многообразие газеты, помогает ее оживлению, способствует коммунистическому воспитанию читателей.

Довольно часто фельетоны появляются в газете «Комсомолец Таджикистана», и это вполне закономерно. Цель газеты—воспитание молодых читателей, и насмешка, сатира в этом деле хорошей, испытанной помощник.

Но, к сожалению, не все авторы фельетонов, помещенных в «Комсомольце Таджикистана», подходят к своему труду с должной требовательностью.

Оговоримся, это письмо посвящено только вопросу языка—литературного языка газетных фельетонов.

Нередко рубрика «фельетон» стоит над материалом, ничего общего с этим жанром не имеющим. Так, например, в номере газеты от 25 февраля 1959 года, помещена статья В. Лидина «Когда море не глубоко...» Автор рассказывает о безобразном поведении некоторых членов ленинабадской шахматной команды, говорит об этом с возмущением. Но это обычная статья, без наличия художественных образов, без каких-либо обобщений, без острого юмора, почему-то названная фельетоном. Да и другие фельето-

ны с большой натяжкой могут быть отнесены к этому жанру.

Но это еще не самое большое зло. Гораздо хуже, когда язык фельетона плохой, нелитературный. «Статья написанная тяжелым или пресным языком,—это все же статья, хотя и плохая. Фельетон написанный корявым языком или серым языком,—это вообще не фельетон»,—замечает Д. Заславский (Высшая партийная школа при ЦК КПСС, Газетные жанры. Учебное пособие по журналистике. М., 1955 г., стр. 228).

А такие фельетоны в газете, увы, еще встречаются. Вот несколько примеров, которые, как говорится, в комментариях не нуждаются. (Орфография и синтаксис в проводимых примерах сохранены без изменений).

«Постепенно лес убывал и убывал на сторону из государственного завода. Его(?) можно было найти в колхозах им. Куйбышева Шаартузского района, «Правда», Колхозабадского района, в том же Сары-Асийском районе и других» (А. Иванов, «Лесоторговцы», «Комсомолец Таджикистана» от 24. II. 58 года). В том же фельетоне есть и такая «оригинальная» фраза: «А на следующий день вечером он, как никогда, был весел».

В другом фельетоне того же автора мы также находим предложения, написанные весьма небрежно, чтобы не сказать больше. Вот некоторые из них: «Скажем прямо, их не интересовала судьба своей организации, в чьих руках она будет находиться». «Таким, как он, не место быть в нашем боевом строю...» «Борьба с хулиганством дело всей общественности. И потакать им(?), тем более работникам милиции, как это порою бывает в Шахринауском районе—нельзя» (А. Иванов, «Побежденный чемпион», «Комсомолец Таджикистана» от 28. XII-1958 года).

Никак не могут служить образцом правильной, литературной речи и такие предложения: «В одно прекрасное время, когда папа не был занят вечером своими делами, мама ему сказала...», или «Но как не скрывала мама о нехороших поступках сыночка, папа все же узнал» (Ан. Сонин, «Папа, мама и сын», «Комсомолец Таджикистана» от 1. II. 1959 года). И, наконец, что, кроме удивления читателей-медиков, может вызвать такое утверждение: «Ранее спокойное материнское сердце всерьез забилося». (Там же). Любопытное определение встречается в другом фельетоне того же автора—«В один из дней под покровом ночи...»

Мы говорим не о стилистических тонкостях, а о непреложных правилах и законах русского языка, нарушаемых некоторыми фельетонистами газеты.

Мы хотим своим письмом обратить внимание на то, что неграмотный язык, нетерпимый где бы то ни было, особенно вреден, когда он проникает в литературное произведение.

Большинство фельетонов, напечатанных в газете, хотя и посвящены морально-этическим вопросам, написаны бедным, невыразительным языком, полны избитых сентенций и поучений и не могут затронуть сердца и

чувства молодых читателей. Небрежное, неуважительное отношение к языку приводит к тому, что сплошь и рядом фельетон вовсе не достигает своей цели. Слабую форму не может спасти содержание, фельетон окажет сильное воздействие на читателя только тогда, когда его идея будет воплощена в соответствующей художественной форме. Нельзя забывать о том, что фельетон—это тоже литературное произведение, преследующее воспитательные цели. Особенно об этом следует помнить авторам, пишущим для молодежи.

Фельетон «Не сошлись характером» А. Иванова («Комсомолец Таджикистана» от 9. II. 59 г.) посвящен моральной проблеме. Легкомысленное, бездумное отношение к браку калечит молодые жизни,—говорит автор.—Оно несовместимо с высокой моралью советской молодежи, нуждается в общественном осуждении.

Мысль верная, нужная. Пример подобран удачно. Но каким языком это написано! Что ни предложение, то улыбка читателя. Не гнев против аморальных героев вызывает фельетон, а досаду и мысль: ну можно ли так писать!

Приведем целиком начало фельетона «Не сошлись характером». «Слова, которые мы вынесли в заголовок, часто можно услышать от супругов, подавших заявление на развод. Особенно это повторяют молодые люди. Не познавшие вкуса семейной жизни, они как-то легкомысленно идут на разрыв. И в объяснение—у него тяжелый характер,—говорит она, а он—вторит то же самое в отношении ее. Мы не собираемся делать вывод, кто прав. Для этого надо разобрать-

ся в каждом конкретном случае. И нельзя не согласиться, что характер не является одним из решающих фактов в укреплении семьи. Все это верно. Но позволительно спросить у молодоженов, рискнувших на разрыв, в чем сущность этого характера».

Что ни фраза, то нарушение норм русского синтаксиса и просто здравого смысла. В одном этом абзаце соседствуют стили канцелярский («каждом конкретном случае»), пошловато-романсный («не познавшие вкуса(?) семейной жизни») и т. д., тяжеловесный («нельзя не согласиться, что характер не является...») Автор путает слова «факт» и «фактор», не придерживается правил согласования («заявление на развод» и пр.), более чем свободно обращается с отрицаниями «не» и «ни», без всякой необходимости употребляет нелитературные слова («народился ребенок» вместо «родился»), придумывает «новые» слова («непререкание») и т. п.

Взявшись за важную тему, автор фельетона не добивается успеха в первую очередь потому, что написан фельетон плохо, небрежно, недостаточно грамотно. Подобные фельетоны могут возникать только как результат нетребовательного отношения авторов к русскому языку, к литературному мастерству журналиста.

Кончается фельетон афористично: «Помните, что любить надо не головой, а сердцем». Оставив в стороне вопрос о правильности этого утверждения, не останавливаясь и на том, что оно противоречит всему фельетону, хочется его несколько перефразировать: «Помните, что писать надо не только пером, но и головой!»

Читатель.

Хроника

Ценная книга

Абдулкадыр Шакури, преподаватель новометодной таджикской школы в городе Самарканде, составил в 1909 году хрестоматию для вторых классов начальной школы. В 1911 году этот сборник был издан вторично.

На 72 страницах книги, изданной литографским способом на хорошей бумаге, собраны 49 небольших прозаических рассказов и 14 стихотворных отрывков. В предисловии даны методические указания по обучению в новометодных школах.

Стилистические достоинства книги дают нам право считать сборник Шакури одним из лучших образцов литературного таджикского языка. Составитель немного опередил своих современников — писателей-джадидов, находившихся под влиянием усложненного, избыточного арабизмами стиля или подражавших витиеватому слогу турецко-османских писателей. Его рассказы написаны ясным,

выразительным таджикским языком. Выбранная им для хрестоматии классическая проза бережно и тонко отредактирована и сохраняет все свое языковое богатство.

Содержание книги вполне соответствует кругозору детей и лишено какого бы то ни было религиозного налета. В конце каждого рассказа дается моральный вывод, написанный понятным, доходчивым языком. Кое-где приводятся двустишия или отрывки из классических произведений, соответствующих данной теме.

В сборнике помещены отрывки из произведений классиков — Фирдоуси, Низами, Саади, Джами и др.

Но главная ценность и значение этой хрестоматии заключается в том, что ее составитель уже полвека назад сумел дать образцы русской художественной литературы, переведенные прекрасным литературным таджикским языком.

Здесь представлены рассказы Льва Толстого для детей и басни И. А. Крылова, переведенные как прозой, так и стихами. Басни «Мартышка и очки», «Ворона и лисица» переведены мастерски, с сохранением смысла и стиля подлинника.

Хорошо переведены басни «Волк и журавль», «Лисица и виноград», а также рассказы Льва Толстого «Лев и мышь», «Отец и сыновья», «Петр Первый и мужик», «Волк и овца», «Дед и внук», «Старик и смерть» и «Два товарища». В конце последнего рассказа Толстой пишет: «Он мне сказал, что плох тот, кто бросает своего товарища в беде, а сам убегает», Шакури заменил концовку замечательным изречением Саади, образно и поэтично выражающим эту мысль.

Твой друг — не собутыльник на пиру.
Когда тебе сопутствует удача,
Но тот, кто руку помощи подает
Среди беды, несчастья и плача!

Образ великого поэта

В сентябре прошлого года торжественно отмечалось 1100-летие со дня рождения Абу Абдулло Рудаки — великого таджикского поэта, основоположника таджикско-персидской поэзии.

В ознаменование этого юбилея сталинабадская киностудия «Таджикфильм» решила выпустить кинофильм о Рудаки.

В начале апреля состоял-

ся общественный просмотр кинофильма «Судьба поэта». Участники просмотра дали прекрасную оценку фильму. Высказано единодушное мнение, что это лучший из всех фильмов, созданных киностудией «Таджикфильм». Успех фильма «Судьба поэта» — это результат долгого и напряженного труда большого творческого коллектива.

Сценарий фильма написал

известный писатель Сатым Улуг-зода. Музыка написал композитор Бабаев. Производство фильма было поручено Кимягарову. Для съемки были привлечены лучшие артисты Таджикистана. Оформление фильма производилось художниками Ильябаевым и Шпинелем.

Роль Рудаки прекрасно сыграл молодой, талантливый артист Марат Арипов,

известный по фильму «Авиценна». Волнующий образ возлюбленной Рудаки создала молодая актриса Дильбар Касымова.

Особенно впечатляют массовые сцены — пир во дворце эмира Насра, возвращение Насра в Бухару, базар в Бухаре и другие.

По-настоящему волнует зрителя сцена побега возлюбленной Рудаки и её гибель — это самый трагический момент картины. С поразительной силой и страстью сделаны заключительные сцены кинофильма.

Фильм «Судьба поэта»

насыщен песнями, музыкой, стихами.

Кинофильм «Судьба поэта» — большая творческая победа молодого таджикского киноискусства. Этот фильм — достойный памятник великому таджикскому поэту Абу Абдуллу Рудаки.

Румынская артистка на сталинабадской сцене

Все чаще и чаще жители Таджикистана видят на сценах своих театров прославленных мастеров искусства.

Только в этом году перед

Сталинабадскими зрителями выступали балерина О. Лепешинская, Тамара Ханум, С. Большаков и другие.

В конце марта сталин-

абадцы тепло принимали молодую румынскую певицу, солистку Бухарестского оперного театра Теодору Лукачу.

Теодора Лукачу — одаренная певица. Она лауреат международных конкурсов вокалистов в Москве и Гугузе.

Несмотря на свою молодость, Теодора Лукачу выступала во Франции, Швейцарии, Австрии и других странах Европы. С большим успехом прошли гастрольные выступления Теодоры Лукачу в Советском Союзе.

Будучи в Сталинабаде, румынская певица выступила с сольными концертами. Восторженно встретили сталинабадцы выступление Теодоры Лукачу в опере «Фауст», где она блестяще исполнила партию Маргариты.

На снимке. Т. Лукачу в партии Маргариты.

Неделя детской книги

В дни весенних каникул проходила традиционная неделя детской книги. Торжественное открытие ее состоялось 24 марта в Сталинабадском Доме офицеров. Большой зал Дома офицеров заполнили учащиеся школ, учителя и пионервожатые. К ним в гости пришли любимые писатели Мирзо Турсун-заде, Мирсаид Миршакар, Виктор Байдерин, Клавдия Улуг-заде, Василий Кириллов, Г. Сулейманова и другие.

В период каникул во всех школах республики прошли утренники, посвященные неделе детской книги. На утренниках выступали писатели и поэты. Они рассказывали детям о своем творчестве, читали свои стихи и рассказы. Ребята выступали с чтением любимых стихотворений, высказывали свои поже-

лания писателям. В непринужденных задушевных беседах с писателями юные читатели делились впечатлениями о прочитанных книгах. Писатели знакомились с творчеством начинающих поэтов.

Центральный книжный магазин города Сталинабада также организовал встречу писателей с юными читателями.

Взволнованно и интересно прошел заключительный день недели детской книги. Он состоялся в Доме офицеров 31 марта. Сюда прибыли писатели Мирзо Турсун-заде, Мирсаид Миршакар, Абдусалом Дехоти, Фатех Ниязи, Клавдия Улуг-заде, Гафар Мирзоев. Со словами приветия к детям обратились М. Миршакар, А. Дехоти и К. Улуг-заде. Четыре объявления результаты республиканско-

го конкурса на лучшее детское произведение. Победители конкурса были награждены почетными грамотами ЦК ЛКСМ и премированы ценными подарками. После этого они выступили с чтением своих произведений. Наибольший успех выпал на долю ученика восьмого класса Колхозабадской средней школы Равиля Назметдинова. Особенно понравилось собравшимся его задушевное стихотворение «Мать», которое заканчивалось следующими словами:

...Птенцом еще я был тогда...
И нынешним полетом первым
Обязан ей на все года
Ее руками, простым и верным
Теперь платить за то смогу
Ей сердцем, жизнью, если надо,
Но все ж останусь век в долгу
Она же и «спасибо» рада...
Простое очень слово «мать»...
Но я готов поспорить с вами,
Что смысл его не передать
Насложнейшими словами.

Соревнования борцов Средней Азии и Казахстана

В начале апреля в Сталинабаде состоялась традиционная матчевая встреча по классической и вольной борьбе, в которой приняли участие сборные команды Ташкента, Алма-Аты, Фрунзе и Сталинабада. Это была последняя проба сил перед спартакиадой народов СССР, до открытия которой осталось всего четыре месяца.

Надо отметить, что на этот матч наши гости, особенно участники соревнований по классической борьбе, приехали хорошо подготовленными.

...С первых же встреч борцов зрители почувствовали, что на победу в матче будут претендовать две команды—Ташкента и Сталинабада. И действительно, оба эти коллектива к моменту встречи не имели поражений. Борцы Ташкента победили команду г. Фрунзе со счетом $7\frac{1}{2} : 1\frac{1}{2}$ очка и первенствовали над командой Алма-Аты с результатом $5\frac{1}{2} : 2\frac{1}{2}$ очка. Сталинабадцы также выиграли у этих коллективов соответственно со счетом $5\frac{1}{2} : 2\frac{1}{2}$ и $6 : 2$.

И конечно, самой интересной в этом матче была встреча команд Сталинабада и Ташкента, от исхо-

да которой зависела судьба первого места. Вот как шла эта борьба.

...На ковре первая пара, борцы Н. Евсеев и студент сталинабадского техникума физкультуры В. Крюков. Половину времени схватки проходит в обоюдных, но безрезультатных атаках. Наконец, Евсееву удается поймать соперника на прием, который судьями оценивается в два очка. Но через несколько секунд Крюков отвечает таким же приемом, причем более удачно: лопатки Евсеева касаются ковра и судьи на 9-й минуте фиксируют победу сталинабадского спортсмена. $1 : 0$ —лидируют таджикские борцы.

Во второй паре встретились опытный мастер спорта В. Синкин и ташкентский спортсмен, чемпион СССР прошлого года по группе юшовой М. Клейнер. Первая половина схватки прошла при преимуществе Клейнера. По правилам, ему предоставляется выбор продолжения борьбы, «стойку» или «партер». Клейнер предпочитает борьбу в стойке. Противники сближаются... Через мгновение Синкин, обхватив соперника, бросает его через себя, и Клейнер приземляется на лопатки. Туше!

На ковре третья пара, А. Аблаев и сталинабадец А. Гнедой. На протяжении 12 минут этой схватки чувствовалось преимущество Аблаева и ему присуждают победу по очкам. Счет становится $2 : 1$.

Следующие схватки мастеров спорта Р. Аблаева с В. Прусовым, Д. Маркевича с Э. Цахоевым протекали в обоюдоострой борьбе и окончились победами по очкам сталинабадца В. Прусова и ташкентского спортсмена Д. Маркевича. Затем мастер спорта Ю. Зеленин—надежда ташкентской команды, в борьбе с перво-разрядником М. Неумывако сравнивает счет, тушируя сталинабадца на седьмой минуте.

Это был переломный момент во встрече сильнейших команд. В последних двух парах узбекские борцы мастер спорта Л. Ватрушин и В. Останович победили А. Шейлола и М. Сухорученко. Встреча команд Ташкента и Сталинабада закончилась со счетом $5 : 3$.

В итоге соревнований по классической борьбе первое командное место занял коллектив Ташкента. На второе место вышли спортсмены Сталинабада, на третьем команда Алма-Аты.

В редакцию журнала „Гулистон“

В статье «Песня должна быть песней» опубликованной в альманахе «Гулистон» № 1, совершенно правильно вскрываются пороки, присущие начинающему поэту В. Супину, а критика в мой адрес—верна и справедлива.

Я допустил грубейшую ошибку, написав безответственное, развязное письмо в Министерство культуры, положительно оценив явно сырые, непригодные ни к печати, ни для текста к музыке стихи В. Супина. С резкой

оценкой их литературной общественностью (после внимательного их чтения) я вполне солидарен.

За 25 лет творческой работы—это моя первая серьезная ошибка. Надеюсь, что она будет и последней.

Резкая, но справедливая критика предостережет меня от подобных ошибок, окажет необходимую помощь в дальнейшей литературной работе.

Ив. Зарайский.

Рукописи не возвращаются.

Редакционная коллегия:

К. Я. ЛАГУНОВ (ответственный редактор)

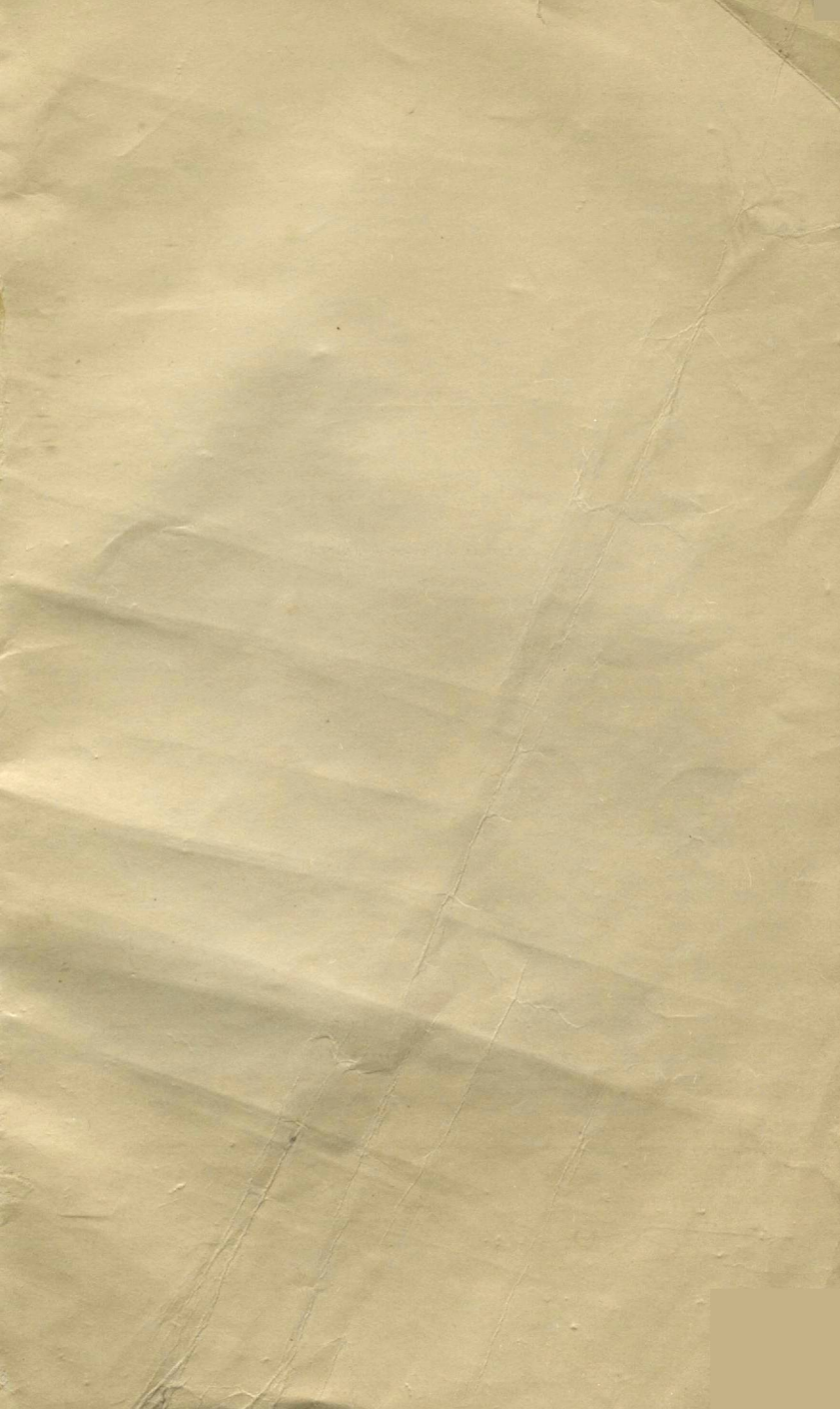
В. А. БАЙДЕРИН, В. С. ЖУКОВСКИЙ (ответственный секретарь), **В. Ф. КИРИЛЛОВ,**
М. И. ЛЕВИН, Е. К. ЛОПАТИНА, Г. МИРЗОЕВ, С. УЛУГ-ЗОДА, М. П. ФОФАНОВА,
Р. ХАДИ-ЗАДЕ.

Худ. редактор *Г. Петухов.*

Корректор *В. Онищенко*

Сдано в набор 1/IV-1959 г. Подписано в печать 7/IV-1959 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Печ. л. 10,5. Учет. изд. л. 15,32. КЛ 01607. Заказ № 4360. Цена 5 руб. Тираж 3000.

г. Сталинабад, Полиграфкомбинат Министерства культуры Таджикской ССР.

5 руб.

21091